

[Polaris]

ЛУННЫЙ

КУРЬЕР

Книга забытой фантастики

Том II

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССХХІІІ

Salamandra P.V.V.

ЛУННЫЙ КУРЬЕР

Книга забытой фантастики
Том II

Составление и подготовка текстов
М. ФОМЕНКО

Salamandra P.V.V.

Лунный курьер: Книга забытой фантастики. Том II. Сост., подг. текстов и прим. М. Фоменко. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 270 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СССXXIII).

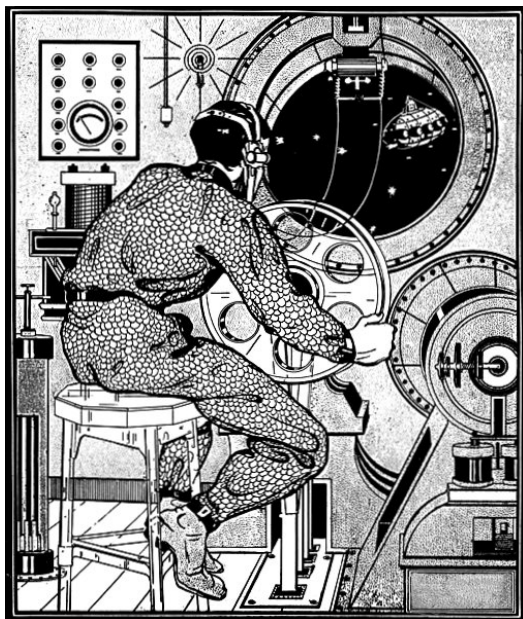
В сборник вошли раритетные научно-фантастические произведения западных писателей первых десятилетий XX века. Среди авторов читатель найдет как громкие и знаменитые, так и малоизвестные имена.

© Authors, estate, 2019

© М. Fomenko, состав, подг. текста, прим., 2019

© Salamandra P.V.V., оформление, 2019

ЛУННЫЙ

КУРЬЕР

Людовик Брессель

СОН СЭРА С. Г. В. ФЕРКЕТТА

I

— Особенного, — сказал мне Берен, — на гигиеническом конгрессе в Александрии не произошло ничего, но, вообще говоря, его можно причислить к удачным. Я вернулся оттуда нисколько не утомленным, с воспоминаниями о приятном путешествии. Впрочем, вы знаете, как я отношусь к конгрессам. Я присутствовал на торжественном открытии, выслушал речь почетного председателя, а затем, вместо того, чтобы высиживать скучные заседания, бродил по народным кварталам Александрии. Я изучил их вдоль и поперек... Кстати, знаете ли, кого я встретил во время своих скитаний по Александрии? Нет, не утруждайте себя понапрасну, вы не догадаетесь... Я встретил Мореля.

— Неужели, — воскликнул я, — доктора Мореля? Вашего приятеля Мореля, исчезнувшего около двух или трех лет тому назад, почти тотчас же вслед за открытием им врачебного кабинета на площади Девог? Тогда, я помню, даже

посплетничали на его счет, не зная, чему приписать столь неожиданный отъезд... Вероятно, как водится, была замешана женщина, — не так ли?

— Вовсе нет, — ответил Берен, — тут женщины ни при чем! Вы располагаете свободным временем? Пойдемте тогда ко мне, я расскажу вам все так же откровенно, как он сам рассказал мне.

Ровно три года тому назад, 21-го мая, Морель явился в камеру полицейского комиссара на бульваре Бомарше. Когда его пригласили в кабинет этого представителя парижской администрации, он сделал приблизительно следующее заявление:

— Милостивый государь, вы видите перед собою доктора Мореля. Всего пять дней тому назад я вновь открыл, на углу улицы Деминим и площади Девог, давно уже закрытый врачебный кабинет доктора Дежене. Я пришел сообщить вам, что очутился в крайне затруднительном положении, граничащем с нарушением закона. Виноват в этом, впрочем, как вы сами сейчас поймете, всецело мой предшественник.

Я уже год почти искал возможности как-нибудь устроиться. Мои средства не позволяют мне откупить у какого-либо врача его клиентов; а вы знаете, как рискованно здесь открыть собственный кабинет, не располагая рекомендациями: одних познаний и желания потрудиться недостаточно для приобретения хоть сносной практики.

С другой стороны, причина интимного свойства, — впрочем, мне незачем скрывать от вас, — я надеялся на обручение с любимой девушкой, — заставляла меня не желать удаления из Парижа.

Один из моих друзей, посвященный в мои надежды и знавший доктора Дежене, познакомил меня с этим последним.

Доктор Дежене, как я уже сообщил вам, давно уже прекратил практику. Однако, он сохранил много дружественных связей в квартале и согласился представить меня семьям, в которые имел доступ.

Обладая хорошими средствами, он пожелал выселить-

ся в не столь центральную часть города; он перевел на мое имя свой контракт на квартиру и, не требуя никакого вознаграждения, переехал на бульвар Брюн, в более скромное помещение.

Вы поймете, что я чрезвычайно обрадовался этому счастливому случаю и с восторгом приветствовал эту сделку.

Мой собрат и предшественник, сделав надлежащие указания, простился со мной и добавил, признаться — как мне тогда показалось — слишком торжественным тоном:

— Я должен через несколько дней повидаться с вами, мой молодой друг. Впоследствии вы поблагодарите меня за это.

Затем он отправился на свою новую квартиру.

В течение первых трех дней я устраивался; я расставлял свою скромную мебель при помощи экономки, обязавшейся открывать в приемные часы двери моим будущим клиентам.

Вы, конечно, знаете, как смущают старинные постройки на площади Девог людей, которые никогда прежде не проникали в них.

Узкие коридоры, толстые стены, странные чуланы, придающие помещению таинственный вид, огромные шкапы в стенах, в хозяйственном отношении весьма удобные...

Во время своих скитаний по различным комнатам, я заметил в глубине приемного кабинета один из таких шкапов. Ключа к нему не оказалось в связке ключей, которую вручил мне привратник.

Меня несколько удивило, что этот шкаф устроен в том самом углу, который выходит и на улицу Миним, и на площадь Девог; пространство, занимаемое им, показалось мне гораздо более значительным, чем уделяемое обыкновенно такого рода хранилищам.

Я, впрочем, не обратил на это особенного внимания, рассчитывая, что мой предшественник, во время предстоящего посещения, передаст мне ключ, очевидно, захваченный им с собой по ошибке.

Доктор Дежене посетил меня вчера. Он пришел ко мне в часы, которые я назначил для приема.

Старик только что позавтракал с друзьями и признался мне, что, вопреки своему обыкновению, согласился выпить несколько стаканов вина, вследствие чего чувствует себя неважно...

— В шестьдесят лет, мой молодой друг, — сказал он, — надо беречь свои силы. Никогда больше я не позволю подбить себя на такую неосторожность. Не стоит, впрочем, и говорить об этом. Довольны ли вы?

Я ответил, что за мной присылали двое из его прежних клиентов и что я счел это за хорошее предзнаменование.

— Действительно, это очень, очень хорошо. Вы устроитесь здесь как нельзя лучше. Мне очень приятно, что мы с вами сошлись; у меня есть тайна, которая могла бы несколько обеспокоить вас, если бы вы уже не расположились окончательно в этом доме. В настоящее время я могу сообщить вам все... Эту тайну я храню уже четырнадцать лет... Это несколько удивляет вас? Я сначала хотел перенести ее в свою новую квартиру, но потом раздумал. Мне, как я вам уже сказал, шестьдесят лет. Я могу умереть в любой момент, хотя сохранил и зрение, и бодрость, — а мой секрет должен быть охраняем еще целый год. Проживу ли я еще год? И вот я пришел посвятить вас в эту тайну, будучи уверен, после двухмесячного знакомства с вами, что она заинтересует вас так же, как меня... Если роковой черный рыцарь, о котором говорит Гейне, вышибет меня из седла раньше, чем истечет назначенный срок, вы продолжите за свой счет и ради собственной славы опыт, который мне не удалось довести до конца.

II

— Эти слова, г. комиссар, как вы видите, весьма заинтересовали меня.

— Вот, — продолжал доктор Дежене, опустив руку в карман, — ключ от шкапа, занимающего угол в этой комнате. Будьте любезны, закройте сначала дверь на задвижку.

Сделав это и вернувшись назад, я увидел своего коллегу стоящим перед раскрытым шкапом.

Внутри его не было видно ничего, кроме блестящей металлической ручки.

Доктор Дежене погрузил руку в темное пространство, схватился за ручку и сильно дернул за нее. Я услышал шум движущихся колес; к двери шкапа выкатился огромный ящик, установленный на две рельсы.

Я приблизился, любопытствуя, что будет дальше.

Старик поднял крышку ящика и подпер стальной подставкой.

Глаза мои, освоившиеся уже с темнотой, различили лежащего в длинном ящике человека лет сорока, казавшегося спокойно спящим.

Я не мог удержаться, чтобы не вскрикнуть от изумления, и невольно отшатнулся от неожиданного зрелища.

— Успокойтесь, — сказал мне доктор Дежене, сохранивший поразительную невозмутимость, — джентльмен, которого вы видите перед собой, ни в коем случае не может пошевелить хотя бы пальцем без участия моей воли. Между тем, я желаю, подчиняясь в данном случае лишь его собственному распоряжению, разбудить его лишь 20-го мая 1907 года, в день рождения сэра Самуэля-Генри-Вильямса Феркетта, которого имею честь представить вам, в подтверждение повествования об его странном приключении.

Для того, чтобы вы поняли меня, — продолжал доктор Дежене, — я попрошу вас мысленно перенестись вслед за мной на тридцать лет назад, к тому времени, когда я, увлеченный физиологическими исследованиями, всецело погрузился в работы, которые, впрочем, и тогда не обратили на себя особенного внимания. Знаете ли вы муху из породы *seugomia*?

— Да, — ответил я, — я что-то читал о сейгомии, изучая паразитологию перед экзаменом на третьем курсе. Кажется, именно от личинки сейгомии, развивавшейся в ноздрях, умер папа Адриан IV-й, имевший пагубную привычку спать на открытом воздухе?

— Быть может, вы правы, — возразил доктор Дежене, —

но мне кажется, что вы лишь весьма поверхностно ознакомились с этим почтенным двукрылым. Знайте же, мой молодой друг, что личинки сейгомии чрезвычайно падки до мясного, но могут поддерживать свое существование лишь в том случае, если животная пища преподносится им в живом виде. Чтобы обеспечить пищей свое потомство, муха сейгомия пользуется тактикой поистине гениальной. Умная, точно ей известны самые затаенные подробности анатомии мотыльков и бабочек, она выискивает их коконы и отчасти разрывает их, чтобы проникнуть внутрь; затем своим жалом она производит восемь уколов куколке, которую заключает в себе кокон. И заметьте, точки этих восьми уколов всегда совершенно точно соответствуют восьми нервным двигательным центрам пораженной куколки.

В проделанные таким образом восемь каналов сейгомия впрыскивает, при помощи своего хоботка, особенную жидкость, выработанную специальными железами. При соприкосновении с этой жидкостью, нервные центры впадают в необычайное состояние: происходит — если позволительно так выразиться, — временное прекращение жизни. Сейгомия кладет свои яички в отверстие кокона и, когда зародыши проявятся, личинкам готов изобильный и всегда свежий стол: они питаются своей беспомощной жертвой — куколкой, остающейся живой, но недвижимой, как бы ввапшей в столбняк, не имеющей возможности оказать сопротивление.

Весьма пораженный этими обстоятельствами, я собрал достаточное количество сейгомии и коконов и подверг их в своей лаборатории самому тщательному наблюдению.

III

— Я убедился, во-первых, что пораженные уколами сейгомии куколки не разлагаются по прошествии шести месяцев и даже года, продолжая пребывать в состоянии мнимого омертвения.

С другой стороны, после длинного ряда неудачных попыток, мне удалось достигнуть изолирования тех особенных желез у сейгомий, о которых я упоминал; я извлек из них, посредством простой перегонки, несколько капель жидкости, подвергнутой мною химическому анализу.

Задача эта потребовала двух месяцев кропотливой, усидчивой работы..

Вы не можете себе представить, с каким восторгом обнаружил я, что могу без малейшего затруднения искусственно воспроизводить удивительную жидкость, состоящую исключительно из известных уже химических элементов.

Трудный процесс химического синтеза был благополучно доведен мной до конца, — и я оказался обладателем такого количества этой жидкости, которого хватило бы для всех сейгомий, сколько их ни существует на свете.

Я мог быть доволен достигнутым результатом; но задача не была еще исчерпана. Одна фантастическая мысль завладевала мной все больше и больше.

Если соединение данных веществ может привести в состояние мнимой смерти нервные центры живого существа, почему бы другое вещество, являющееся словно противоядием первого, не могло уничтожить его действие и возвращать жизнь парализованной жертве?

В течение целых трех лет я расточал свои усилия на всевозможные попытки в этом направлении, перепробовал тысячи комбинаций.

И успех, наконец, увенчал мои усилия!

Я с торжеством увидел, что одна из моих куколок, пребывавшая в неподвижности дольше года, после соответствующего впрыскивания не только ожила, но и преобразилась в чудную бабочку.

Тогда я составил доклад о своем открытии и отпечатал его брошюрой... Но, мой молодой друг, я не был официально признанным ученым; кем был, в самом деле, какой-то доктор Дежене? Захолустным врачом, пребывавшим в одиночестве и неизвестности.

Я примирился со своей участью и продолжал работать для своего личного удовлетворения.

Я стал брать для дальнейших испытаний все более сложных животных. Начал с пиявок, потом перешел к раковидным, затем — к существам с еще более сложной организацией: птицам, рыбам. Наконец, я включил в круг своих опытов морских свинок и собак, — столь часто расплачивающихся своей жизнью за успехи нашей экспериментальной науки.

Во всех случаях я достигал одинакового, поразительно-го успеха.

Кроме того, мне удалось подметить еще одно любопытное явление: мои питомцы, возвращаясь к жизни, оказывались не постаревшими ни на один день.

Их шерсть не линяла; их привычки не менялись. По прошествии пяти или шести лет, можно было подумать, что они заснули лишь накануне.

Состояние мое было настолько значительно, что я мог себе позволить роскошь отпечатать в десятках тысяч экземпляров и распространить по всему свету, так сказать, манифест публике — воззвание, протестующее против косности тех, которым следовало бы явиться не только моими судьями, но и сотрудниками.

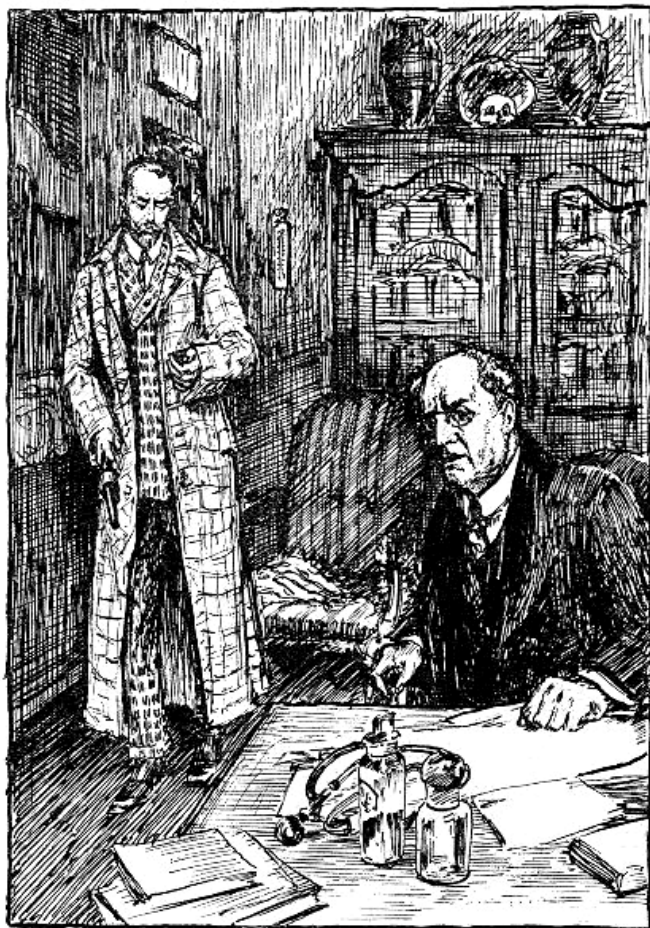
Брошюра моя проникла во все части света, но никто не отозвался; я не получил ни одного осмысленного ответа. Да и смешно было думать, что уравновешенные, рассудительные люди обратят внимание на такие сказки! Меня могли понять разве только сумасшедшие...

И в самом деле, ко мне явился один из них, — человек, обезумевший от любви.

Сэр С. Г. В. Феркетт, — продолжал свое необычайное повествование доктор Дежене, — был одним из тех смертных, обремененных десятками четырехмиллионов, каких сплошь и рядом можно встретить в Новом Свете.

В один прекрасный майский день 1890 года он вошел ко мне, в тот же кабинет, в котором мы сидим.

Это был мужчина огромного роста, атлетического телосложения, в невероятном костюме с разноцветными четырехугольниками, говоривший почти правильно по-французски.

Он сказал мне без всяких околичностей:

— Я хочу, чтобы вы усыпили меня. Я заплачу, сколько понадобится.

Я никогда не занимался гипнотизмом и поэтому вовсе не понял, чего он хочет.

Я объяснил свое недоумение.

Тогда американец вынул из кармана своего пальто одну из моих брошюр и, — к довершению моего изумления, — заявил, что желает быть «усыпленным» по моему методу на пятнадцатилетий срок.

Когда я наотрез отказался исполнить его желание, сэра Феркетт удивился, в свою очередь. Он не мог понять, что законы Франции не позволяют производить подобные опыты и что я подлежал бы уголовной ответственности, если бы отважился на нечто подобное.

Янки рассказал мне, что заставило его решиться на столь эксцентричный поступок.

Дело обстояло как нельзя проще.

У сэра Феркетта имеется восемнадцатилетняя племянница, дочь его сестры, вышедшей замуж за французского чиновника и живущей в Париже. Чиновник этот располагает ограниченными средствами, почти нуждается.

Во время своего последнего пребывания во Франции сэра Феркетт по уши влюбился в молодую девушку; это — жемчужина, очаровательнейшая из парижанок! Он решил во что бы то ни стало жениться на ней. Он предложил разделить все свое состояние, хотел щедро обеспечить будущность отца, матери, других детей; семья была в восторге от предложения, но причудливая девушка не желала и слышать об этом браке. Она уверяла, что крайне расположена к дяде, но — никогда не согласится выйти замуж за человека, который старше ее на двадцать два года.

— Если вы можете, — насмешливо говорила она, — помолодеть на пятнадцать лет или сделать, чтобы я состарилась на столько же, я хоть завтра стану вашей женой!

В течение шести месяцев, которые он пробыл в Париже, никакие настояния родных, никакие упрасивания и обещания с его стороны не могли преодолеть упорства взбалмошной племянницы, не перестававшей по пятидесяти раз в день повторять свою злую шутку.

Хуже всего было то, что она, наконец, стала произносить ее совершенно серьезно; однажды она даже вернулась домой с моей брошюрой и с торжеством указала на нее влюбленному американцу.

Сэр Феркетт сначала удивился; потом, однако, он решил немедленно попытаться...

Упрямица с восторгом подписала клятвенное обязательство выйти по истечении пятнадцати лет замуж за сэра Фер-

кетта, если он подвергнется временному усыплению.

Американец вынул из другого кармана документ и с ликующим видом указал мне на ее подпись.

Несмотря на это блистательное доказательство романтической страсти, я не сдавался, продолжая отрицательно качать головой...

Тогда сэр Феркетт сунул руку в третий из своих бесчисленных карманов и вытащил револьвер.

— Послушайте, — добавил он, — если вы не хотите согласиться на мое предложение, мне остается только покончить с собой. Но раньше я убью вас. *All right!* Даю вам пять минут на размышление...

Из его жилетного кармана вынырнул золотой хронометр; сэр Феркетт, посвистывая, оперся о камин и стал смотреть на часовую стрелку.

Я колебался недолго. Мне сразу пришло в голову, что стоит только сделать одно или два впрыскивания морфия, и американец погрузится в спокойный сон, — я же поспешу предупредить полицию.

Расчеты мои оказались, однако, ошибочными: я не принял во внимание феноменальной натуры пациента. Случай крайне редкий, — после первого укола американец почувствовал себя крайне дурно, не испытывая ни малейшего позыва ко сну; второй и третий уколы повлияли ничуть не лучше...

Наконец, догадавшись, вероятно, что я схитрил, взбешенный американец схватил склянку, на которой отчетливо значилась надпись «морфий», разбил ее вдребезги о паркет и, держа револьвер у моего горла, принудил меня показать бутылку с таинственной жидкостью.

Не помню, сказал ли я вам уже, что называл ее «дормином»?* Название это повторялось более двадцати раз в моей брошюре. Сэр Феркетт тотчас же узнал его.

Не опуская револьвера, он следил за тем, как я наполнял ею свой шприц; затем он невозмутимо перенес два уко-

* От *фр. dormir* — спать (*Прим. сост.*).

ла, необходимых для того, чтобы привести человека в состояние искусственной летаргии.

После первого впрыскивания, сэра Феркетт присел и голова его стала качаться из стороны в сторону. После второго укола, он тяжело рухнул на пол, карманная пушка, которой он грозил мне, выпала из его рук.

Первые минуты были для меня ужасны... Что сделал я...

Само собой разумеется, это было первое применение моего метода к человеческому организму... Правильны ли мои соображения?.. Не причинил ли я действительной смерти — вместо временного прекращения жизни, которое обещал?

Через несколько минут, преодолев свое смущение, я стал ощупывать тело, лежавшее у моих ног...

По прошествии четырех часов, я почти успокоился: не было заметно ни малейшего признака посмертного оцепенения. Я закрыл на ключ дверь своего кабинета и вышел на улицу, чтобы обстоятельно обдумать случившееся.

В сущности, — раз уж это произошло, — мне следует примириться с явлением и поступать соответственно!

Вернувшись домой поздно ночью, я не заметил в состоянии усыпленного ни малейшей перемены; я перенес его — не без труда — в кладовую, которую закрыл на ключ. На следующий день я заказал этот огромный ящик, этот сундук-гроб, который вы видите перед собой; я пояснил столяру, что имею намерение складывать туда мои занавеси и шубы, чтобы предохранить их от моли.

Мне почти нечего больше рассказывать вам.

Сестра сэра Феркетта, визита которой я ожидал не без опасения, действительно, через несколько дней посетила меня.

Она рассказала мне, при каких условиях исчез американец.

Я ответил, что впервые слышу о существовании ее брата.

В разных газетах Европы и Нового Света были помещены объявления о пропавшем, но, так как у него не было других родных, дело это вскоре заглохло.

Сэру Феркетту, ни одна черта которого не изменилась,

по-прежнему 40 лет; 20-го мая 1907 года я сделаю ему необходимое впрыскивание, и мы будем присутствовать при его оживлении. Ведь вы не откажете мне в своем содействии, Морель? Мы докажем на деле, что нет надобности принадлежать к числу официальных, патентованных ученых, чтобы обогатить науку новым открытием.

Кроме того, — хотя я не нуждаюсь в этом, — я, несомненно, получу щедрое вознаграждение за услугу, оказанную американцу, который получит возможность жениться на избраннице своего сердца, осуществив ее фантастическое желание. И вы, конечно, не сомневаетесь, что львиная доля этого гонорара будет уступлена вам, мой молодой друг! Не отказывайтесь, я непременно хочу, чтобы этот случай помог вам устроить свою карьеру.

Но, как вам нетрудно понять теперь, я затрудняюсь дольше хранить в полной тайне состав пробуждающего впрыскивания. Мало ли что может случиться со мной!.. Я сейчас же продиктую вам формулу рецепта, которую вы заучите наизусть; затем, последовав моему примеру, вы сожжете эту бумагу. Было бы слишком глупо, если бы ей воспользовались мои неблагодарные современники!

V

— Слова доктора Дежене ошеломили меня, г. комиссар, — продолжал Морель. — Я машинально сел за письменный стол, взял перо и отрывную книжку для рецептов, а доктор Дежене, по-видимому, чувствуя себя очень дурно, открыл окно и опустился передо мной на кресло...

Он продиктовал мне следующую формулу:

«Впрыскивание, применяемое в качестве противоядия от дормина, в дозах для взрослого человека.

Взять три грамма хлористого кальция.

Один грамм шестьдесят сантиграммов насыщенной хлороформом, свежепродистиллированной воды. Пятьдесят два

сантиграмма чистого терпина, растворенного в трех кубических сантиметрах алкоголя в девяносто градусов».

Доктор Дежене делал паузы между каждым предложением. Голос его прерывался и заметно дрожал.

Он продолжал, тем не менее, диктовать:

— Добавьте полмиллиграмма...

С лежащим на бумаге пером я ожидал продолжения; но оно не последовало... Подняв тогда глаза, я увидел, что

доктор Дежене опустил совершенно багровую голову на свое плечо; струя слюны скатилась на лацканы его сюртука.

Я тотчас пустил ему кровь, попробовал применить искусственное дыхание, ритмически двигал язык.

Ничто не помогало: доктор Дежене умер.

Я тотчас же телефонировал на станцию городской врачебной помощи. Присланная карета отвезла тело скоропостижно умершего, как принято в подобных случаях, в ближайшую больницу.

Два полицейских агента явились для составления протокола.

Вы, должно быть, уже ознакомились с их докладом, г. комиссар?

Комиссар быстро перелистал бумаги, лежавшие на его письменном столе, и сказал:

— Да, этот протокол здесь... Я еще не прочел его, — мы так завалены работой!

Затем оба собеседника замолчали.

Комиссар украдкой рассматривал Мореля, сомневаясь в его нормальности. Молодой врач, наконец, спросил:

— Теперь, г. комиссар, я снял с себя тяжелую ответственность. Что должен я делать дальше?

Комиссар ответил ему с озабоченным видом:

— Вам следовало вчера же, немедленно после происшедшего, явиться ко мне с этим заявлением. Мне остается снесться с моим непосредственным начальством; мы примем надлежащие меры. На всякий случай, мы наложим, в вашем присутствии, печати на ящик и на двери вашего кабинета. Я попрошу вас быть готовым явиться по первому требованию суда. А теперь мой секретарь занесет на бумагу ваше показание.

Морель, потрясенный таким отношением к нему, не пожелал ни минуты долее остаться в своей квартире; он временно переселился в гостиницу. По прошествии трех дней, ему прислали туда повестку с требованием явиться к следственному судье, которому вся эта история показалась весьма подозрительной.

Моего друга пригласили в бюро антропометрического

измерения, сфотографировали прямо, в три четверти и в профиль, сняли отпечатки с его пальцев и пересмотрели карточки архива сыскного отделения, чтобы убедиться, не совершил ли он уже ранее какого-либо преступления.

Во время второго допроса, через шесть дней после смерти доктора Дежене, следователь сообщил, что, к его большому сожалению, дело подлежит дальнейшему производству, Морель же привлекается к ответственности по обвинению в убийстве.

Следственный судья предварил, что считает необходимым подвергнуть Мореля личному задержанию; он предложил молодому врачу самому явиться через четыре дня, чтобы подчиниться приказу об арестовании, который он вынужден испросить от прокуратуры.

Он известил, кроме того, что, по решению префекта полиции и согласно инструкциям и декретам гигиенического управления, труп сэра Феркетта будет подвергнут вскрытию на текущей неделе.

— Но, милостивый государь, — воскликнул Морель, — ведь это, вероятно, вовсе не труп! Подумайте о том, какие ужасные последствия может повлечь за собой подобное решение!

— Ваша совесть может быть совершенно спокойна, — возразил следственный судья с легкой усмешкой, — медицинская академия, как вы сами понимаете, не могла не обратить внимания на мнимое открытие доктора Дежене: он приложил слишком много усилий, чтобы оно прошло незамеченным! Мы получили подробный доклад по этому поводу, подписанный самыми авторитетными учеными факультета. Доклад утверждает, что явления, описываемые доктором Дежене, физически невозможны; в данном случае, мы имеем дело с исключительным задержанием процесса разложения, — если только доктор Дежене, увлеченный своими фантастическими мечтаниями, не успел внушить вам, а, может быть, и самому себе, все это. Притом же обыск, произведенный на бульваре Брюн, в последней квартире доктора Дежене, не обнаружил ровно ничего, никакого документа, который мог бы послужить сколько-нибудь серьез-

ным основанием к сомнению. Во всяком случае, предписание закона совершенно ясно и не может быть сообразуемо с действиями, которые способны ослабить надлежащее к нему уважение. Итак, помните, что вы должны явиться аккуратно в назначенный мной день, и обратите внимание на то, что мы не принимаем по отношению к вам более строгих предупредительных мер, чтобы помешать вам уклониться от ответственности.

Морель вернулся в квартиру на площади Девог чрезвычайно расстроенным.

Выслушав признания доктора Дежене, пережив вместе с ним столь потрясающие мгновения, он не мог сомневаться в действительности удивительного открытия. Притом же экспериментальная наука далеко не достигла границ своего развития; можно ли вообще поручиться, что кажущееся сегодня невозможным завтра уже не будет доступно всякому, как железные дороги, телеграф, телефон, электричество?

Морель колебался недолго. Глупцы, воображающие, что весь мир, вся природа должны подчиняться установленным ими раз навсегда нормам, предоставили в его распоряжение целых четыре дня...

Тем хуже для них!

Он наскоро уложил наиболее необходимые вещи, сорвал наложенные судебными властями печати, не без труда уложил сэра Феркетта в круглый ящик и в тот же вечер уехал с курьерским поездом в Марсель.

Через день он направлялся на английском пароходе в Александрию.

Отправился он туда случайно, — чтобы бежать на пароходе, который первым отходил из марсельской гавани. Но случай оказался для него благоприятным: требование французского суда о его выдаче было отклонено. Морель уложил сэра Феркетта в ровный сундук, — и вот уже три года неустанно работает над восстановлением формулы доктора Дежене.

Я сам видел американца, — он нисколько не переменился. Это, действительно, человек богатырского телосложения, замечательно моложавый...

Морель не достиг еще положительного результата, — но такие упорные люди, как он, не отступают перед препятствиями.

— Но что же случилось с племянницей сэра Феркетта? — полюбопытствовал я.

— Морель собрал сведения о ней и поделился ими со мной. Пробыв несколько времени продавщицей в магазине, она скопила себе небольшое приданое и лет двенадцать тому назад вышла замуж за красавца, в которого влюбилась; он, кажется, занимается комиссионерством, торгует маслом. Муж бьет ее, напивается до бесчувствия; у несчастной шестеро детей. Совершенно разорившись, она нанимается прибирать чужие квартиры и на вырученные деньги кормит своего мужа бифштексами и поит минеральной водой Виши: у него застарелый катар желудка.

Прошло четыре дня после того, как Берен рассказал мне о приключениях сэра Феркетта. Поутру, на пятый день, он влетел в мой кабинет, как бомба, задыхаясь от волнения и размахивая каким-то конвертом.

Он грохнулся в кресло и бросил письмо на мой письменный стол, приглашая движением руки прочесть его.

На конверте значилась фамилия и адрес Берена. Внутри я нашел два письма почтовой бумаги. Первый из них оказался внизу обгоревшим. На уцелевшей верхней части было написано:

«Ваше посещение и выраженное вами сочувствие принесли мне счастье, дорогой друг! После того, как вы уехали, я с обновленными силами принялся за труд и, наконец, добился успеха. Я нашел, — да, я нашел-таки, чего не хватало в рецепте доктора Дежене. Вся его формула мною восстановлена полностью, и завтра же я разбужу усыпленного американца.

Считаю своим долгом сообщить вам первому эту счастливую новость: недаром вы поверили мне! Кроме того, все на свете возможно; если бы почему-либо я оказался не в состоянии огласить состав удивительного противоядия, вы замените меня. Вот полностью рецепт этого состава...»

Далее на бумаге виднелись следы обгоревшей строки...

И ничего больше.

На другом листе, с английским гербом и печатью британского посольства, было изложено в изысканно-вежливых выражениях, что дом в Александрии, в котором помещалась лаборатория доктора Мореля, сгорел, вероятно, вследствие неосторожного обращения с хранившимися там для опытов легковоспламеняющимися и взрывчатыми веществами. Под развалинами дома были найдены два почти обуглившихся трупа, а в случайно уцелевшем ящике письменного стола — начатое письмо и конверт с адресом доктора Берена, написанным рукой безвременно погибшего молодого ученого.

П. Ароз

УЧЕНЫЙ ИЛИ ПРЕСТУПНИК?

Фантастический рассказ

Со времени этого необыкновенного приключения прошло уже много лет, и теперь я считаю себя вправе рассказать правду про ужасный конец и таинственные махинации профессора Круля. Мучительные воспоминания об этом случае, в котором я сыграл едва ли не худшую роль, преследуют меня и днем и ночью. Передавая все широкой гласности, я в то же время и себя отдаю на суд общества.

С тех пор, как я помню себя, я любил море. Но меня ужасали все эти модные морские курорты с прекрасными отелями, казино, теннисом, балами, флиртом и общими купаньями. Я любил наслаждаться морем где-нибудь в тиши и одиночестве. Именно поэтому я однажды выбрал для своих летних вакаций мирную приморскую деревеньку Ковилль.

Может быть, она теперь превратилась в модный курорт? Не знаю. Но в то время она состояла из небольшого числа домов. Тогда не было даже и гостиницы, и я снял комнату у вдовы Пьедельовр...

Помню... это было во время одной из моих первых прогулок, на второй или третий день приезда, — когда я открыл убежище профессора Круля. Его дом стоял посреди унылой, лишенной всякой растительности площадки, — и был по виду своему до такой степени необычным и странным, что я остановился в изумлении. Это было квадратное здание средней вышины, из красных кирпичей и без окон. Оно было окружено высоким забором тоже из красных кирпичей — с маленькой железной дверью посреди.

Я медленно обошел вокруг этого странного жилища. Царило мертвое молчание — и лишь в одном месте, когда я внимательно прислушался, приложив ухо к стене, до меня донеслось глухое хрюканье. Но, при всем желании, я не мог определить природу этих звуков.

Крайне заинтригованный всем этим, я вернулся к себе и приступил с расспросами к своей хозяйке.

— Мы знаем немногим больше вас, — ответила она мне. — Вскоре минет четыре года с тех пор, как какой-то сумасшедший с длинными растрепанными волосами и золотыми очками приехал сюда и начал строиться на этой площадке. Никто не знал, кто он и откуда, и что делается у него внут-

ри <дома>. Четыре стены его крепко сложены каменщиками из Монтивилье, но внутренняя отделка комнат была поручена рабочим-иностранцам, не говорившим по-французски. К нашему удивлению, сам господин очень хорошо говорит на нашем языке.

— Откуда же, все-таки, он сам?

— Из преисподней!.. Раз все окружено тайной, как у него, раз у него нет ни дверей, ни окон, раз никто не приходит и он лишь по ночам выбегает из дома, чтобы беседовать с луной, — значит, он сам Сатана или его посланник.

— Ну, знаете, это еще не доказательства... — заметил я скептически.

— Я знаю, — вздохнула вдова, — что парижане скептики и насмешники, но говорю вам, что в этом человеке есть что-то сатанинское, и уверяю вас, — все мои земляки с удовольствием отправили бы его туда, если бы не большая прибыль от него.

— Он богат?

— Вероятно, так как платит всем вдвое больше против назначенной цены.

— Не боитесь? — заметил я, улыбаясь. — Эти деньги не от дьявола, не проклятые?!

— Бог их знает, но деньги этого колбасника уходят так же быстро, как и другие.

— Я понимаю вас, когда вы считаете его самым Вельзевулом, но почему это прозвище — «колбасник»?

— Благодаря его свиньям.

— Каким свиньям?

— Которых он покупает в округе.

— Живых?

— Всегда.

Тут я мгновенно догадался, откуда исходило это странное хрюканье.

— Значит, ваш Люцифер простой торговец свиньями?

— Нисколько, — с живостью возразила вдова. — Все свиньи, которых он покупает, умирают у него, и их больше никто не видит.

— Вы шутите!

— Я говорю вам истинную правду, но раз вы не верите, я больше ни слова не скажу.

И, рассердившись, вдова ушла от меня.

Я слежу

В течение целого дня я раздумывал о том, что мне сообщила вдова. Конечно, многое было преувеличено, но факты были очевидны, и они меня так заинтриговали, что я решил проникнуть в тайну, которая окружала красный дом.

Вечером того же дня, после ужина, я пошел погулять. Я так люблю эти ночные прогулки в деревне. Над головой расстилается звездный купол неба. Тепло. И я медленно шел, вдыхая аромат спящей земли. На площади глаза мои снова увидели это красное здание! На первый взгляд оно показалось совершенно темным, но, внимательно пригляды-

ваясь, я заметил, что верх довольно ярко освещен изнутри. В эту минуту я ясно понял, что днем весь дом освещается сверху — и объяснил себе это явление, казавшееся на первый взгляд загадочным, отсутствием окон. Во дворе слышалась какая-то возня, шум шагов, перешептывания. Вдруг ночная тишина была разорвана безумным, мучительным ревом свиньи, которую режут. Крик долго не смолкал — и было в нем что-то человеческое, молящее о пощаде. Я бросился к себе домой, и еще долго тело мое дрожало мелкой дрожью.

На другой день я принялся за расследование.

Как я узнал, этот таинственный профессор поселился здесь, действительно, четыре года тому назад. За очень большую сумму он купил участок земли. Сделка была совершенна на имя профессора Зигфрида Круля из Магдебургского университета. Здание строилось с удивительной быстротой, причем сам дом, возведение стен внутри и отделка комнат — все было поручению немцам.

С тех пор, как профессор Круль поселился здесь, он, не считая двух-трех ночных прогулок, почти не выходил из дома. Он жил одиноко, с двумя служителями, из которых один закупал провизию, другой — свиней. В течение трех лет — закупка свиней началась лишь через год после его приезда — профессор закупил 1095 животных, то есть по одной свинье в день.

Само собой понятно, что эти детали не только не удовлетворяли моего любопытства, а еще больше разожгли его. Я забыл обо всем: о купанье, о прогулках — и отдался исследованию тайны, окружавшей Круля. По целым часам я бродил вокруг его дома, но никак не мог догадаться, что же именно происходит за этими стенами. По справкам, полученным мной из Германии, Круль был профессором анатомии и физиологии в Магдебургском университете. Что же, он занимается какими-нибудь научными работами? Изучает какую-нибудь отрасль науки: остеологию, гистологию?.. Но тогда зачем ему такая таинственность и, наконец, куда он девает всю эту массу свиней?!

Я сознавал, что это дело меня все больше заинтриговывает и даже — не знаю почему — начинает тревожить, особен-

но после следующего случая. Однажды, отказавшись от своих бесплодных розысков, я вышел на берег погулять. Занятый своими думами, я зашел довольно далеко. Вдруг я уловил какой-то странный запах, словно от разлагающегося мяса. И действительно: сделав еще несколько шагов, я с удивлением увидел с дюжину свиней. Они были бездыханны, хотя и нетронуты: животы не были распороты, ни одна часть тела не отрезана. Лишь на шее каждой свиньи зияла большая ножевая рана...

Итак, значит, профессору необходима была одна только кровь, целые литры крови, и с этой целью ежедневно приносила в жертву свинья. Зачем? Самые дикие мысли осадили мой уставший мозг. Я не в силах был больше думать — и решился проникнуть к Крулю. На мои энергичные стуки вышли два бородатых тевтона — и я, вспомнив все немецкие слова, которые знал, объяснил, что мне необходимо повидаться с их господином.

— Unmöglich!.. (Невозможно).

Ни звука больше!

Дней через пятнадцать после того, я неожиданно встретился с профессором Крулем — и эта встреча еще более укрепила меня в самых диких предположениях.

Было около полуночи. Следуя своей привычке, я вышел погулять. Против воли, шаги мои направились к красному дому. Очевидно, за его стенами происходило что-то необычное. Вместо тишины и перешептывания оттуда раздавались три спорящих голоса, из которых особенно выделялся один, пронзительный и гневный. Вдруг, с неожиданной резкостью, открылась узкая железная дверь, и я увидел невысокого человека в черном, с обнаженной головой, светлыми, растрепанными волосами и золотыми очками. Он, казалось, был чем-то расстроен — и, делая огромные шаги, лихорадочно жестикулировал и произносил какие-то совершенно непонятные слова. Он бежал по направлению к деревне. Я счел момент подходящим и бесшумно приблизился к нему.

— Господин Зигфрид Круль, — заговорил я, кладя ему руку на плечо, — не надо так спешить, иначе вас примут за

сумасшедшего или преступника.

Он быстро обернулся, и я заметил, что в глазах его вспыхнуло бешенство.

— Оставьте меня! — бросил он по-французски с заметным немецким акцентом.

— Ни в каком случае, — возразил я, удерживая его. — Я хочу с вами познакомиться, господин профессор Круль, так как вы меня очень интригуете.

— Я прошу вас оставить меня в покое, слышите?.. Я свободный человек и могу делать то, что мне заблагорассудится. Я не преступник и никому никакого зла не делаю.

— Это надо раньше доказать.

— На каком основании вы допрашиваете меня?

Я на мгновение растерялся, затем решил быть дерзким.

— Против вас получены прокурором жалобы, и я имею приказ вас арестовать и доставить к следователю в Гавр!

Он побледнел, как смерть — и на лице его появилось выражение ужаса.

— Сударь, — обратился он ко мне умоляющим тоном, — оставьте меня, мне нужно идти. Я ничего дурного не делаю. Я только ученый. Занимаюсь науками, только этим — и сейчас мне во что бы то ни стало надо найти одну... не задерживайте меня, иначе она умрет.

Он с отчаянием повторил непонятные слова:

— Понимаете, если *она* умрет... если умрет... то все пропало... пропало...

Он сделал резкое движение, вырвался и со всех ног побежал к деревне, словно боялся, что я буду преследовать его. Я же вернулся к красным стенам и с сильно бьющимся сердцем стал ждать. Спустя довольно долгое время профессор вернулся, таща за собой на веревке свинью. Дверь за ним быстро захлопнулась — и через несколько секунд послышался отчаянный крик: еще одна свинья была принесена в жертву!..

В последовавшие за этой неожиданной встречей дни, я жил в очень возбужденном состоянии. Раз двадцать я решался написать или лично отправиться к прокурору в Гавр

и рассказать все, что я знаю о профессоре Круле. Этот испуг, выразившийся на его лице, когда я упомянул об аресте, служит явным доказательством того, что ему не хотелось бы иметь дело с полицией, а между тем он, по видимости, никому не наносит ни малейшего зла, ведь факт убийства свиней — не мотив для ареста. Чего же ему бояться?

— Если *она* умрет, мне не удастся ее больше оживить... если она умрет... все пропало...

Кто — *она*? О ком он говорил? Кто было это существо, которым он так дорожит? Может быть, ему необходима была кровь, чтобы поддерживать дорогое ему существо?

Я потерялся среди самых диких предположений, — пропал аппетит, сон — и, в конце концов, я решил, хотя бы под угрозой смерти, проникнуть в таинственное жилище профессора Круля.

Я перелезаю через забор

Приготовления мои были несложны: я поехал в Гавр и купил десять метров прочной узловатой веревки, отмычку, электрический фонарь, флакон хлороформа и прекрасный револьвер. Вернувшись в Ковилль, я прежде всего позаботился спрятать весь этот материал неподалеку от красного дома. Затем начал следить. Было бы, конечно, безумием проникнуть туда, когда там были все: и профессор, и его два служителя. Надо было ждать момента, когда двое из троих отсутствовали бы. Я знал, что профессор со своими служителями изредка выходили из своей крепости. Мне долго пришлось ждать. Лишь на двадцатый день судьба мне улыбнулась. В одиннадцать часов, как всегда, была зарезана свинья; в полночь тихо открылась железная дверь, и на пороге показался один из служителей. Он внимательно огляделся, затем сделал знак... и вышел профессор. К удивлению своему, я заметил, что на спине тевтона пара больших полукруглых сетей. Вскоре эти люди исчезли вдали.

Я решил действовать. Сердце билось с такой силой, слов-

но готово было разорваться. С мгновение я этого страшился, и уже подумывал было оставить свое намерение и дать немцу возможность мирно продолжать свои научные работы, но уверенность, что за этими стенами творится нечто необыкновенное и преступное — заставила меня побороть свою робость. Я быстро собрал все необходимое — и бесшумно пробрался к красному кирпичному забору. Здесь я быстро прикрепил к железному выступу конец веревки и с огромными усилиями начал взбираться наверх. Я не буду передавать подробностей, скажу только, что в результате руки мои оказались расцарапанными до крови, когда я очутился по ту сторону забора. Как раз в центре двора стоял мрачный массивный дом. Вокруг него были разбросаны разной величины и формы строения. Около открытой двери в дом я заметил человеческую фигуру — и на мгновение замер. Но было тихо: никто не шевелился. И я тихими шагами подошел к слуге: он мирно спал. Одно неловкое движение, шаг, и он проснется. Чтобы обезопасить себя от него, я открыл свой флакон с хлороформом и поднес к носу спящего: он вздрогнул, но не проснулся. Тогда я налил немного хлороформа на платок и положил на его лицо.

Лишь после этого я приободрился и смело пошел в дом: ничто теперь уже не могло мне помешать открыть тайну профессора Круля... Оглянувшись вокруг, я к своему удивлению заметил, что дом освещается электричеством. Но я не знал, где выключатель — и зажег свой фонарь.

Я раскрываю тайну

Когда я переступал через порог первой комнаты, я услышал какой-то шум.

Боже мой, этот шум еще до сих пор звучит в моих ушах! И теперь, когда я стараюсь записать все свои впечатления, пережитые мною тогда, я еще слышу, слышу...

Это был несколько глухой шум, но совершенно ясный: он повторялся с правильными промежутками. Собственно,

в нем не было ничего особенно ужасного, но меня пугало то, что я не мог понять, откуда исходит он. Звуки перемещались с равномерностью маятника, слишком правильно для того, чтобы исходить из человеческой груди. Я напрягал свой мозг и не мог понять, хотя ясно сознавал, что этот шум я уже где-то слышал... и вдруг я вспомнил: я его не только уже слышал, я его *чувствовал* — это было биение человеческого сердца...

Я быстро вошел в комнату. В углу, слева, звук этот слышался сильнее. Я обернулся, осветил...

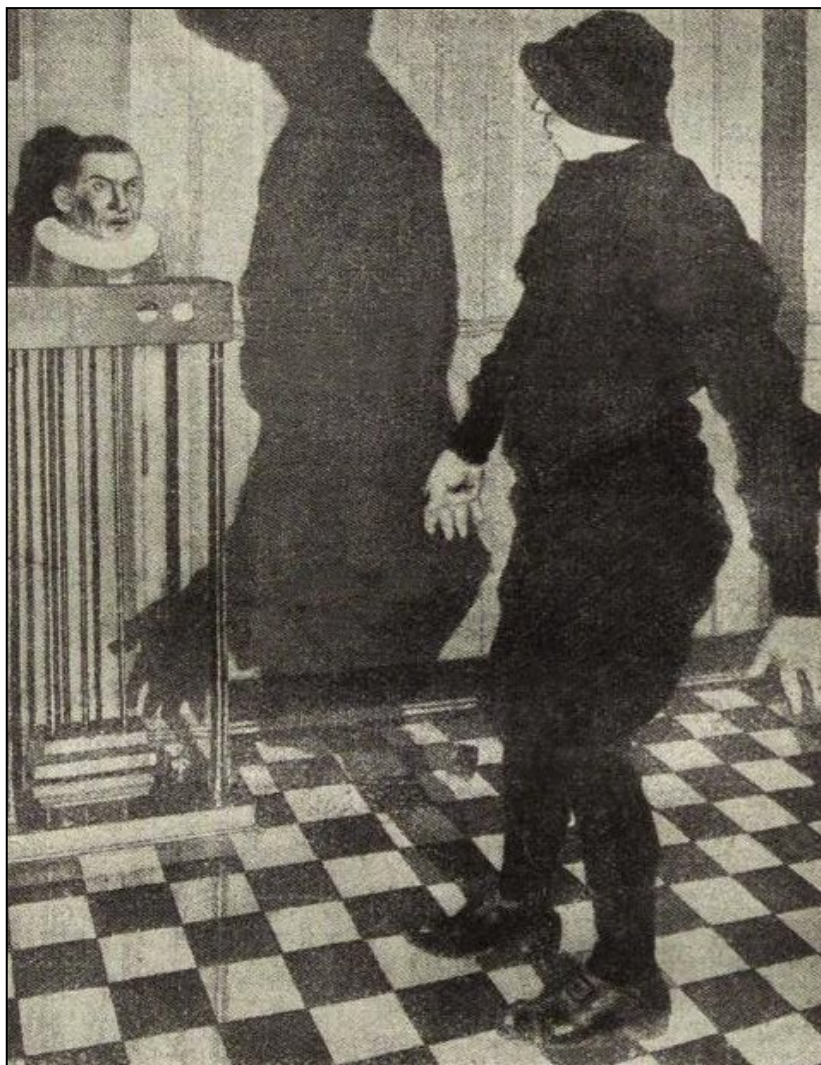
Это была только машина. Но вид ее был так ужасен, что мне трудно описать ее. Это было что-то необыкновенное. В высоту она имела 1 метр 50 см. и формой своей напоминала пирамиду, сделанную из белого металла, и состояла из массы колесиков, винтиков и пр. Машина была в действии — и то останавливалась, то снова «шла»; но она не двигалась, не шипела, а *била* так, как бьются жилки на виске. Я заметил даже, что *пульсации* аппарата вполне согласовались с биением моего сердца.

Затем я обратил внимание на две металлических трубки, которые поднимались над машиной — и последовал глазами за ними: они заканчивались на высоком цоколе — над которым возвышалась... человеческая голова.

Еще и теперь, когда я пишу эти строки, рука моя дрожит. Трудно передать охватившее меня чувство безумного ужаса. Я не хотел смотреть, но глаза мои не могли оторваться от этой головы. Она, вероятно, принадлежала человеку двадцати пяти лет и была покрыта черными волосами. Глаза ее были закрыты веками, губы крепко сжаты. Но что было непонятнее всего, так это нормальный цвет лица ее, свежий и розовый, а губы были красны, как вишня. Эта голова казалась *живой*. И вдруг она открыла глаза и посмотрела на меня.

Я невольно отскочил в глубь комнаты, фонарь выскользнул из рук моих — и все погрузилось во мрак. В это мгновение послышался голос. Он был хрипловат, но внятен. Голос сказал:

— Это ты, палач?

Я не имел силы ответить. Тогда он повторил вопрос:
— Это ты, палач? Зачем ты будишь меня? Чего тебе еще
надо от меня?

При звуках этого голоса, страх мой начал рассеиваться;
ощупью я нашел фонарь, зажег его — и осветил Голову...

Она продолжала:

— Кто ты? Как ты попал сюда? Каким чудом удалось тебе пережить Круля? Я вижу, ты дрожишь, не понимаешь. Ты спрашиваешь себя, не стал ли ты игрушкой кошмара? Нет, все, что ты видишь, реально: я — не что иное, как отрезанная голова.

— Живая? — пролепетал я.

— Да, живая, волей и знаниями профессора Круля. Бога ради, разбей машину и верни меня обратно в небытие, откуда он меня извергнул.

— Кто ты? — спросил я.

— Проспер Гаруш, гильотинированный в Гавре три года тому назад.

— Убийца Элизы Бодю?

— Он самый! Ты вспоминаешь? — спросила Голова.

— Да, — ответил я. — Но как ты попала к профессору Крулю?

— Он купил голову за десять тысяч франков. В Германии не гильотинируют — и потому он принужден был устроить свою лабораторию во Франции.

Научные объяснения

— Однако, — воскликнул я. — Как же это возможно, чтобы ты жила? Ведь, чтобы жить, надо иметь сердце, желудок, легкие...

— Это ошибка: необходима только кровь! Выслушай меня внимательно, и ты поймешь. В течение некоторого времени ученые предполагали, что единственным элементом, поддерживающим жизнь — является кровь. Отсюда вывод: все органы человеческого тела важны лишь постольку, поскольку они очищают и обновляют кровь. Так как мозг управляет действием сердца, — а мозг всегда оживляется и поддерживается обращением крови, — то ясно, что только она одна и является единственным источником жизненной энергии. Теперь: если каким-нибудь способом достиг-

нута правильного обращения крови в отделенной от тела голове, то она будет жить. Гениальному Зигфриду Крулю удалось разрешить эту нечеловеческую задачу.

Я ни слова не проронил. Объяснение это ошеломило меня: я отказывался верить, чтобы отрезанная голова могла говорить таким образом.

— Мне казалось совершенно невозможной жизнь после того, как разрывается связь между туловищем и головой.

— Это ошибка — и в этом-то состоит великое открытие Круля. Я не знаю деталей конструкции своего искусственного сердца, но посмотри внимательнее, прислушайся: как правильно бьется оно под действием электрического мотора, который гонит кровь свиньи (наиболее близкую к человеческой) по искусственным венам к голове. Я говорю тебе: это гениальное открытие.

— Но почему, — спросил я со страстным интересом, — необходимо ежедневно вливать новую, свежую кровь?

— Ах, ты знаешь об этом? Кровь необходимо обновлять каждые двадцать четыре часа, иначе она сворачивается и портится.

— Понимаю, — воскликнул я. — Но ведь это поистине гениально.

— Проклятие!

— Почему?

— Человек не имеет права изменять законы природы и прерывать покой мертвецов. Когда я был человеком, я, подобно другим, боялся смерти. Но теперь я знаю, что смерть слаще жизни! Там царит молчание. Тихо...

Голова закрыла глаза. Лицо ее побледнело.

— Ты понимаешь меня? — спросила слабо она. Я сделал утвердительный знак. Она продолжала:

— Не надо верить тому, что осужденные очень боятся смерти, эшафота: после своего преступления, они переживают так много мучительных часов, что смерть является желанной. С того момента, когда я раздробил череп несчастной Элизе, — жизнь моя превратилась в ад. Поэтому, когда однажды утром, на заре, за мной пришел палач, я был почти счастлив. Еще одно тяжелое мгновение — и мука моя

прервалась. И вдруг Круль оживил меня, обрек на новую муку — чудовище!..

Я не знал, что сказать — и наступило глухое молчание.

— И что ужаснее всего, — заговорила она снова, — это то, что я *чувствую* свое тело! Да, чувствую свои руки, ноги; хочу двигаться, дышать, есть — а между тем, я — только машина. Как я молила Круля — дать мне умереть, но он не хочет, потому что я — плод всей его жизни, и он бережет меня с ревностью влюбленного. Это безумец, гениальный безумец. Но ты ведь — человек с сердцем, — и пожалеешь меня: освободи меня! Разбей машину.

— Это невозможно! — вскричал я. — Уничтожить подобную гениальную работу я не могу.

— Но если бы ты знал, как велики мои страдания!

Ах, каким голосом были сказаны эти слова! С какой мукой смотрели на меня эти глаза.

— Открытие Круля гениально, но кому оно нужно? Какой смысл в том, чтобы оживить отрубленную голову? Какой прогресс это принесет науке? человечеству?

Я согласился, что это грандиозное открытие — бесполезно. А жалкий остаток человека продолжал молить:

— Ты поборол все препятствия и пробрался ко мне — неужели же ты опять покинешь меня на вечную муку... Я живу в прошлом... Ужас! Элиза... тяжелая бутылка... она падает... я поднимаю ее... я думаю, она в обмороке... но голова в крови... Неужели она умерла:? Да: я убил ее... дальше тюрьма, муки, эшафот — затем отдых... Но, Боже, опять жить... страдать... чувствовать себя машиной... О! Какой дикий ужас!...

Развязка

Я задрожал — и решил. Что? То, что должен был решить человек с настоящим сердцем: я должен дать покой измученной душе Гаруша. Не говоря ни слова, я поднял револьвер, стал поближе к машине, прицелился — и... выст-

релил.

Звонкие удары искусственного сердца мгновенно замерли. Послышался треск, глухой шум.

Как я выскочил из лаборатории Круля, как попал по ту сторону забора, как бежал до деревни и как я очутился в своей комнате — не знаю. Я пришел в себя лишь через пятнадцать дней — и узнал, что в ту памятную ночь в красном доме раздался страшный взрыв и вспыхнул пожар, уничтоживший все без остатка.

Среди развалин и пепла останков профессора Зигфрида Круля не было найдено.

Фред Уайт

2000° НИЖЕ НУЛЯ

Лорд Райберн повертел в руке письмо, и легкая улыбка тронула его губы ровно настолько, насколько это было прилично для великого ученого.

— Это замечательная вещь, Хейтер, — сказал он своему главному ассистенту. — Это письмо, как вы думаете, от кого?.. От моего величайшего врага, научного, конечно, — Мигуэля дель Виантес. Он просит разрешения приехать поговорить со мной. Я имею все основания рассматривать этот акт с его стороны, как сдачу своих позиций, за которые он боролся со мной целых двадцать лет.

Георг Хейтер улыбнулся. Он прекрасно помнил все жесткие стычки между двумя учеными, обвинявшими друг друга в шарлатанстве; да и всякий, интересовавшийся наукой, не мог не знать смертельной вражды между лордом Райберном и известным испанским ученым. То обстоятельство, что им никогда не приходилось встречаться, и то, что они даже не знали друг друга в лицо, не имело большого значения: ведь их вражда началась на чисто научной почве и, в сущности, не имела никаких оснований перейти в личную неприязнь.

— Он хочет поговорить со мной, — продолжал великий ученый. — Он пишет, что отправляется в научное путешествие в Южную Америку, из которой он может и не возвратиться: ему предстоят большие трудности и опасности. И вот он протягивает мне ветку мира. Так или иначе, но я телеграфировал ему о своем согласии по указанному им адресу. Он ответил, что приедет сегодня после обеда. Так как этот визит носит совершенно частный характер, — вы понимаете, что ему не хотелось бы, чтобы об этом знали и говорили, — позаботьтесь, чтобы он прошел незамеченным. Пусть

оставит автомобиль у ограды в кустах, а самого его проведете ко мне через оранжерею. А потом оставьте нас вдвоем. Самое лучшее, если вы съездите на это время в город и вернетесь часам к пяти. Я надеюсь на вашу скромность, Хейтер.

— О, можете быть спокойны, — ответил Хейтер. — А он не пишет о причине этого визита?

— Ах, да, разве я вам не говорил? Он чрезвычайно заинтересован моими работами с низкой температурой. Он хочет взглянуть на бриллиант, с которым мы будем производить наши эксперименты.

Хейтер вышел, оставив ученого, ликовавшего в душе своей победе над соперником. Да, этот эксперимент должен увенчать всю его многолетнюю работу. А этот предстоящий визит врага, которого он никогда не видел, и который придет к нему за советом и с предложением мира (в этом он не сомневался) после двадцати лет ожесточенной травли его во всех научных журналах, радовал его.

То, что испанец обставлял свой приезд некоторыми предосторожностями, не имело значения. Важно было только то, что он первым пошел на примирение.

С веселой улыбкой Райберн вышел из лаборатории и направился в свою оранжерею. Лаборатория и оранжерея примыкали круг к другу. Они составляли левое крыло ряда построек, в которых находились опытные мастерские ученого для производства работ, наполненные котлами и всевозможными аппаратами и водоемами для замораживания воды. Постройки были окружены прелестным садом, где цвели редкие экземпляры роз.

Лорд Райберн был очень богатый человек, глава старинного рода, но, помимо состояния, доставшегося ему от предков, которое должно было переходить и дальше по наследству, он имел и свое небольшое состояние, которое целиком почти тратил на оборудование лаборатории и опыты над низкой температурой. И эти деньги он завещал своему ассистенту, Георгу Хейтеру, для продолжения своих научных опытов.

Но не об этом он думал в настоящее время. Он бродил по оранжерее от цветка к цветку среди своей великолепной коллекции орхидей, которой он гордился чуть ли не меньше, чем своими научными изысканиями. У него была какая-то болезненная страсть к великолепным экзотическим цветам, и он мог проводить целые дни, самым нежным образом ухаживая за своими любимцами.

Как большая пчела, он заботливо заглядывал в середину чудных гроздей, не замечая, как бежит время. Вдруг открылась дальняя дверь оранжереи, и он услышал голоса и звук шагов двух людей. Вошел Хейтер в сопровождении высокого стройного человека с внешностью типичного испанца.

Гость приблизился к лорду Райберну и, улыбаясь из-под больших очков в золотой оправе, протянул руку.

— Могу ли я надеяться на честь, милорд... — начал он.

— О, конечно, конечно, — откликнулся польщенный лорд. — Это историческая встреча, сеньор Виантес. Я с большим удовольствием вижу, что вы пришли сюда с добрыми намерениями и с своей стороны готов забыть все наши прошлые стычки и турниры в честь богини науки. Да, да, я думаю, вы можете идти, Хейтер... Я полагаю, что нам с сеньором нужно переговорить о вещах, о которых лучше говорить вдвоем.

Хейтер многозначительно улыбнулся и вышел. Он понимал тактичность лорда.

А Райберн с приветливой улыбкой, показывавшей, что он не только ученый, но и светский человек, обратился к испанцу:

— Добро пожаловать, сеньор. Надеюсь, что вы не очень торопитесь.

— Я уезжаю завтра, — ответил испанец.

— Ах, да. Очень жаль. Но надеюсь, что вы сможете уделить нашей беседе час-другой... Как вам нравятся мои цветы? Или вы не любитель этих красавцев? А я чрезвычайно горжусь своими орхидеями и люблю их не меньше, чем свои котлы и перегонные кубы. Каждую свободную минуту я стараюсь проводить в их очаровательном обществе. У всякого

человека есть свои слабости, синьор. И нет ни одного любителя этих благородных цветов, с которым я не состоял бы в переписке. Меня извещают о всех новинках и порой я радуюсь, как ребенок, новому еще, невиданному цветку.

— В самом деле, они очень красивы, ваши любимцы! — воскликнул Виантес с неподдельным энтузиазмом. — Собирать редкие цветы — прекрасное занятие и, хотя я совершенный профан, но вполне понимаю вас. Но, увы, я бедный человек и не могу тратить деньги на эти дорогие игрушки. Ваша оранжерея прелестна, сэр, особенно — этот цветок.

— А, вы как раз нашли перл всей моей коллекции. У вас тонкий вкус, сеньор. Эта орхидея из семейства *Gynandria Manandria*. Ее родина Южная Африка и, насколько мне известно, в Европе есть только один ее экземпляр, вот этот. Мне он нравится больше, чем *epiphytes*, признанные красивейшими орхидеями в мире. А это *Cypripedium*, «Венерин башмачок». Если позволите...

Говоря это, лорд Райберн протянул руку к белой грозди, но вдруг поскользнулся и неловким движением обломил ветку редкого цветка, с которой свешивалась тяжелая гроздь цветов с чашечками, точно вызолоченными внутри. Лорд тревожно нагнулся за ней, как мать над постелью больного ребенка.

— Ах, как жаль! — воскликнул он и выражение внутренней боли исказило его черты. Какая неосторожность! Лучший цветок... Моя маленькая святыня...

Он поднял гроздь чудесных цветов, трепетавших, как прекрасные экзотические бабочки и, скрыв невольный вздох, продел их в петлицу фрака своего гостя.

— Примите этот маленький знак уважения, как эмблеме примирения между нами. Этим цветком в петлице может гордиться сам король.

Виантес поклонился и последовал за лордом в лабораторию.

— Прошу вас, садитесь, — сказал лорд, — в нашем распоряжении часа два, — нам не будут мешать. Я распорядился об этом, как вы просили в своем письме. Никто не знает о вашем присутствии, кроме моего ассистента, но я его послал

в город, и он вернется только к пяти часам. Таким образом, ваше посещение обставлено всей подобающей ему таинственностью. Но я уверен, что со временем эта встреча и примирение двух научных противников станет исторической.

— Я очень благодарен вам, — пробормотал Виантес. — Мой визит к вам говорит сам за себя. Я надеюсь, что вы его правильно истолковали.

— Прекрасно. Чем могу быть вам полезен?

Испанец минуту молчал, точно собираясь с мыслями.

— Я буду говорить совершенно откровенно, милорд, — сказал он. — Я явился сюда, чтобы взглянуть на тот знаменитый бриллиант, над которым вы намерены производить ваши эксперименты. Это не секрет, так как научные журналы писали о нем уже месяц назад. Насколько я понял, вы объявили, что уничтожите маленькую трещину в дивном, редком камне путем замораживания его. Вы хотите поместить его в среду, имеющую температуру ниже нуля на...

— Совершенно верно. Но я еще не приступил к опыту и не могу еще определенно ручаться за его результат. Но, во всяком случае, я имею все основания надеяться на удачный исход.

— Я слышал, что это очень ценный камень.

— Чрезвычайно ценный. Его оценивают в двадцать тысяч фунтов стерлингов. Если опыт удастся, он будет стоить в три раза больше, если нет... он навсегда останется с трещиной.

— Но, по-моему, существует опасность для вашего камня: от сильного холода он может разлететься на тысячу осколков. Что тогда, милорд?

— Тогда я буду разорен — и только, — улыбнулся лорд Райберн. — Я конечно, соберу нужную сумму, но, между нами говоря, это будет стоить всего моего личного состояния, предназначенного мной моему преемнику, ассистенту, который после моей смерти должен продолжать начатое мной дело. Это разорит не меня, а его: он знает о моих намерениях и на днях собирается жениться и переселиться сюда совершенно.

Лорд встал и, выдвинув ящик письменного стола, вы-

нул из него бриллиант, завернутый в комочек ваты. Прекрасный камень засверкал на ладони лорда. Глаза гостя сузились под прикрытием больших очков и верхняя губа как-то хищно приподнялась, обнажив ряд прекрасных белых зубов.

— Чудная вещь, — пробормотал он.

— Королевская драгоценность. Его мне доверила одна фирма придворных ювелиров для опыта. Взгляните на его необыкновенную для бриллианта форму: видите, он двояковыпуклый и посреди идет тонкая трещина. Он похож на линзу телескопа. Алмаз, из которого его отгранили, был значительно больше, но имел дефект: посреди змеилась безобразная трещина. Пришлось разбить его пополам, отгранить половинки отдельно и только потом соединить их. Конечно, это отразилось на его стоимости, но только опытный эксперт может рассмотреть тонкую трещину, след спайки. И, как вам известно, я намерен «выморозить», если так можно выразиться, эту трещинку. Я опущу камень в один из котлов, наполненный водой, и доведу температуру до двух тысяч градусов ниже нуля. И когда я постепенно оттаю камень, я уверен, что трещинка должна исчезнуть совершенно. Если у вас есть лишнее время, я смогу вам пока....

Он не окончил своей фразы. Испанец, с быстротой прыгающего ягуара, бросился на лорда, в воздухе сверкнул кинжал, и великий ученый упал на пол, пораженный страшным ударом...

Было около шести часов, когда Хейтер постучался в дверь лаборатории.

Не последовало никакого ответа. Он обошел дом, решив пройти в лабораторию через другую дверь, выходящую в помещение для опытов, где стояли огромные котлы и бассейны.

На дороге больше не было видно автомобиля, в котором приехал гость, и Хейтер почувствовал легкую тревогу...

Было уже почти темно и Хейтер чуть не попал в один из бассейнов для замораживания, отверстие которого зияло, не будучи прикрыто, как всегда, крышкой.

— Как это я забыл закрыть бассейн?! Но это не так существенно: он только сегодня начал замораживаться...

У самого входа в теплицу он заметил на полу три или четыре цветка бесценной *Gynandria Manandria*... Хейтер поднял их и машинально вдел в свою петлицу.

— Как эти цветы могли попасть сюда? — удивился он. — Ведь лорд Райберн скорее даст отрезать себе руку, чем позволит сорвать одну веточку своего драгоценного растения...

Он толкнул дверь из теплицы в лабораторию и... увидел тело своего профессора, уже холодное. На губах мертвеца застыла улыбка.

Было очевидно, что произошло убийство. Надо было действовать хладнокровно и обдуманно, чтобы не потревожить ничего до прибытия полиции.

Вдруг его взгляд упал на выдвинутый ящик стола, в котором еще торчал ключ. Внезапно заподозрив неладное, он быстро вытащил весь ящик и стал искать тот кусочек ваты, в которой хранился бесценный бриллиант.

Бриллианта не было... Он немедленно поднял тревогу и

позвонил в Скотланд-Ярд, а через полчаса уже рассказывал все, что знал по делу, прибывшему инспектору сыскной полиции.

— Итак, — говорил инспектор, — я хотел бы восстановить ход событий. Синьор Виантес приехал сюда по собственному желанию, чтобы встретиться с человеком, с которым он враждовал последние двадцать лет...

— Вы видели письмо, — коротко ответил Хейтер.

— Да, да. А скажите, что из себя представляет, по-вашему, этот испанец? Такой же сумасшедший, как все испанцы?

— Сумасшедший не украдет исторического бриллианта. Я не хочу учить вас, инспектор, но, по-моему, это выходит за пределы обычного сумасшествия. Он украл бриллиант и, вероятно, в то же время, торопясь, обломил ветку орхидеи, которую, как я вам уже говорил, я нашел у входа в оранжерею и вдел себе в петлицу. По моему, все чрезвычайно просто и ясно: Виантес убил лорда Райберна, взял бриллиант и уехал на автомобиле, который оставил на дороге. Мне кажется, что нам следует, не теряя ни минуты, отправиться в Лондон и без дальних разговоров переговорить с синьором Виантесом, если только он еще не удрал.

— Вы правы, — согласился инспектор Джонс. — Вы видели испанца и, я думаю, лучше будет поговорить с ученым в вашем присутствии.

Было уже поздно, когда инспектор Джонс и Хейтер были проведены к Виантесу, жившему в Блумсбери. Но, увидав Виантеса, Хейтер воскликнул:

— Я боюсь, что тут какая-то ошибка, инспектор. Если этот джентльмен — синьор Виантес, то клянусь, что я никогда его не видел. Это не он приезжал к лорду Райберну.

— Я не знаю, что это все значит, — сказал маленький кругленький человек с серыми близорукими глазами, — но у меня только что был полисмен и спрашивал, кто я такой. Я Мигуэль дель Виантес и могу назвать добрый десяток свидетелей, который подтвердят, что я весь день провел в Лондоне и не выезжал никуда. Неужели вы могли предполагать, что я... я, Мигуэль дель Виантес, могу отправиться к лорду Райберну... Он умный человек, сэр, но сумасброд,

проповедующий какие-то шарлатанские идеи.

— Мне кажется, что этого вопроса не следует касаться, — сухо отвечал Хейтер. — В нем вы, сэр, являетесь стороной заинтересованной. Факт тот, что лорд Райберн убит и ограблен и если вы — синьор Виантес, то мы только зря тратим время, находясь здесь.

Прошел месяц. Дело об убийстве и ограблении лорда Райберна не подвинулись ни на шаг. Убийца, выдававший себя за Виантеса, не оставил никаких следов, кроме сломанной ветки орхидеи, но этого было мало для того, чтобы начать розыски.

Тяжелые дни проводил Хейтер. Несмотря на всю очевидность его непричастности к делу, полиция следила за ним, и так неумело, что он на каждом шагу наталкивался на таинственных соглядатаев. В самом деле, от него зависело многое: ведь только он один видел убийцу, только он знал его наружность.

На уплату за пропавшую драгоценность пошло все личное состояние лорда Райберна и сам Хейтер остался без средств к существованию. Однако, он упорно продолжал дело своего патрона в его лабораториях.

Немного осветило дело заявление Виантеса об исчезновении его ассистента, тоже испанца, который совершил у него крупную кражу и скрылся приблизительно в те дни, когда был убит Райберн. Предположение, что он, под именем Виантеса, приехал к лорду и похитил у него бриллиант, было вполне возможно. Но куда он скрылся? Продать такой бриллиант без огласки было невозможно. Полиция всех стран была предупреждена и, несомненно, задержала бы убийцу при первой попытке продать редкий бриллиант. Он мог, правда, отдать разбить камень на несколько частей, но, так или иначе, никаких следов камня найдено не было.

В одно ноябрьское утро Хейтер работал в лаборатории, когда отворилась дверь и вошел один из механиков.

— Простите, что беспокоил вас, сэр. Не пройдете ли вы к бассейну №3? Он стоит замороженным уже месяц при 2000° градусов ниже нуля. Сегодня его надо вскрыть. Так распорядился покойный лорд. Можно ли вскрывать его, сэр?

— Ах да, я и забыл о нем, — сказал Хейтер. — Снимите выдвижную стенку № 3. Я сейчас зайду посмотреть, готов ли состав.

Через час механик прибежал с перекошенным от ужаса лицом.

— Ради всего святого, пойдете со мной, сэр... Нет, нет, большой бассейн в порядке. Но пойдете, вы сами увидите...

Они спустились в подвал, где был бассейн, с одной стороны которого была отодвинута подвижная стена. Вода, налитая в бассейн вместимостью в десять тысяч галлонов, превратилась в сплошной кусок чистого прозрачного льда, освещенного слабым светом, падавшим сверху сквозь открытый люк в полу.

И в середине прозрачной глыбы Хейтер с ужасом заметил какой-то посторонний предмет. Это был труп человека со смуглым лицом. Лицо его выражало бесконечный ужас, а руки были подняты кверху жестом безысходного отчаяния. Это был человек, приезжавший к лорду под именем Виантеса. Убив лорда, он вышел обратно через лабораторию и провалился в открытый люк, где только что начавшая замерзать вода покрылась тонким слоем льда. Лед не выдержал тяжести его тела и человек провалился в котел.

Несомненно, что он умер не сразу, а постепенно захлебнулся и замерз. Но тело его прекрасно сохранилось. Даже остаток ветки орхидей с тремя цветками, вдетый в петлицу его фрака, выглядел как только что сорванный.

— Я так и думал, — сказал спешно вызванный инспектор Джонс. — Все теперь ясно. По всей вероятности, сам лорд дал ему эту ветку, а убегая, этот человек не заметил, что она обломилась. Но теперь дело в том, чтобы найти пропавший бриллиант. Вне всяких сомнений, он приезжал не один, так как автомобиль исчез. Значит, у него был со-

общник. Но не думаю, чтобы он успел передать ему камень. Зачем бы тогда он возвратился в лабораторию, где и провалился в люк?

Только к двенадцати часам следующего дня удалось оттаять бассейн и извлечь из него труп. На долю инспектора Джонса досталась неприятная обязанность обыскивать мертвого.

Ни в одном кармане мертвеца камня не оказалось.

— Как же так? — нахмурился инспектор. — Куда же делся камень? Не лопнул же он от низкой температуры? И то сказать, две тысячи градусов ниже нуля...

Хейтер задумчиво вынул орхидею из петлицы фрака мертвого.

— Как прекрасно сохранился цветок, — сказал он. — Мы, правда, получали из Австралии цветы, замороженные в куске льда. Но все же они больше походили на искусственные... Эге, что это такое...

Он повернул цветок чашечкой вниз, опустил в него мизинец и через минуту у него на ладони лежал дивный бриллиант без малейших следов трещины.

— Вот он! — воскликнул инспектор. — Это он, вне всяких сомнений... Я очень рад за вас, мистер Хейтер, потому что, знаете... ну, вы были под большим подозрением. Но теперь, конечно... Остается только установить, тот ли это человек, о котором сообщал Виантес. Впрочем, вам это едва ли интересно.

Он был прав. Хейтеру было совершенно неинтересно знать, кто был убийца. Он знал, что теперь сможет продолжать любимое дело... и сделать предложение той милой блондинке, которая ему давно нравилась.

Чарльз Уолфи

ОТМЫЧКА

Научный рассказ

Я вошел вслед за Феннером в кабинет Дэвидсона. Начальник сыскной полиции, сидевший за своим рабочим столом, встретил нас каким-то особенно веселым «Здравствуйте!»

Видно было, что он находился в исключительно хорошем расположении духа. Я заметил какую-то задорную складку в бровях Феннера, когда он подошел к столу и лениво облокотился на его край.

— Получили мы ваше распоряжение, шеф, — промолвил Феннер, — и вот явились. Какое задание: убийство, мошенничество, похищение?

Дэвидсон расхохотался. Я невольно вздрогнул. За все время я в первый раз слышал смех нашего шефа, всегда такого молчаливого. Я был твердо убежден, что в самом крайнем случае от него можно было ожидать только широкой усмешки. Какая же необычайная по комизму причина могла так расшевелить главу сыскной полиции?

— Ничего из перечисленного вами, Джо, — ответил Дэвидсон, подавляя смех. — Да и вообще ничего. Происшествий никаких не было. Мне вы и не нужны вовсе. Но у меня в приемной сидит тип, который до зарезу в вас нуждается. Послушайте, что он вам расскажет.

— Судя по началу, задача интересна.

Дэвидсон встал.

— Пойдем в приемную, и пусть он сам расскажет вам свою историю, — сказал он через плечо, ведя нас в соседнюю комнату. Мы с любопытством последовали за ним.

У стола сидел элегантно одетый молодой человек, лицо которого ни в малейшей степени не отражало веселого настроения Дэвидсона. При нашем появлении он окинул нас быстрым взглядом, и мне показалось, что тень разочарования пробежала по его лицу, когда Дэвидсон представил ему Феннера.

— Вот мистер Феннер и его сотоварищ, — сказал Дэвидсон. — Джо, это мистер Уэтсон, сын Джона Уэтсона, вла-

дельца холодильников. Этот Феннер, мистер, по-моему, как раз тот человек, который может вам быть полезен. Изложите ему ваше дело. А затем прошу извинить меня — я очень занят сегодня.

Дэвидсон вышел, а мы сели против Уэтсона, по другую сторону стола. Я исподтишка начал присматриваться к этой фигуре, хорошо известной во всем городе. Сын чуть ли не богатейшего в городе человека, он играл видную роль в «верхах» своего социального класса и был членом всех клубов, куда не могли проникнуть простые смертные. Имя его постоянно упоминалось в местной печати и я старался воспользоваться случаем, чтобы составить себе понятие об этом типе.

Он говорил негромко, выхоленным голосом, не глядя на нас и нервно теребя нож для разрезания книг.

— Я нахожусь в крайне затруднительном положении, мистер Феннер, — начал он, — и Дэвидсон сказал, что он не может оказать мне никакого содействия, так как случай подобного рода не подходит под рубрику его должностных обязанностей. Очевидно, ему это лучше знать. С другой стороны, я должен сознаться, что, обращаясь за вашей помощью, я наношу ущерб своей чести спортсмена, но вы, конечно, поймете, что не ради денежной стороны этого дела я решаюсь на подобный шаг. Беда в том, что я могу сделаться посмешищем для всего города, а это я хочу предотвратить какой угодно ценой.

— В чем же ваше затруднение, мистер Уэтсон? — учтиво осведомился Феннер, когда представитель клубной молодежи замолчал.

— Вчера я имел глупость побиться об заклад в охотничьем клубе с молодым Фэром. У нас завязалась беседа о злободневной беллетристике, и очередь дошла, наконец, до одного уголовного рассказа, который сейчас пользуется необычайным успехом. Может быть, и вы читали эту историю — кого-то убивают в комнате, попасть в которую никак нельзя, не будучи замеченным, — что-то в этом роде... Я заявил, что все эти трюки чепуха, что в обыденной жизни подобные вещи не случаются и не могут случиться. Но Фэр

с присущим юности романтическим одушевлением защищал автора и всю писательскую братию. Он утверждал, что в действительной жизни бывают иногда такие случаи, которые оставляют позади себя самый волшебный вымысел. Спор разгорелся до того... словом, мы согласились держать пари.

Фэр поспорил со мной на пять тысяч долларов, что он лично докажет избранной нами комиссии возможность таинственного исчезновения из комнаты, описанной в спорном рассказе. Я принял его вызов.

Выбрали мы из своей среды комитет, оговорили все условия. Фэру надо было остаться в комнате, из которой он не мог бы выйти без посторонней помощи. Вся ночь предоставлялась ему для осуществления своего побега. В случае его исчезновения я обязывался в течение сорока восьми часов найти его и объяснить, как он вышел, — или же признать себя побежденным...

По окончании всех приготовлений он вошел в избранную нами комнату вчера в восемь часов вечера. Сегодня утром мы выломали двери. Он исчез!

Феннер даже не счел нужным скрыть свою усмешку.

— Ну и что же? Есть у вас какая-нибудь догадка? — спросил он.

— Не знаю, что и подумать, — признался Уэтсон с удрученным видом. — Совершилось что-то невозможное. Он ушел! Мои сорок восемь часов быстро истекают, и я боюсь, что мне придется проиграть. Само собой, я не о деньгах жалею, я бы охотно подарил их этому юнцу, если бы он попросил у меня. Но мысль, что молокосос одурачил меня, невыносима, и я решил ни за что не поддаваться. Я вам предлагаю вот что. Разрешите мне эту загадку, и деньги, которые мне причитаются, будут ваши. Но, конечно, я рассчитываю, что все это останется между нами.

— Нельзя сказать, чтобы к этому делу было легко подойти, — возразил Феннер. — Как могу я осмотреть место таинственного исчезновения без того, чтобы кто-нибудь заметил меня? Как иначе могу я проследить движения Фэра и распутать нити, которые он, быть может, обронил?

— Ничего нет легче, — возразил Уэтсон, — комната эта находится в Коммерческой гостинице. Нынче утром нам пришлось взломать дверь, и я обещал хозяину прислать рабочих для производства починки. Вы можете явиться в качестве слесарей, ни в ком не возбуждая подозрения.

— Правильно, — согласился Феннер. — А теперь, мистер Уэтсон, расскажите мне подробнее все, что вы можете предполагать о последних действиях Фэра.

— Мы остановили свой выбор на одной из комнат двенадцатого этажа. Фэр согласился беспрекословно, а мне она показалась вполне подходящей. Ее дверь выходит в длинный коридор, оканчивающийся лифтом. Она почти не отличается от других комнат того же этажа, но мне она понравилась тем, что она расположена на значительном расстоянии от пожарной лестницы. Поэтому нельзя предположить, что Фэр ушел через какое-нибудь из окон комнаты.

— Ну, а если допустить все-таки, что у него нервы достаточно крепкие, мог ли бы он добраться до крыши? — невозмутимо спросил Феннер.

Уэтсон отрицательно покачал головой.

— Вы знаете это здание. Только над пятнадцатым этажом выдается карниз. Стена гладкая. Тут и кошке не за что было бы уцепиться. Я думаю, с окнами мы можем покончить. Владелец гостиницы уверил меня, что во всем здании нет ни потайных коридоров, ни колодцев в стенах и тому подобное. Я могу верить ему на слово. Перейдем к дверям. Их две. Одна, через которую Феннер вошел, ведет в коридор, а другая, как войдете, расположена в левой стене и ведет в соседнюю комнату, которая также сообщается с коридором особой дверью.

Обе эти двери запираются простыми щеколдами без автоматической защелки. Очевидно, поэтому они снабжены задвижками. Задвижка есть и с внутренней стороны двери, ведущей в коридор, и с обеих сторон двери, ведущей в соседнюю комнату. Кроме того, мы позаботились снабдить наружную дверь задвижкой со стороны коридора.

Как только Фэр вошел в комнату, мы снаружи закрыли дверь на задвижку. Он заперся изнутри. Вот почему нам при-

шлось сегодня утром вскрыть дверь. Задвижка была на месте. Так же точно были закрыты обе задвижки на двери в соседнюю комнату. Вот вам и все.

Феннер встал.

— Вы отлично описали нам все обстоятельства, мистер Уэтсон, — сказал он. — А теперь мы с Биллом вообразим себя слесарями и посмотрим на месте, нельзя ли вам чем-нибудь помочь. В случае успеха я вызову Дэвидсона к телефону.

— Хорошо, — согласился Уэтсон. — И помните, что деньги целиком ваши, если вы разгадаете мне эту тайну.

Феннер кивнул головой и мы вышли, оставив Уэтсона одного. При нашем проходе через кабинет Дэвидсон удостоил прищурить один глаз и скорчить насмешливую гримасу, на которую Феннер ответил тем, что изобразил руками некоторое подобие ослиных ушей.

II

Отправившись к Феннеру на квартиру, мы переоделись в рабочие костюмы, захватили несколько инструментов и поехали. По дороге я пытался разузнать у Феннера, не наклеивается ли ему какое-нибудь правдоподобное разрешение загадки. Но он оказался сдержанным.

— Подождем, Билл, — сказал он, — надо сначала посмотреть воочию на арену деятельности этого героя четвертого измерения. А пока мы не узнали всего, что можно узнать, нечего строить предположения.

— Кажется, Уэтсон описал все до мельчайших подробностей, — возразил я, — и если все обстоит так, как он рассказал, то мы наталкиваемся на какую-то невозможность. Не мог же Фэр улететь.

— Как бы все это ни казалось невозможным, — возразил Феннер, — но ведь перед нами факт налицо: утром они вскрыли дверь и Фэра не застали. А этого факта, по-моему, достаточно, чтобы считать исчезновение вполне возмож-

ным. Ну, вот мы и приехали!

Сообщив о цели нашего появления, мы без околичностей были допущены в комнату, из которой Фэр умудрился уйти столь таинственным образом.

Поломка на входной двери была ничтожна. Феннер принялся за починку.

— А вы осмотрите все хорошенько, Билл, — сказал он, привинчивая задвижку, — и поищите нашего друга: может быть, он превратился в кровать или в вешалку для платья.

Не обращая внимания на эту насмешку, я старательно обыскал всю комнату, так как единственным возможным предположением считал, что Фэр попросту еще находится в комнате и прячется посредством какой-нибудь искусной уловки.

Однако, мои поиски были безуспешны и привели меня к убеждению, что в комнате, во всяком случае, его искать нечего.

Уэтсон все описал нам правильно. Никакого беспорядка или признаков физического усилия, которые послужили бы ключом к загадке. Одного взгляда из окна было достаточно, чтобы подтвердить справедливость вывода Уэтсона; жутко было даже представить себе человека, цепляющегося за эту гладкую стену на такой головокружительной высоте — где тут добраться до пожарной лестницы! Однако, двери, закрытые на задвижки с обеих сторон, по-видимому, доказывали, что Фэр не мог пройти через них, потому что если легко закрыть дверь за собой на задвижку, то как тронете вы с места задвижку, находящуюся по ту сторону двери?

Исследование потолка было так же безрезультатно, как и осмотр пола.

— А теперь, — сказал Феннер, — пойдем взглянуть на соседнюю комнату.

При помощи плоского универсального ключа мы вошли в эту комнату со стороны коридора. Я хотел было и здесь произвести для очистки совести тщательный осмотр, но Феннер остановил меня.

— Незачем, Билл, — сказал он. — Пойдем-ка восвояси.

Недоумевая и несколько досадуя, я последовал за ним. Мы вышли на улицу. Феннер напевал сквозь зубы какую-то мелодию.

— Ну что за беда была бы осмотреть и вторую комнату? — спросил я с упреком. — Хотя на всякий случай? Конечно, там Фэр не мог быть, но почему бы не удостовериться?

— Однако, и пользы это нам тоже никакой не принесло бы. Ага! Телефонная будка... Подождите меня здесь, пока я снесусь с Дэвидсоном и pošлю пяти тысячам воздушный поцелуй на прощанье.

— Значит, вы отказываетесь? Не лучше ли вернуться и попытаться еще раз? — спросил я с досадой.

— Ни за что. Не вводите меня во искушение. Если я вернусь, мне захочется прибрать к рукам эти деньги.

— Да, деньги улыбнулись.

— Друг мой, не хочу я этих денег, — отрезал Феннер. — Не хочу денег по такой дешевой цене. Уэтсона нетрудно, оказывается, провести, а то бы он сам сообразил, в чем дело, вместо того, чтобы покупать недостающие ему мозги. Фэр другое дело — у него кое-что есть в голове. Понимаете? Пусть лучше надо мной немножко посмеются, а я его не выдам.

— Не выдадите! — повторил я, рассмеявшись. — Как будто в вашей власти выдать или не выдать!

Феннер резко остановился.

— Послушайте, не будьте таким ослом, — сказал он, задетый за живое. — Неужели вы серьезно думаете, что я спасовал? Слушайте же: я знаю, где этот молодец сидит в настоящую минуту.

— Как? — вскричал я. — Где же он, черт возьми, сидит?

— В той самой комнате, которую я не дал вам обыскать, — ответил Феннер, польщенный изумлением, которое было написано на моем лице. — Вот почему я почти вытолкал вас оттуда. Я не хотел, чтобы вы спугнули беднягу и испортили ему всю затею. Он сидит в шкафу и спокойно выжидает свои сорок восемь часов.

— Там? Но как он попал через дверь, закрытую на задвижку?

— Ничего нет проще, — усмехнулся Феннер. — У него была отмычка.

— Отмычка... для задвижки? — переспросил я недоверчиво.

— Отмычка для задвижки, — спокойно подтвердил Феннер. — Небольшой электромагнит и несколько метров шнура. Достаточно включить в патрон лампы — и управляйте задвижками как угодно. Фэр совершенно правильно учел, что если все задвижки будут задвинуты, то никому и в голову не придет, что он только перешел в соседнюю комнату. Он был прав, когда сказал Уэтсону, что в обыденной жизни случаются вещи более дивные, чем вымысел. Надо полагать, что сей почтеннейший теперь убедится сам в справедливости этих слов.

— Ну, никак не думал я о возможности подобной штуки.

— А я так и предполагал с самого начала и окончательно удостоверился в этом, лишь только увидел, что задвижки стальные, а не медные.

Жозеф Жакен

ГОСПОДИН ИКС

ГОСПОДИНЪ = ИКСЪ =

Господин Икс взбудоражил весь Париж.

В салонах, за кулисами, в метро, на фабриках, в магазинах, в академии — говорили только о нем. «Фигаро» ежедневно помещал о нем заметки, в самом большом театре ревю видному артисту поручили играть его роль, и ни один иностранный правитель не пользовался такой популярностью.

Кто он? Знаменитый ученый, гениальный изобретатель, поэт и преступник? Этого не знал никто. Не знали, куда он ходит, откуда прибыл, не знали ни его возраста, ни национальности, даже его имени — и поэтому его звали господин Икс. Не знали ничего, несмотря на ловкость и пронырливость репортеров и сыщиков. «Пари-Суар» приставил к нему специальных агентов, но и они не могли установить, где он обедал, — никто не видел его входящим в ресторан, дома у него не было прислуги и никаких поставщиков.

Ровно в час дня, ни на секунду позднее, господин Икс выходил из своей квартиры на Елисейских полях. У него было бритое лицо американца, серый костюм, гетры и котелок. Он не был ни тонким, не толстым, и мог бы остаться совершенно незаметным в толпе, но не заметить господина Икса было невозможно. Лицо каждого человека что-нибудь выражает: радость, горе, скуку, рассеянность. Лицо господина Икса не выражало абсолютно ничего. Если ему приходилось оборачиваться, то он поворачивал всю голову. Он ходил без палки и без зонтика, не размахивал руками, а

держал их вытянутыми по швам, как солдат. Походка его тоже была удивительной и напоминала марионеток, которых дергают за ниточки, а они все время падают и спотыкаются. Но он не падал. Если кто-нибудь спрашивал его, например, как пройти в то или иное место, то он останавливался и отвечал:

— О, простите, я здесь чужой...

Голос его несколько гнусавил и был резким, — в нем слышался иностранный акцент, — и это интересовало еще больше. Всего этого было достаточно, чтобы обратить на него внимание и без интригующих заметок в газетах, и поэтому около его скамейки, где он сидел на Елисейских полях, собиралась толпа любопытных. Самые смелые подходили ближе и заглядывали ему в лицо, но он не обращал на это никакого внимания. По праздникам народа собиралось так много, что приходилось вмешиваться полицейскому, заставлявшему людей проходить мимо него группами. Вечером господин Икс поднимался со скамейки и, ни на кого не глядя, спокойно, корректно и медленно возвращался в свою квартиру. Эту квартиру снял для него его друг за два дня до приезда господина Икса.

Все попытки раскрыть его инкогнито оставались без успеха. Один полицейский осмелится его однажды спросить, как его «имя, адрес и профессия», так как «его присутствие вызывает скопление народа». Не моргнув глазом, без всякого выражения досады, гнева или удивления, господин Икс ответил своим резким, однотонным голосом:

— О! Я ничего не говорю, я держу себя спокойно и корректно. Если людям доставляет удовольствие собираться здесь, то говорите с ними. Кто я такой? Это вас совершенно не касается, и если вы не оставите меня в покое, то я обращусь к своему посланнику.

Директор одного большого театра предложил господину Иксу тысячу франков за вечер только за то, что он посидит полчаса в ложе.

— О! За кого вы меня принимаете? — ответил Икс.

За кого его принимали, в самом деле? Одни за эксцентричного остряка, заключившего пари, другие за гениаль-

ного шефа рекламы, подготовляющего колоссальную рекламу для духов или мыльного порошка.

Господин Икс сам открыл свое инкогнито, но только тогда, когда нашел это нужным.

На Сен-Жерменском бульваре живет знаменитый ученый, меcье Арно, член Академии Наук, известный всему миру своими работами в области электричества. Его имя называют рядом с Эдисоном, и он считается кандидатом на Нобелевскую премию. К сожалению, Арно — очень несимпатичный, ворчливый, вечно недовольный человек, отравляющий жизнь своей милой жене и молодой дочери. У Арно нет друзей и, хотя его уважают за ученость, но избегают встречаться с ним. Впрочем, он нисколько не претендует на общество, занимаясь работой в своей лаборатории, и был бы счастлив, если не меcье Делобель — самый опасный его конкурент и к тому же полная противоположность ему: молодой, красивый, остроумный, с легким налетом богемы, изобретатель, аппараты которого произвели целую революцию в электрической промышленности.

Первые работы, представленные им Академии Наук, встретили такую злобную критику Арно, что Делобелю доставляло впоследствии огромное удовольствие доводить ученого до бешенства, называя его «выдающийся теоретик нашей Академии, меcье Арно». Арно, хотя и считает, что вся современная наука покоится на основании его выводов, не желает быть только теоретиком. Он утверждает, что изобрел нечто гениальное, могущее перевернуть весь мир.

Главным образом его злит то, что сам он имеет только скромные средства, в то время как Делобель купается в золоте, ездит на автомобилях, проводит лето в Довилле. И это злит Арно вовсе не потому, что сам он мечтает об автомобиле или курортах, а просто из-за вопиющей несправедливости.

Арно в раздумье ходил по лаборатории. Вечером должна была состояться помолвка его дочери с одним молодым человеком, помощником нотариуса. Профессор был не очень

доволен этим обстоятельством и охотно отложил бы помолвку, так как у жениха не было никаких средств.

Его размышления прервала горничная, принесшая визитную карточку. Арно прочел:

Господин Икс

и под этим карандашом приписанные строчки:

«Для Вас, мистер Эдуард Фрик, член Академии Наук в Мельбурне».

Удивленный Арно велел просить гостя. Мистер Икс вошел, угловатым движением снял котелок и сказал гортанным голосом:

— О! Добрый день!

Арно подвинул ему кресло. Господин Икс тяжело опустился на него и с обычным ледяным выражением лица стал излагать цель своего визита:

— Господин профессор, я очень люблю французов, но у них есть один маленький недостаток, о котором можно спокойно упомянуть, не роняя их достоинства. Говорят, что французы не имеют никакого понятия о географии. Я скажу больше: они не знают ни одного другого народа. Конечно, это ничего не значит и только объясняет, почему я, знающий почти все без исключения ваши технические книги, совершенно неизвестен...

Арно должен был признаться, что имя посетителя ему совершенно незнакомо.

— Я знаю это, — продолжал господин Икс, — и поэтому представляюсь вам еще точнее: Эдуард Фрик, автор тридцати двух томов о возникновении мира, член Академии Наук в Мельбурне (должен ли я прибавить, что Мельбурн в Австралии?) и владелец самых больших платиновых приисков в мире: значит, миллиардер.

Опять богатый ученый! Арно глубоко вздохнул, вспомнил про Делобеля, про свою дочь Розу, выходящую замуж за помощника нотариуса, и вздохнул еще раз. Икс продолжал:

— После этого подробного представления я перехожу к

делу: месье Арно, у вас есть дочь Роза, которую я каждый день встречаю на Елисейских полях. Она очень красива: я женюсь на ней.

Арно показалось, что рядом с ним ударила молния, но он был слишком хорошо знаком с этим явлением, — во всяком случае, он не мог произнести ни слова, что позволило господину Иксу добавить:

— Значит, с этим покончено. Но я должен вас просить еще, раз мы уж будем находиться в таких отношениях, подействовать в Академии Наук, чтобы она оказала мне честь и позволила, как гостю и члену другой академии, присутствовать на одном из ее заседаний.

Арно пробормотал несколько несвязных слов, — он очень польщен, очень польщен, глубоко тронут...

— Еще одно, — сказал господин Икс, — и тогда я уйду: до того дня, когда мне можно будет присутствовать на заседании, я прошу вас сохранить мое инкогнито. Я хочу избежать нескромности прессы и докучливых интервью. До свиданья!

Мистер Эдуард Фрик поднялся, надел котелок и теми же неверными шагами вышел из комнаты, прежде чем Арно успел прийти в себя.

В вечер назначенной помолвки в семье профессора Арно разыгралась трагедия: профессор заявил, что и думать нечего о другом женихе, кроме сказочного австралийского ученого, произведения которого он, правда, не знает, но достаточно осведомлен о его богатстве. И свадьба с неизвестным миллиардером была назначена уже на следующий месяц. Роза решила пойти в монастырь, а Жорж — в Иностранный легион. Но легче принять решение, чем его выполнить.

Профессор Арно ревностно принялся за дело. Через неделю Академия Наук назначила заседание, на котором должен был присутствовать господин Икс. И на следующий после этого день профессор решил подписать с ним брачный контракт.

Заседание оказалось целым событием. Еще бы! Господин Икс, сенсация Парижа, дававший пищу не только французским, но и всем иностранным газетам, оказался знаменитым ученым, гостем Академии! Правда, находились скептики, и многое еще не было выясненным, когда председатель, приветствовавший гостя, умолк, и господин Икс, с присущими ему угловатыми, странными движениями, поднялся со своего места и начал:

— Господа, я не осмелюсь выразить вам свою благодарность, подбирая для того изысканнейшие выражения, так как недостаточно знаком с тонкостями вашего языка; я могу только просто поблагодарить вас за оказанный мне прием.

Вступление было встречено шумным одобрением, и господин Икс продолжал:

— Разрешите мне еще добавить, что на моей родине, в далекой Австралии, с большим вниманием следят за всеми гениальными открытиями великой французской нации, а также знаменитой Академии Наук. Имя моего будущего тестя, профессора Арно, и его теория законов электричества пользуются в Мельбурне большой популярностью.

Профессор Арно улыбнулся и поклонился.

— И не должен ли был я, наряду с другими великими учеными, назвать имя другого французского ученого, с которым я еще не имел чести встретиться в Париже, но гениальные изобретения которого имели большое влияние на нашу промышленность, — но мне не надо называть имени Делобеля, потому что вы знаете его лучше, чем я...

Профессор Арно нахмурился, и многие нашли заморского гостя бестактным.

— Я хочу, — продолжал господин Икс, — показать вам на поразительном примере, как мои земляки сумели использовать ваши открытия в области электричества, — области, мне тоже не чужой.

Господа, один член мельбурнской Академии Наук создал человека-автомата, который ходит, говорит и двигается, как вы и я, разгуливает по улицам, разговаривает с людьми.

— О! о! — раздалось в собрании. Это восклицание было очень вежливым, но давало понять, что слова господина Икса были встречены с недоверием, и ему не удастся мистифицировать ученых.

— Если вы отнесетесь со вниманием к моим словам, то я надеюсь, что мне удастся убедить вас в моей правоте. Каким же образом, спрашивается, моему соотечественнику удалось достигнуть этого идеала, искусственного человека? Самое простое, конечно, было создать ему внешнюю оболочку. Он сделал ее из алюминия и покрыл тонкой, нежной и эластичной кожей. В этой оболочке был заключен металлический скелет, все части которого соединены рычагами, приводимыми в действие электрическим волновым аппаратом и маленькой динамо-машиной, заключенной в желудке. В гортани помещалась вибрирующая пластинка громкоговорителя. Вся верхняя часть головы представляла собой фотографическую темную камеру, и глаза, какое бы естественное впечатление они ни производили, были не чем иным, как двумя объективами, отражавшими на матовом стекле в глубине черепа все, что происходило вокруг автомата. Телефон и зрительное восприятие соединялись во второй и третий приемник и отправитель волн. Вот и все — потому что не имеет смысла описывать вам, конечно, его костюм. Но для чего, господа, весь этот механизм, если автомат не может думать? Потому что создать искусственный мозг не может ни один ученый, и я сомневаюсь, что это вообще может удалиться. Но никто не мешает нам пользоваться собственным умом и при помощи его давать кажущуюся жизнь автомату.

Подумайте, какое это восхитительное чувство для человека, если он может жить двойной жизнью совершенно по своему усмотрению, заставить автомат разгуливать за него по улицам, собирать впечатления, разговаривать с людьми! Люди, не имеющие возможности, например, путешествовать, или прикованные к одному месту тяжелой болезнью, не будут теперь знать никаких преград. Мы можем построить целые фантастические города, населенные исключительно марионетками, оживленными нашей волей. Но каким же об-

разом вдохнуть жизнь в эту куклу? Этот ученый сумасшедший — скажете вы?! Однако, нет.

Представьте себе, что в тихой части города, в лаборатории, сидит человек. Перед ним стоит нечто, похожее на клавиатуру рояля, над роялем — экран и воронка громкоговорителя.

На экране появляются фигуры, улица — автомобили, прохожие. Внезапно один останавливается и говорит; в ту же минуту из громкоговорителя доносится: «Простите, как мне попасть на улицу Риволи?»

Псевдо-пианист нажимает на одну из клавиш и кричит в ответ: «Вторая улица налево». Его руки опять двигаются по клавишам в то время, как он не спускает глаз с экрана.

Теперь вы уже угадали, господа, в чем дело: человек может вдохнуть жизнь в автоматическую куклу благодаря двум гениальнейшим современным открытиям, которыми мы обязаны французским ученым — телемеханике или передаче энергии на расстояние посредством электрических волн, и фототелефону, который передает без проводов на расстояние звук и картину одновременно. Скажу точнее. Благодаря согласованности различных аппаратов внутри автомата и экрану, отражающему изображение внешнего мира на стекле объектива, человек знает, где в данную минуту находится автомат. Он видит его глазами. На клавиатуре он нажимает клавиши и посредством телемеханики управляет с абсолютной точностью его движениями. Беспроволочный телефон и двойной громкоговоритель помогают слышать задаваемые вопросы и отвечать на них. Господа, я видел этот автомат — сходство с человеком поразительное!

Члены Академии удивленно переглянулись. Никто не знал, как отнестись к подобному фантазеру, скорее имеющему отношение к Марку Твену, чем к Эдисону. После паузы разразилась буря. Глаза всех обратились на Арно.

Он поднялся.

— Милостивые государи, — произнес он, — мы привыкли заниматься здесь серьезной работой. Поэтому вы можете себе представить, как мне неприятно сказать человеку,

которого мы считали выдающимся ученым...

— Позвольте, — перебил его господин Икс, — за кого же вы меня, собственно, принимаете?

— За смешного шарлатана и дурака, сударь, — резко ответил профессор.

Господин Икс неприятно рассмеялся.

— Дурак — это вы сами, господин профессор! Посмотрите на меня! Ведь я — автомат!

Господин Икс упал на кресло. Его руки опустились, голова запрокинулась назад, рот раскрылся. Все присутствующие вскочили с мест и подбежали к нему — под материей костюма ясно чувствовалась алюминиевая оболочка.

А в то же самое время перед экраном в своей лаборатории сидел Делобель и смеялся до слез.

Мадемуазель Роза вышла замуж за Жоржа, а Делобель стал членом Академии.

Фредерик Буте

УБИЙСТВО

Дело началось 12 ноября следующей заметкой в парижских газетах под рубрикой местной хроники:

ЗАГАДОЧНАЯ ТРАГЕДИЯ

В прошлую субботу, на рассвете немногие прохожие, пробиравшиеся в густом тумане по улицам, услышали ужасный крик. В тот же самый момент на панель около «Космополитен-отеля» сверху упал человек. Прохожие бросились к месту происшествия. Голова несчастного была разбита, тело носило следы сильных повреждений. Смерть, по-видимому, наступила мгновенно. Служащие отеля узнали в убитом американца Джошуа Вильсона, жившего в пятом этаже со своим двоюродным братом, Томасом Вильсоном.

Вызванные полицейские поднялись наверх и нашли Томаса Вильсона в его комнате. Он был полуодет, сильно взволнован и на голове его виднелись несколько кровавых ран. Вильсон отказался отвечать на предложенные ему вопросы и заявил, что «на его руках нет крови». Его арестовали. Следствие показало следующее: оба американца в течение двух месяцев жили в «Космополитен-отеле». Томас Вильсон — че-

ловек лет сорока, бегло говорить по-французски, по-видимому, довольно состоятелен и привык жить на широкую ногу. Несчастный, разбившийся насмерть — его двоюродный брат, значительно младше его, живший вместе с ним на незавидном положении бедного родственника. Он говорил только по-английски и, кроме того, был глуховат. Джошуа Вильсон производил впечатление очень молчаливого и замкнутого человека, все время проводившего в своей комнате за чтением. Обычно он много курил, читал или меланхолически смотрел в окно. Только немногим людям удавалось разговориться с ним, а именно Этель Кэмпбелл, молодой горничной-англичанке, служившей в отеле. По отношению к ней Джошуа Вильсон изменил своему обычному сдержанному обращению с людьми, и предполагается даже, что между ними существовало нечто вроде любовной связи. Это можно было заключить по тому, что, когда молодая англичанка услышала о трагической смерти американца, с ней случился сильный нервный удар: ее пришлось уложить в постель и вызвать врача.

Полицейский комиссар, месье Эглантен, тщательно осмотрел комнаты, где жили американцы. Насколько можно было заключить, они занимались научными изысканиями, потому что в запертом шкафу полицейские нашли несколько электрических батарей и аккумуляторов, а кроме того, аппарат, напоминающий по своей конструкции беспроволочный телеграф.

Это загадочное дело передано известному судье д'Англе. Томас Вильсон арестован. Раны у него на голове оказались неопасными. По слухам, он поручил вести защиту мадам Каброль, знаменитой адвокатессе. Труп жертвы препровожден в госпиталь Шарите.

ПОСЛЕ ЗАКРЫТИЯ РЕДАКЦИИ

Дополнительно нам сообщают, что арестованный по обвинению в убийстве американец Томас Вильсон оказался знаменитым врачом, пользующимся в специальных научных кругах Соединенных Штатов и Европы большой известностью

благодаря своим изобретениям, создавшим целую эпоху в науке. Мы воздерживаемся пока от оглашения его имени, так как не можем пока гарантировать достоверность сведений.

*

Описанное здесь преступление американца возбудило живейший интерес в общественных кругах. Возмущение достигло своей высшей точки, когда сведения о личности убийцы подтвердились. Уже вечерние газеты сообщили настоящее имя Томаса Вильсона. Он оказался знаменитым доктором Джеффри из Нью-Йорка. Была напечатана также его краткая биография и упомянуты все совершенные им открытия в хронологическом порядке. О самой жертве, однако, ничего нельзя было сказать, так же как и об истинных причинах трагедии.

В воскресенье допрос не мог состояться. Этель Кэмпбелл чувствовала себя уже лучше. Она встала и могла приняться за обычную работу, но пережитое потрясение сильно отразилось на молодой девушке, и на все вопросы, обращенные к ней и касающиеся покойного, она хранила глубокое молчание.

В понедельник полицейский врач, доктор Гаспар, отправился в госпиталь Шарите, чтобы вскрыть труп. В то же самое время арестованный американец впервые был приведен для допроса к следователю.

Мадам Каброль, знаменитая адвокатесса, соблаговолила присутствовать при этом своей собственной персоной.

Д'Англе пристально посмотрел на американца. У доктора Джеффри было гладко выбритое лицо с резкими, упрямыми чертами. Д'Англе не успел еще открыть рта, чтобы начать допрос, как обвиняемый начал сам:

— Господин судья, — сказал он, — поверьте, что я не хочу вводить французский суд в заблуждение. В присутствии знаменитой мадам Каброль, которая так любезно обещала мне свое содействие, заявляю: я невиновен.

— Я охотно поверил бы вам, — любезно возразил судья,

— но, к сожалению, все улики против вас.

— Но здесь вообще не произошло убийства, — настаивал американец.

— Я знаю, знаю. Самоубийство. Это утверждаете вы. Но раны на вашей голове и то обстоятельство, что вы находились одни в комнате с покойным...

— Но ведь этого покойного вообще не существует, — снова перебил его американец с самым невозмутимым видом. — Конечно, я признаю, что подобранное перед «Космополитен-отелем» тело человека было выброшено из моего окна, но только здесь дело идет не о теле человека... не думайте, что я разыгрываю из себя сумасшедшего: я говорю только голую правду, которую вы можете каждую минуту проверить. То, что я выбросил из окна, было автоматом, машиной в человеческом облике, марионеткой, которую я сам создал в

прошлом году.

Наступило неловкое молчание.

— Ах, что там, — пробормотал судья, — это невозможно, совершенно исключается... это давно бы заметили...

— Бросьте, господин судья, — рассмеялся американец. — До сих пор, действительно, никто еще ничего не заметил — признаюсь, к моему глубочайшему удивлению, — я никогда не думал, что мне так удастся «подделать» человека... Вы читали, может быть, «Будущую Еву»?*

В этот момент за дверьми кабинета раздался шум и в комнату ворвался доктор Гаспар.

— Неслыханно! — вскричал он. — Вы знаете, что мне дали для вскрытия? Искусственного человека! Что-то вроде электрической куклы! Мои ассистенты просто с ума сошли! Они заметили уже раньше, но не решались сказать, когда труп действительно закоченел. Потому что до того времени, пока эта кукла функционировала, у нее была температура, обычная для человеческого тела... Что за парень, доложу я вам! Изумительно. Все есть, что полагается: сердце, мозг, легкие, даже кровь в жилах. И, конечно, существует электрическая станция, откуда управляется этот автомат. Это просто баснословно.

— Дорогой коллега, мне очень льстит ваше восхищение, — заметил американец.

— Доктор Джеффри! Так это вы, значит, доктор Джеффри? Дорогой мистер, мой знаменитый коллега!

Доктор Гаспар не мог совладать со своим возбуждением.

— Простите, что я затруднил вас, — обратился американец к судье, — но я мог тысячу раз уверять всех в своей невиновности, — мне все равно никто бы не поверил. И кроме того, — продолжал он, — я совсем и не стремился к этому. Мне хотелось устроить настоящий процесс, нечто, привлекающее к себе внимание широких кругов, чтобы ланси-

* Речь идет о романе О. В. де Лиль-Адана (1838-1889) «L'Eve future» (1886), рассказывающем о создании искусственной женщины и считающемся главным источником термина «андроид» (*Прим. сост.*).

ровать* свое открытие... В Америке меня знают слишком хорошо — и сразу же возникло бы подозрение в рекламе, в то время как здесь, во Франции: «потрясающее преступление», арест, газетные статьи — и внезапно — истина производит впечатление разорвавшейся бомбы. Признайтесь сами, разве это не сногшибательная реклама? Подумайте только, что я работаю над своим автоматом уже в течение двадцати лет. Я сконструировал пять машин и уничтожил их одну за другой, прежде чем мне удалось создать моего Джошуа. Не успевал я разрешить одни проблемы, как передо мной вставали другие, еще более сложные... Больше всего затруднений мне доставили аккумуляторы: мы, в сущности, так мало знаем об электричестве... Но это я могу объяснить вам потом подробнее. У меня приготовлен доклад для научно-го мира... Одновременно с этим я продемонстрирую куклу.

— Еще один вопрос, господин доктор, — перебил его д'Англе, — откуда же у вас эти ранения?

— Ранения? — американец на секунду запнулся. — Ну, это от «него». Я сказал вам уже, что хотел симулировать убийство, чтобы вызвать сенсационный процесс для рекламы моего изобретения. Но я еще колебался, опасался... Просто не мог решиться разбить аппарат, стоивший мне таких усилий, удавшийся мне, наконец, и к тому же производивший впечатление настоящего человека... Когда «он» смотрел на меня своими большими голубыми глазами... нет, я не мог решиться. И, в конце концов — в ночь убийства — голос американца дрогнул, но он овладел собой, — в эту ночь я выпил несколько стаканов виски, чтобы придать себе мужества... Как это случилось — больше не могу точно припомнить — вы понимаете, виски было очень крепкое — я забыл, очевидно, выключить аппарат прежде, чем сбросил автомат вниз — очевидно, он сопротивлялся — потому что доказательства этого налицо — следы борьбы...

— Как, сопротивлялся? — спросил судья.

* От *фр. lancer* — вводить в обращение, запускать, делать известным (Прим. сост.).

— Нет, конечно нет. Я хочу сказать, что я, наверное, сам был неловок, — по лицу американца скользнула тень, — очевидно, выпил немного больше виски, чем следовало. Пройдемте лучше в морг — там вы сами убедитесь, что это не человек, а машина.

— А что же с горничной? — с любопытством спросил доктор Гаспар.

— А! Это был прекрасный эксперимент! Мне хотелось узнать, в состоянии ли мой автомат действительно произвести впечатление человека. Он был устроен таким образом, что я мог привести его в действие путем передачи электрических волн на расстоянии и управлять им по своему собственному желанию.

В то время, как я запирался в своей комнате под предлогом работы, я оставлял его несколько раз наедине с молодой девушкой... Потом я еле мог удержаться от смеха, видя, как малютка бросает моему автомату нежные взгляды... Мне кажется, он даже обручился с ней. Это была действительно прекрасная машина.

— Я требую немедленного освобождения моего клиента, — заявила мадам Каброль.

Это было единственной фразой, произнесенной знаменитой адвокатессой за все время допроса, но и ее уже было достаточно, чтобы поддержать ее репутацию.

*

Слава доктора Джеффри вспыхнула грандиозным фейерверком. На следующий день он и его кукла стали известными всему миру. Газеты поместили длиннейшие статьи о неслыханном искусственном человеке, попутно вспоминая обо всех автоматах, исторических и простых, появлявшихся до сих пор. Ученые разделились на два противоположных лагеря. Финансисты предлагали невероятные суммы. Спекулянты предполагали организовать общества для изготовления искусственных людей и живых статуй. Многочис-

ленные ученые общества избрали доктора Джеффри своим почетным членом. Его засыпали орденами, и портреты его и несчастного Джошуа Вильсона появились на сотнях тысяч открыток. Джошуа Вильсон сильно пострадал при своем падении. Кроме того, доктор Гаспар, не разобрав сразу, в чем дело, причинил ему сильные повреждения. Так называемый труп был выставлен для обозрения публики. Тысячи людей проходили мимо этой искусной машины, представлявшей собой полное подобие обезображенного человеческого трупа — триумф человеческого гения и техники.

Среди посетителей можно было увидеть также и бледную белокурую девушку. Она производила впечатление очень нервного и угнетенного человека — по крайней мере, так гласили позднейшие показания сторожей. Девушка долго неподвижно стояла у трупа, всматриваясь в искаженное лицо. Внезапно она разразилась истерическим смехом и исчезла.

В тот же самый вечер, в полночь, случилось следующее: доктор Джеффри только что вернулся домой. Он занимал теперь шикарные апартаменты в бельэтаже «Космополитен-отеля», которые, однако, должен был вскоре покинуть, чтобы отправиться в турне по Европе. Труп Джошуа Вильсона он, конечно, собирался взять с собой — для демонстрации — по крайней мере, до тех пор, пока не создаст новый автомат. Внезапно он услышал, как дверь в салон открылась. Он пошел туда, чтобы посмотреть, кто осмелился войти, не постучавшись. Из темноты перед ним выступила маленькая фигурка в белом переднике. Он вспомнил английскую горничную — хотел сказать что-то — и не успел.

— Проклятый лгун. Низкий убийца, — прошептала она сквозь стиснутые зубы.

Она подняла руку. Раздались три выстрела.

Доктор Джеффри упал. Струя крови окрасила ковер. Великий изобретатель был мертв...

Джозеф Шлоссель

ЛУННЫЙ КУРЬЕР

Укладывая свои вещи перед отъездом в двухнедельный отпуск, я всего меньше думал о путешествии в межпланетном пространстве. Мысленно я уже переносился к родным, радовался предстоящей встрече с ними и с моим другом Эмилем Петерсом, который, как я слышал, прибавил недавно еще одно изобретение к списку своих достижений. Но если бы кто-нибудь сказал мне, что я вскоре увижу огромные пещеры и лабиринты, которыми изрыта поверхность Луны, я счел бы его сумасшедшим. Живя в громадном городе, и так в сущности не видишь ничего, кроме пещер из камня и стали да туннелей электрического метрополитена!

Каждый год я стараюсь воспользоваться отпуском в начале августа с тем, чтобы в первую субботу этого месяца быть среди своих. Меня так и привыкли встречать в этот день на станции. Но на этот раз я задержался и пришлось послать родным телеграмму, чтобы не ждали меня раньше следующего утра.

В воскресенье утром поезд, спускаясь под извилистый уклон черепашьим шагом, подходил к станции.

Брат уже поджидал меня в автомобиле. Миновав единственную улицу городка, мы понеслись по шоссе. Куда ни посмотришь, блестели капли воды, стояли лужи, колосья на полях лежали, как скошенные. Я заметил на вершине холма несколько вывороченных с корнем деревьев.

— Страшная буря пронеслась здесь ночью, — сказал брат. — А длилась всего несколько минут. Хляби небесные, как говорится, растворились и залили все. Я никогда не видал ничего подобного. Мама перепугалась, думала, что наш дом обрушится. Хорошо, что он стоит в котловине. А в высоких местах снесло несколько амбаров. Даже трехэтажная кирпичная постройка, где у Эмиля была новая лаборатория, совершенно превращена в развалины.

Я невольно стиснул брата за локоть.

— Он не убит? — спросил я с замиранием сердца.

— Нет. Он в последние месяцы и не заглядывал туда. Ему всегда больше нравилась старая его мастерская. В лаборатории ночью, я думаю, не было ни души. Те десять механиков, которых Эмиль держал для своих работ, недели три

назад получили расчет.

— Значит, все благополучно?

— Да. Кстати, чуть не забыл. Эмиль еще вчера звонил по телефону и просил тебя зайти к нему сразу по приезде.

* * *

«Из-за чего такая спешка?» — спрашивал я себя, перелезая через проволочную изгородь, отделявшую ферму Петерсов от нашей.

Имя Эмиля Петерса вы, вероятно, не успели забыть, так как этот «безногий ученый», не покидавший своего колесного кресла, приобрел себе славу и богатство своими открытиями в области радиотехники.

Он жил один со своим старым слугой Олафом в доме, доставшемся ему от отца. Старик служил ему с исключительной преданностью. У Эмиля была парализована нижняя часть тела, начиная от поясницы, и Олаф считал себя виноватым: когда Эмилю было лет десять, Олаф, без разрешения его отца, повел его в цирк, где показывали прыжок с аэростата на парашюте. На другой день Эмиль попытался повторить этот опыт при помощи зонтика и прыгнул с крыши высокого амбара.

Раньше, чем я позвонил, Олаф успел отворить мне дверь. Он кивнул головой в конец комнаты, где сидел за каким-то странным прибором Эмиль, и приложил палец к губам. Я вошел на цыпочках. Эмиль поднял на меня глаза, повернул какие-то стрелки у градуированных шкал и подозвал меня ближе.

— Ты выглядишь прекрасно, — сказал я, пододвигая стул и садясь против него.

— А вот про тебя этого не скажу. Видно, деревенский воздух лучше.

— Какая жалость, что твоя лаборатория разрушилась.

Он посмотрел на меня загадочно.

— Ты хотел меня видеть? В чем дело? — спросил я.

— Я хотел повидаться с тобой перед отправлением на Луну.

— Что! — я даже подскочил. — Полно, Эмиль, перестань шутить.

— Я и не думаю шутить. В наш век все возможно. Идеи, как и пределы вероятного, постоянно изменяются соответственно духу дня. То, что вчера казалось незыблемой истиной, сегодня вызывает чуть ли не презрительную усмешку.

— Попробуй что-нибудь другое, только не это. Представляешь ли ты себе все лишения, ожидающие тебя? Самые смелые арктические исследователи, люди, которые приучили себя к самым тяжелым физическим испытаниям, люди, обладающие стальными мускулами и непреклонной волей, и те не отважились бы на такое страшное по своей дальности путешествие. На что же можешь рассчитывать ты? Ведь ты без посторонней помощи не можешь двинуться с места — и это уже чуть не двадцать лет!

Беспомощная фигура вдруг выпрямилась. Голова откинулась назад. Эмиль хохотал. Он хохотал безудержно, до слез. В чем дело? Уж не вздумал ли он надо мной подшутить?

Наконец он справился с своим приступом смеха и, задыхаясь, проговорил:

— Именно так, дружище. Как это ты сумел попасть в самую точку? *Воля и стальные мускулы* — все, что нужно. Если бы ты не перебивал меня, я разъяснил бы тебе все по порядку. Слушай же.

Иногда я, подкатив свое кресло к окну, просиживал целые ночи, смотрел на эти мерцающие световые точки и все думал, думал, пока голова не наливалась свинцом... Думал о том, как найти дорогу. Желание проникнуть в это пространство превратилось в сжигавшую меня страсть. Не правда ли, смешно, что я, калека, осмелился мечтать о преодолении громадных расстояний мирового океана?

Ты легко представишь себе, друг, как ревностно я копался в книгах, в журналах, в брошюрах, ища ключ к моей загадке. Однако, меня всегда ждало острое разочарование,

и все, что я находил, казалось, подчеркивало полную безнадежность моей мечты.

Ведь если бы даже удалось построитьдвигающийся прибор, способный покинуть пределы земной атмосферы, то представились бы непреодолимые трудности из-за искусственной тяжести, возникающей внутри него при отлете с Земли.

Покинуть земные пределы и устремиться к какому-нибудь другому небесному телу нашей планетной системы можно только при начальной скорости не меньше 11 км в секунду, то есть в восемьдесят четыре раза превышающей рекорд скорости, достигнутой человеком. Но что же станется с человеком на межпланетном корабле, оторвавшемся от земли со скоростью 700 километров в минуту?

Он вопросительно посмотрел на меня. Я не знал, что отвечать.

— Вычислено, — продолжал он, — что ускорение подействовало бы на пассажира межпланетного корабля приблизительно так же, как если бы на него свалился груз в пятьдесят тонн. Человек превратился бы в кровавое месиво.

Итак, вот исход моих надежд, моих мечтаний! Горечь разочарования — и больше ничего! Мне уже мерещился другой путь, искушавший меня, как зияющая бездна. Я готов был сдаться, пасть, не сопротивляться отчаянию, пойти стезей смерти!

— Что ты, Эмиль!

— Да, я готов был признать себя побежденным. Яд казался мне наилучшим выходом. Потом я подумал и о тебе, дружище. Мне не хотелось, чтобы ты счел меня трусом. Хотел послать тебе письмо. Но на бумаге слова так безжизненны, бесцветны...

И вот, без всякого перехода, решение задачи вдруг сверкнуло передо мной, точно молния. Луну можно посетить без малейшей опасности. Нужна воля, нужны *мускулы и нервы из стали*. Послать гонца на луну!

Огромные успехи науки, в особенности в области беспроволочной передачи электроэнергии, значительно упрощали мою задачу. Я, будучи знаком с некоторыми тайна-

ми радиотехники, мысленно видел уже несколько способов осуществления моей мечты.

Не смыкая глаз, я просидел в ту ночь до утра. Я отдался заманчивым грезам об успехе, который стал казаться таким возможным. Все представлялось мне необыкновенно ясно и живо. Каждая мысль приходилась на своем месте и помогала воссоздавать целое, как кусочки, картинки-головоломки, из которых складывается рисунок.

Прежде всего, ввиду инвалидности моей физической оболочки, каков должен быть с виду этот мой гонец? Его надо сконструировать так, чтобы он мог перелезть любое препятствие. С первого момента я остановился на существах из мира насекомых: не там ли выбрать модель для моего гонца? Мне представился паук — огромное металлическое чудовище, достигающее высоты тридцати или сорока футов на своих восьми ногах, две из которых заменяли бы ему руки. Но, поразмыслив я решил, что такая форма слишком примитивна и несовершенна. Сотни различных форм могли быть использованы и приспособлены для моей задачи. Наконец, вспомнив, что мой гонец должен быть единственным представителем Земли, я решил сделать его, по возможности, похожим на человека.

— Не клонится ли твой рассказ, — перебил я его недоверчиво, — к проекту какой-нибудь механической куклы, которую ты собираешься построить?

— Именно. Только не собираюсь построить — она *уже* готова.

— Ты?.. Ты успел ее сделать?

— Да. И горжусь ею. Это действительно совершенство механической техники, достойный представитель Земли!

— Ну, и как же действует твой механический человек? Часто тебе приходится его заводить?

— Дружище, ты уморишь меня своими глупыми вопросами, — ответил Эмиль с тихой улыбкой. — Неужели ты думаешь, что я стал бы тратить жизнь на постройку заводной куклы? Нет, это не простой автомат, хоть и сделанный из металла: это мое *искусственное тело*, которое будет работать в полном единении с беспомощной оболочкой, при-

кованной к этому колесному креслу. Это будет мой *заместитель* в физическом смысле. Я его воля, он — мое тело.

Я слушал его, не помня себя от изумления.

— Новейшие идеи современной науки, — продолжал он, — использованы для его конструкции. Он движется и управляется по принципу беспроводной передачи энергии.

— Но ведь нынешнее радио в виде комбинаций приемника и вместе с тем передатчика слишком громоздко, чтобы всю систему можно было поместить в фигуру, не превышающую размеров человеческого тела, — вставил я свое возражение.

— Вовсе нет. Ты не видел, до какой компактности я довел аппарат. Мне удалось во много раз уменьшить размеры приемно-передаточной системы.

Мой «заместитель», благодаря радио, одарен голосом и слухом. Дальнее видение снабдило его зрением: я могу, сидя здесь за этим столом, видеть через его искусственные глаза. Радио-телемеханическое устройство, иначе говоря, беспроводное управление на расстоянии, сообщает движение его ногам и рукам и придает ему какую угодно позу. Он обладает всеми внешними чувствами тела из плоти и крови, за исключением обоняния и осязания, которые я счел излишними.

Я попытался сделать его таким же сильным, как сильнейшее из земных существ, но после неоднократных неудач убедился, что это невозможно. Я был буквально ошеломлен новым для меня фактом: оказывается, что металл не может выдержать такого же напряжения, как тело насекомого, если представить его пропорционально увеличенным до механического прибора, имеющего размеры человека. Я с чувством уважения смотрю теперь на муравья, который, по сравнению со своими размерами, является одним из самых сильных земных животных.

В первый раз со времени несчастного случая я «встал на ноги», начал «учиться ходить». Первые недели я упражнял отдельные члены моего заместителя. Понемногу движения его делались менее угловатыми. С утра до вечера я тренировался во всевозможных телодвижениях от более про-

стых до самых сложных. Как переписчик на машине постепенно подчиняет ее себе, так я силой воли постепенно и неуклонно подчинял себе эти механические мускулы.

Сидя здесь перед стеклянным матовым экраном, этой приемной станцией моего телевидеоскопа, вооружившись парой наушников, имея против себя микрофон, управляя посредством клавиатуры усовершенствованным телом моего гонца, я смог осуществить невозможное — быть сразу в двух местах.

Мне пришлось поупражняться месяца три, пока мой «за-меститель» усвоил достаточно естественную манеру двигаться и ходить. До вчерашнего вечера я не выпускал его за пределы моей фермы. Он производит впечатление существа, принадлежащего другому, более мощному и жестокому миру. Ноги его сделаны из системы коротких стальных пружин, образующих для его тяжеловесного туловища эластичные, как бы резиновые подпорки. Я часто заставлял его подпрыгивать с места на 10-12 метров, поддерживая его равновесие посредством расположенного в его груди гироскопа; в полости живота у него находится самый мощный электромотор, какой мне удалось построить. Этот мотор получает энергию от моего беспроводного передатчика электросилы, находившегося до недавнего времени в третьем этаже той самой лаборатории, которая разрушилась прошлой ночью.

* * *

...Было уже несколько случаев нападения грабителей на некоторых дорогах в нашей местности. Человек среднего роста медленно шел по проселочной дороге невядалеке от города. Он был очень широк в плечах, держался прямо, шел свободно.

Напевая низким голосом какой-то мотив, не глядя по сторонам, он шел вдоль дороги. Достаточно было взглянуть на него издали, чтобы почувствовать, что это человек ко-

лоссальных физических возможностей.

Подле замаскированного автомобиля стоял человек, пристально всматривался в странного прохожего и перекидывался отрывистыми замечаниями с шофером. Тот хотя и умел в случае крайности развивать бешеную скорость, — когда надо было спастись во что бы то ни стало, — однако, был труслив, как заяц; взглянув на беззаботно приближавшегося пешехода, он откинулся на спинку сиденья и принялся уговаривать своего компаньона задать стрелкача, пока не поздно.

Но товарищ шофера был человеком иной складки; он презрительно усмехнулся, достал из потайной кобуры у себя под мышкой стальную штучку, прокрался шагов на двадцать вперед, прячась все время за живой изгородью, и остановился в ожидании.

Пешеход, продолжая напевать, остановился на дороге как раз против спрятавшегося налетчика.

— Ни с места! — крикнул бандит.

И налетчик шагнул к своей жертве... Вот с этого мгновения все и началось. Почему бандит стал стрелять — он и сам не знал. Из ствола автоматического пистолета вырвалась полоса огня, и тишина вечера прервалась выстрелами, которые так быстро следовали один за другим, что сливались в непрерывный треск.

Жертва издала крик, какой-то бесконечный басистый вопль, который, быстро возвышаясь и проходя через все известные октавы, становился пронзительным, как звук сирены. Он будоражил нервы. Потом он начал затихать, но не прекратился, а пропал в столь быстрых вибрациях, что человеческое ухо перестало их воспринимать.

Бандит издал раздирающий крик, чуть ли не похожий на крик этого чудовищного существа и, собрав последние силы, пустился бежать. Чувствуя за собою погоню, он обернулся и швырнул пистолет прямо в лицо своему преследователю. Тот поймал пистолет на лету — раздался треск ломаемой стали и взззз! — обломки автомата полетели над головой бандита со скоростью пули, едва не убив шофера, и пронизали щит автомобиля.

Бандит, до этого дня не знавший страха, потерял сознание в тот момент, когда железная рука поймала его за платье и подняла на воздух.

Тем временем, шофер не дремал и раньше, чем прохожий успел подскочить, он бешено помчался по извилистой дороге, рискуя свернуть себе голову. Страх научил его быть храбрым.

Таинственный прохожий продолжал идти, неся лишнего сознания налетчика. Он уходил прочь от города, огни которого мерцали далеко на горизонте.

В сумерках вечера неясным пятном маячила сбоку дороги какая-то афиша на столбе. Будь это днем, можно было бы увидеть ярко разрисованный плакат и объявление о предстоящем в этот вечер цирковом представлении: борьба льва, «неукротенного и неукротимого Цезаря, царя джунглей», с бесстрашным белым охотником.

Прохожий остановился перед афишей и бессмысленно впери́л в нее взгляд. Что мог он прочитать в ночной темноте? Однако он как будто понял и, повернувшись в противоположную сторону, решительно двинулся к городу. Недалеке от дороги ему попался на глаза стог сена. Прохожий подпрыгнул и на лету швырнул в сено свою все еще безжизненную ношу.

В шуме, который стоял над цирком, было что-то не совсем обычное. Потом наступила зловещая тишина. Раздались резкие окрики, встревоженные голоса...

Лев стоял у выхода из палатки. Гигант нервничал и бил хвостом. Он еще никогда не вкушал свободы и, как родившийся в неволе, был вдвое опаснее.

Лев издал рев, нацеливаясь прыгнуть в толпу людей, стоявших на дороге к его свободе. Хаос ужаса объял толпу. Женщины падали в обморок, началась давка среди теснившихся к выходу.

С противоположной стороны донесся звук, от которого все замерло. Он начался с низких, быстро повышавшихся нот. Он был ужасен. От него кровь свертывалась и застыла в жилах. Лев остался на месте.

Даже этот молодой гигант поддался действию страш-

ного звука. Но недаром его звали царем зверей. Он поднял великолепную голову и грозным ревом откликнулся на вызов.

Человек среднего роста, но необыкновенно широкоплечий, спокойно вышел на освещенную арену. Он шел прямо ко льву. Никакого оружия у него не было. Безумец!

Лев прыгнул, изловчился на лету и нанес человеку быстрый удар в грудь, сорвав с него пальто. Поразительно, что человек остался жив после этого удара, который свалил бы и быка. С быстротой кошки лев повернулся, встал на задние лапы и наносил удар за ударом. Скоро вся одежда на человеке превратилась в клочья и только шляпа оставалась на месте, точно приклеенная к голове.

Человек, отталкивая льва и отбиваясь от него, сделал прыжок назад. Хотя вся матерчатая одежда была с него сорвана, но на нем еще оставалась отливавшая синевой стальная кольчуга. В тех местах, где прошлись львиные когти, кольчуга блестела, как полированная сталь.

Лев еще раз приготовился прыгнуть на отскочившего от него человека, но тот уже перешел от обороны к нападению и наносил льву удар за ударом по голове. Лев хотел укусить руку, но промахнулся. Тогда зверь кинулся на своего мучителя; человек шагнул навстречу и нанес ему могучий удар, от которого лев перевернулся. Он озлобленно зарычал, присел на задние лапы и ожидал.

Пригнув голову, человек устремился в эти гибельные объятия. Сила столкновения опрокинула льва на спину; человек оказался на нем. Зверь отбивался передними лапами, изгибался в дугу, извивался, но его когти не могли проникнуть сквозь кольчугу.

Человек вырвался и ударил льва сбоку сначала правой рукой, потом левой. Лев метнул лапой и оставил серебристую полосу на стальной груди противника.

Игра эта наскучила человеку: он отошел в сторону, потом присел и прыгнул. Вверх, вверх, на десять, двадцать, тридцать, сорок футов! и полетел книзу прямо на спину зверя. Лев, следивший за ним глазами, успел увернуться, но человек отскочил от земли, как мячик, и оседлал зверя.

Лев приник к земле под его тяжестью.

Одна рука схватила верхнюю челюсть животного, другая вцепилась в нижнюю. Зверь взвизгнул и сделал последнее усилие, чтобы встать на ноги. Он почувствовал свой конец.

Руки принялись беспощадно раздирать красную слюнящую пасть. Потом победитель дернул верхнюю челюсть с такой нечеловеческой силой, что сломал шейные позвонки животного.

Толпа встретила эту развязку взрывом шумного восторга. Человек встал. Его шляпа свалилась во время последнего эпизода борьбы.

Взвалив себе на плечи львиную тушу, это существо перепрыгнуло через скупившиеся возле цирка автомобили и исчезло во мраке...

Широкая река пересекала ему дорогу. Без малейшего колебания странный путник погрузился в воду.

Час спустя он вылез на противоположном берегу, отряхнулся от тины и ила, бросил звериную тушу на землю и с необычайной скоростью, преодолевая прыжками все препятствия, побежал вдоль песчаного берега. Вот он свернул в сторону и устремился к поселку.

Старенький, ржавый, забрызганный грязью грузовичок с громким дребезжанием медленно ехал по дороге. Фермер, управлявший рулем, боязливо оглядывался назад. Кто-то догонял его. Две светящиеся точки сверкали вдалеке, как фонари автомобиля.

Что-то загрохотало среди молочных бидонов на платформе грузовика. Запах пролившейся жидкости щекотал ноздри фермера запретным запахом алкоголя. Ход замедлился и, хотя мотор продолжал работать, грузовик остановился, заняв наклонное положение, так как задний его конец отделился от земли.

Ехавший на грузовике выключил мотор, сошел со своего места, чтобы выяснить причину остановки, но достаточно было ему кинуть назад один взгляд, и он с безумным криком обратился в бегство.

А существо, вызвавшее остановку, схватило грузовичок с запретным товаром, подняло его на вытянутой руке над

головой и, пробежав так несколько шагов, бросило свою ношу в густую листву дерева, где автомобиль повис на сучьях. Потом загадочное существо со сказочной быстротой пустилось в обратную сторону.

Около двух часов пополудни таинственный герой всех этих приключений подошел к трехэтажному каменному зданию, стоявшему на невысоком холме. На западе, сквозь разорванные тучи, выплянула луна. Он посмотрел на нее, простер к ней руки, как бы желая заключить ее в свои объятия, и медленно подошел к двери, запертой большим висячим замком. Легким нажатием ладони он сорвал дверь с петель, оглянулся, махнул рукой как бы на прощанье и вошел.

Через несколько минут раздался грохот, потрясший окрестность на несколько киль. Из верхушки трехэтажного здания вылетел снаряд, из основания которого вырывалось перемежающееся пламя...

* * *

— Итак, друг мой, прошлым вечером и ночью я испытал своего курьера, чтобы узнать, насколько он способен выполнить возложенное на него поручение. Теперь он несется к Луне внутри межпланетного снаряда, приводимого в движение по принципу ракеты. Он должен был облететь один раз вокруг Земли в верхних слоях нашей атмосферы, и только после этого он достиг скорости в 12 км в секунду. Освободившись от влияния земного притяжения и войдя в сферу притяжения Луны, снаряд автоматически перевернется и будет падать с возрастающей скоростью на наш спутник. Для уменьшения этой страшной скорости и для обеспечения плавной посадки на лунную поверхность мне придется употребить систему противодействующих ракет.

— Сколько времени нужно этому снаряду, чтобы покрыть расстояние от Земли до Луны? — спросил я.

— Не больше шестнадцати часов. Сегодня около шести

часов вечера надо ожидать посадки.

Я только теперь как следует рассмотрел аппарат, перед которым сидел Эмиль. Продолговатый металлический ящик с матовым стеклянным экраном в передней стенке занимал центральное место. Три ряда рычажков, расположенных наподобие клавиатуры пишущей машины, находились против экрана. По обе стороны клавиатуры виднелись какие-то кнопки и рубильники. На крышке продолговатого ящика был целый ряд циферблатов с указателями, которые все стояли пока на нуле.

— Не взыщи, друг, — сказал Эмиль, взявшись за наушники и раскачивая их в воздухе, — я сейчас должен посвятить все свое внимание снаряду.

Он надел наушники и дотронулся до некоторых рычажков. Стрелка на крышке ящика начала двигаться.

— Будь добр, дружище, закрой ставни и спусти шторы: надо устранить весь посторонний свет.

Я исполнил его просьбу, и в комнате воцарился мрак. Просвечивание экрана позволило мне найти место, где сидел Эмиль. Я начал всматриваться в матовое стекло. Смутные контуры прояснились, и я увидел перед собой машинное отделение. Батарея двигателей сообщала плавное движение динамо-машинам и иным установкам. В середине был узкий, огороженный железными перилами проход, в конце которого виднелась сверкающая контрольными огнями коммутаторная доска. Над шеренгой рубильников с эбоновыми рукоятками был окуляр телескопа. Стены помещения, цилиндрического по форме, состояли из тяжелых металлических щитов, соединенных заклепками.

Вдруг коммутаторная доска начала приближаться. На мгновение по перилам скользнула чья-то рука. Окуляр телескопа увеличился, занял всю площадь экрана; я увидел перед собой Луну. Она казалась очень близкой и шероховатой. С полчаса я смотрел на нее, не отрываясь; она не увеличивалась. Тут я вспомнил, что снаряд совершит свою посадку не раньше вечера. Оставалось часов семь или восемь. Я дотронулся до плеча Эмиля.

— Эмиль, я пойду провести соседей. К шести вернусь.

И я тихонько вышел.

Около половины шестого я опять был у своего приятеля. Он продолжал сидеть против экрана и перебирал пальцами клавиатуру, регулировавшую движения «курьера».

— Это ты, друг? Всего на несколько минут опоздал, а то увидел бы посадку снаряда. Все обошлось благополучно. Мой курьер только что вышел из снаряда и стоит теперь на том месте, которое в самые сильные телескопы мира представляется совершенной равниной. Подойди сюда и посмотри, какова эта «равнина».

На экране я увидел картину до ужаса безотрадную. В неровностях и резких изломах рельефа лунной поверхности была такая безжизненность, какую нельзя встретить ни в одной пустыне земли. Непрерывная цепь гор окружала котловину. «Курьер» повернул голову, и на экране появился снаряд, на котором он прилетел. Этот межпланетный корабль походил на выброшенную на берег подводную лодку.

— Теперь я пошлю его на разведку, — сказал Эмиль. — Но в этом надо соблюдать величайшую осмотрительность. Так как сила притяжения уменьшилась в шесть раз против земной, то мой курьер может передвигаться в шесть раз быстрее и прыгать в шесть раз выше. Сейчас я заставлю его прыгнуть для ориентировки.

Почва вдруг опустилась книзу. Мы увидели ее с высоты. Путешествовать по такой поверхности можно было только огромными прыжками вроде тех, которые были под силу одному лишь стальному «курьеру». Вдали виднелись огромные расселины. Над зубчатым горизонтом гор простиралось совершенно черное небо, усеянное ярко горевшими звездами. «Курьер» на лету сделал поворот, и на мгновение экран залило ослепительным светом солнца.

Почва приближалась к нам по мере того, как «курьер» спускался вниз; потом она помчалась мимо нас с головокружительной быстротой. Уверенно, как кошка, «курьер» перепрыгивал со скалы на скалу. Чем ближе к горам, тем больше было неровностей и утесов. Внезапно показалась трещина, которую мы только что видели сверху во время прыжка. Скорость движения была уменьшена — требовалась ос-

торожность. Глаза «курьера» заглянули в пропасть, которая казалась бездонной. Далеко внизу как будто клубился пар. Стены расселины падали совершенно отвесно. Глубина ее должна была доходить до нескольких миль, и шла она через всю котловину от одной горной вершины до другой. В самом широком месте она не могла быть шире ста футов, и курьер, отступив на шаг назад, чтобы удобнее было оттолкнуться, без труда перепрыгнул через нее.

Несколько дальше показалась вторая расселина, значительно более широкая, так что ее нельзя было преодолеть одним прыжком. Опять «курьер» подкрался к краю и заглянул вниз. Стены этой трещины сходились книзу и были так же усеяны выступами и изломами, как лунная поверхность. Она оказалась не очень глубока и скорей походила на долину, чем на ущелье. В противоположной стене, почти у самого дна, зияла черным неправильным кругом какая-то дыра.

«Курьер» осторожно спрыгнул на ближайший выступ и начал спускаться по направлению к пещере. Добравшись до входа, он заглянул внутрь. Ничего, кроме мрака. Курьер сделал что-то у себя на груди, и сноп света ярким кружком отразился на задней стене пещеры. Кружок передвигался вдоль стены, пока не надвинулся на небольшое отверстие, наполовину загроможденное упавшим когда-то со свода пещеры осколком камня.

«Курьер» приблизился к отверстию и юркнул в узкую нору, уходящую куда-то вниз. Он стал пробираться дальше, освещая себе дорогу. Нора шла извилинами и вскоре расширилась до размеров просторной пещеры, в которой можно было бы поставить рядом с полдюжины автомобилей. Другие пещеры ответвлялись от нее и все они также вели книзу. Казалось, путешествие это длилось часами. Стены лабиринта блестели от какой-то влаги. Туман начал наполнять галерею и сделался еще гуще, когда она раздвинулась, образовав огромный грот.

В этом гроте было какое-то подобие атмосферы, достаточно сгущенной, чтобы поддерживать клубы тяжелого пара, плившего под его сводами. Грот дальше суживался и

затем возобновился еще более крутой спуск. На блестящих, как бы покрытых бесцветной испариной стенах начали образовываться капли, сбегавшие низ на мокрое и скользкое дно коридора. Атмосфера становилась заметно более сгущенной и влажной. Под ногами вскоре образовался ручеек, который быстро увеличивался и при дальнейшем спуске превратился в быстрый, покрытый пеной поток. Питаемый множеством притоков из других пещер, отверстия которых выходили в эту галерею, поток достиг такой бешеной силы, что чуть не сбивал «курьера» с ног.

Галерея снова расширилась и волнам стало больше простора. Какие-то шарообразные бугорки, одаренные слабой способностью светиться, начали чаще и чаще попадаться на блестящих стенах. Они были всевозможных размеров. Когда «курьер» выключал свой свет, стены и воды мчащегося потока были видны при их сиянии.

«Курьер» уже успел спуститься на много миль внутрь Луны. Теперь он шел вдоль потока, бурно катившего свои волны по каменистому руслу. Развернулся необъятный грот. Тысячи пещер выходили сюда своими отверстиями. Стены и свод были усеяны светящимися отростками, имевшими форму грибов; при их свете можно было различить каждую трещину почвы или боков грота.

Вдруг какой-то светящийся предмет мелькнул над головой «курьера» и описал в воздухе несколько кругов. К нему присоединились несколько других таких же и, покругившись, исчезли.

До сих пор это были первые признаки одушевленной жизни на Луне. По-видимому, огромный грот был самым верхним местом, на котором могла существовать жизнь, присущая внутренности Луны. Можно было видеть и другие формы, червеобразные, тоже светящиеся, которые ползали по стенам среди грибообразных наростов. Черное существо вышиной со слона, но вдвое длиннее, показалось у входа в одну из пещер, повернулось и скрылось, неуклюже переваливаясь с боку на бок. У него было много ног, как у сороконожки. Из боковой пещеры выбежали еще какие-то странные существа и промчались в нескольких футах от

«курьера». Шествие их замыкалось тем неуклюжим многоногим животным, только теперь на его спине восседало какое-то чрезвычайно странное создание. Все они скрылись в одной из пещер.

«Курьер» последовал за ними. Пещера привела в другой, еще более обширный грот со скалистыми стенами и терявшимися в клубах тумана сводами. Множество темных отверстий можно было видеть высоко в стенах грота. Существа, устремившиеся сюда, очевидно, спаслись через эти бесчисленные лазейки.

«Курьер» настойчиво продвигался вперед вдоль стены грота. Вдруг что-то грохнулось в нескольких шагах впереди и разбилось на сотни кусков. Это был кусок скалы. Вслед за этой глыбой последовала вторая, третья. Посмотрев вверх, «курьер» увидел в вышине уступ скалы, на котором копошились существа, спихивавшие новый камень. Он уже летел прямо в голову «курьера». Он хотел отскочить в сторону, камень был всего в нескольких футах... Вдруг водворился мрак, экран почернел.

Я слышал, как Эмиль перебирал клавиши. Но на экране не появлялось ни малейшего проблеска света.

— Друг! — воскликнул Эмиль. — Каменная глыба, которую спихнули эти существа, пробила голову моему курьеру!

Я протянул руку и включил свет. Эмиль сидел ошеломленный. Я положил руку ему на плечо.

— Мужайся, Эмиль, — пробормотал я, — ты построишь другого.

— Оставь меня одного, — прошептал он умоляюще.

Уходя, я слышал, как он бранил себя за то, что не поместил контролирующий аппарат в менее уязвимом месте.

Джузеппе Цукка

**ИСТОРИЯ СТЕКЛЯННОГО
СТАРИЧКА**

и с т о р и я Степана Гаричка

Когда прибыли в Макомар, шел снег. Небольшой. Изморозь, как крупная, тяжелая, хрустальная пыль; и налетала она порывами, как-то искоса. Дубы, оголенные декабрьским ветром, были чуть напудрены этой хрустальной пылью и сверкали.. Небо нависло над землей; свинцовое, все в один тон.

Наш мизерный поезд остановился, содрогаясь, с грохотом железа. Из него медленно вылезали темные фигуры женщин с младенцами на шее и изможденные мужчины в белых штанах и круглых шапках, нагруженные раздутыми котомками и горбатыми мешками. Вылез тоже и я.

При выходе из вокзала, два рослых карабинера в своих характерных сардинских плащах с капюшонами жестом остановили меня и потребовали документы. Заметил им, что таковые совершенно случайно оказались у меня в кармане, но что я недоумеваю, почему такие строгости контроля в таком городке, как Макомар, отнюдь не похожем на крепость, да еще в этакое идиллически мирное время? Они кратко ответили, возвращая мне документы, что это распоряжение властей. А я, ворча на нарушение свободы, — старая воркотня всех итальянцев, конечно, не менее распространенная и живучая, чем и наше терпение, которое неминуемо следует за такой воркотней, — направился влево, к гостинице, шлепая по полурастаявшему снегу.

Вошел. Нежданный друг, термосифон, утешил меня своим приветствием в громадной столовой. В ней было почти пусто. В углу, за маленьким столиком, сидел, задумавшись, какой-то старичок, а против него в другом углу несколько поселян, — семья, — лакомились хлебом с орехами и говорили тихо, точно в церкви. За большим центральным столом — никого. Но по приборам с отмеченными разнооб-

разными знаками салфетками видно было, что все эти места заняты и ждут своих обычных посетителей, — служащих, инженеров, преподавателей. Свободным оставалось только одно место — против задумавшегося старичка.

Я взялся за стул с поклоном; старичок ответил очень вежливо, притронувшись закутанной в толстую, серую шерстяную перчатку рукой к полям своего старомодного цилиндра, нахлобученного на уши.

Газеты... Местные газеты острова и газеты материка. Старичок против меня продолжал молчать, закупорившись в свои мысли. В столовой было тепло, и эта теплота так очаровательно содействовала тишине и молчанию, рождала грустные, убаюкивающие призраки Рождества на родине, в семье...

— Простите, — неожиданно сказал мне старичок таким же суховатым голосом, как сухи были и его губы, — простите, синьор: не видели ли вы там, на улице, карабинеров?'

— Ну еще бы, черт возьми! Ведь они даже задержали меня при выходе из вокзала...

— Ах, так... — старичок снова погрузился в свои размышления, но через мгновение прибавил: — Очень вам благодарен... — и опять приложился к цилиндру серой мохнатой перчаткой.

Снова молчание. Маятник монументальных часов посреди буфета торжественно шествовал взад и вперед, как жандармский патруль. Наносимый порывами снег сплющивался об окна и быстро таял. Из полузакрытой двери в кухню прокрадывалась новая вздымающаяся снизу воздушная струя и была она полна обещаний.

— Вы ничего не будете иметь против, если я взгляну на одну из ваших газет? — снова начал старичок немного спустя и не без робости протянул свою мохнатую перчатку.

— Пожалуйста, — я пихнул к нему через приборы растрепанную кипу газет, — к услугам вашим...

— Сегодняшние?...

— Да, последние...

— Благодарю вас, мне только взглянуть...

И серая перчатка стала очень ловко и проворно раскла-

дывать и снова складывать газеты одну за другой. Другая перчатка, вернее, другая рука, левая, была засунута в карман темного с крупными желтоватыми клетками пальто, слишком обширного для тщедушной фигурки старика. Но была ли у него вторая рука?

Так все газеты подверглись его молниеносному осмотру, а потом общей кучей, — признаться, гораздо более аккуратной, чем раньше, — были мне возвращены с многочисленными выражениями благодарности.

И опять наступило молчание. Вслед за каждым из своих отрывистых слов и движений старичок, казалось, с молниеносной быстротой уносился в сказочное одиночество и поднимал между собой и мной подъемные мосты над глубокими рвами, со скоростью метеора взлетал в заоблачные высоты. Даю вам слово, он производил на меня весьма ори-

гинальное впечатление, вернее, — целый цикл разнообразных и подчас противоречащих впечатлений. Например, мне казалось, что при каждом движении он умирает, что я больше не чувствую его присутствия и что там, за прибором, против меня сидит какое-то странное существо, индивидуум особого рода, нечто вроде сорвавшейся с нитки марионетки или даже только комочек чего-то хрупкого и жалкого, невесомого и ненужного, но это что-то таинственное живет своей особой, непонятной мне жизнью.

— Вы ждете поезд на Бозу? — спросил меня старичок, неожиданно возвращаясь из своих междупланетных странствий.

— Да.

— И вы именно в Бозу едете?

— Да.

— Значит, в два часа десять минут...

— Да, да.

Пауза.

— Вы прибыли из Сассари?

— Да.

— Но вы как будто не сардинец?

— Из Ориундо.

— А как ваша фамилия, простите?..

— Пукка.

— Фамилия — сардинская. В Ористано много Пукка...

Но вы живете в Сассари?

— В Риме.

— А... Видно, служите в министерстве?

— Нет, я писатель.

— А... Писатель... По какой специальности?... Простите, я не...

— Что за извинения... Не вы виноваты, а мои писания...

Серая перчатка сделала жест протеста, как бы говоря, что старичок настаивает на чудовищности своей вины.

— Но я заслуживаю некоторого снисхождения, — вздохнул старичок, — вот уже пятнадцать, даже без малого шестнадцать лет, что я... Сплетение обстоятельств, неприятностей, затруднений...

И он опять ушел в себя, устремив свои светлые-светлые, почти белые глазки на пестрый цветок тарелки. Потом как-то многозначительно взглянул на меня, улыбнулся сухой, натянутой, перекосившей его рот улыбкой и вдруг конфиденциально заявил, покачивая головой, как автомат:

— Если я вам скажу сейчас, откуда я, вы, конечно, рассмеетесь...

— А почему, интересно знать?

— Ну-ка, угадайте, постарайтесь угадать, откуда я сейчас... — и старичок иронически хихикнул сморщенным, как старый лимон, личиком.

Но тут часы пробили торжественных одиннадцать ударов. И когда прозвучал последний из них, тишина еще казалась насыщенной эхом этого металлического звона. Старичок выждал и, наконец, выпустил слова, которые должны были так меня рассмешить.

— Я — из дома умалишенных...

В это мгновение в столовую вошел, стуча сапожищами с подковами, громадный мужчина в не менее громадном плаще. С развязностью завсегдатая он скинул этот плащ, стряхнул с него снег, развесил его на двух стульях против термосифона, сложил в угол громадный груз, который скрывался под этим плащом, закурил окурочек сигары и, чуть не опрокинув стул, шумно уселся на конец большого центрального стола, как раз рядом с моим старичком, не больше, как в трех шагах от него.

Быстро откинувшись к стене, старичок искоса поглядывал на гиганта, видимо, сильно растревоженный его бурными движениями и всем тем шумом, который столь неожиданно ворвался в нашу симпатичную, располагающую к признаниям атмосферу.

Но, на его счастье, гиганта-разбойника почти тотчас же вызвали. Старичок долго еще, нахмурившись, смотрел на дверь, в которой он исчез, и ворчал себе под нос с многозначительной гримасой отвращения: «Вот народ! Боже мой!.. Что за люди!.. Что за люди!..» — и опять он умчался в свои незарегистрированные на земном шаре страны. Я мысленно сопоставлял это бескровное личико, видневшееся мне точ-

но сквозь тонкую паутину морщин и нет-нет да и подергиваемое тиком, личико безжизненное, тусклое, как восковая маска за витриной, затуманенная неосязаемой пылью, и всю его недвижимую, невозмутимую фигурку, до щепетильности аккуратную и не лишенную известного, — правда, комически выраженного, — достоинства, и его любезную изысканную манеру говорить, — сопоставлял с теми поразившими меня словами, которые он только что произнес и которые, по его мнению, должны были вызвать взрыв моей веселости.

Но тут опять, вернувшись сюда, за стол, старичок прибавил:

— Чтобы рассмешить вас еще больше, скажу... (думаю, что излишне уверять тех, кто прочтет эти строки, что я и не думал смеяться)... скажу, что я в сумасшедшем доме пробыл почти шестнадцать лет и, конечно, оставался бы там невесть как долго, если бы не этот изверг-санитар...

Тут его белая, точно заштукатуренная маска стала страшной, исказилась от гнева до неузнаваемости.

— Скажу вам, что этот дьявол под обликом людским забрал себе в голову, будто это неправда. Неправда то, что было признано не только директором нашего заведения (достойнейшая личность и в высшей степени интеллигентная), но и всеми врачами, профессорами с громадным авторитетом. А он, этакое животное, изверг, не хотел допустить, что я стеклянный!

Старичок замолчал, задохнувшись от злобы, потом, видимо озабоченный, осторожно передвинулся поближе к термосифону и вполголоса пробурчал:

— Проклятая погода! Эти неожиданные температуры могут быть для меня фатальными... Стеклу недолго лопнуть... а если появится хоть незначительная трещинка... — и он поднял воротник, глядя в окно.

Потом, наконец успокоившись, спросил своим бесцветным голоском:

— Вы бывали в доме умалишенных в Казерте?

— Нет, признаться, не бывал... — пробормотал я с интонацией человека, честно признающегося в крупном недочете своей культурности.

— А... Ну, так я доложу вам, что это заведение образцовое, первостепенное, вот уж впрямь первостепенное во всех отношениях. Местоположение великолепное, превосходное общество. Превосходный стол. Превосходный уход. Чудный сад. Прекраснейшие санитары. Услужливый и внимательный персонал. И к тому же, как я вам уже говорил, директор... выше всяких похвал! Вы не знакомы с директором дома умалишенных в Казерте?

— Нет, признаться, не знаком, — ответил я с возрастающим смущением. Я и впрямь начинал стыдиться своего громадного невежества.

— Уверен, что в тот день, когда вам придется к нему обратиться, вы признаете, что я ничуть не преувеличиваю, говоря, что это жемчужина... поистине жемчужина. Джентльмен и к тому же выдающийся ученый. Для меня он был не только директором, но и моим другом, даже больше того, — братом. Смеем вас уверить, что пятнадцать лет, проведенных мной в Казерте, были сущим раем.

— Так почему же... — робко рискнул я, — почему же... вас оттуда выписали?

— Меня выписали? — вспыхнул старичок, фиксируя меня с досадливым изумлением. — Меня выписали? Меня?.. Милейший синьор, смеем вам заметить, что меня ниоткуда выписать не могут. Знайте раз навсегда, что я там был самым уважаемым и желанным из всех пансионеров... Хотя мне и пришлось оттуда уйти, но все-таки я сделал это по своей доброй воле. Замечу вам, что мне даже пришлось уйти оттуда тайком... Ах, если бы я мог предположить тогда!.. Скажите на милость!.. Вообразить себе, что директор мог меня выписать... Да ведь для того, чтобы уйти, мне даже пришлось убить санитару...

— Как... простите... — я привскочил на стуле.

— Ну да, конечно, мне пришлось его убить, — продолжал старичок. — И это было мне не очень-то приятно... Я, по своему характеру, по своему темпераменту, по своим вкусам и привычкам совсем на это не способен. Я, как говорится, мухи не обижу. Но в данном случае, — верьте мне, — иного исхода не было. Ведь этот разбойник, конечно, сам рас-

правился бы со мной в ближайшие дни, это верно, как дважды два четыре. Должен вам заметить, что он сразу вздумал обращаться со мной, как со всеми другими пансионерами, как с теми, у кого есть тело и кости. Негодяй и невежда! Да еще хохотал! И как хохотал каждый раз, как я вздрогну от страха, что... Вот чудовище!

И он замолчал, содрогаясь от ужаса своих воспоминаний.

— Понятно после этого, что мне пришлось его убить. Мне, который с ужасом пугается от всякого насилия. Ведь вам, конечно, понятно, как мне опасно дать волю резкому порыву, мне гораздо опаснее, невыразимо опаснее, чем моему противнику. Одного удара достаточно, чтобы разбить меня вдребезги. И я с этим считался, я никогда не позволял себе ни единого резкого движения... Мне ли не знать! Ведь я не чужд медицины, — я дипломированный аптекарь и в свое время посещал тоже медицинские курсы. А потому, отбросив всякую скромность, могу сказать, что я хорошо усваиваю себе, как и где можно прикасаться... С другой стороны, не зная я медицины, я, вероятно, даже не заметил бы, когда со мной начался этот процесс остекления... А что бы из этого вышло?... Какая опасность грозила бы мне? От одной мысли леденеешь от ужаса. Да, невежество — всех зол причина. Желаете узнать, почему мне пришлось поместиться в дом умалишенных в Казерте и провести там пятнадцать лет? Заметьте, что я на это не жалею, наоборот... На это заведение не нахвалишься, и его можно рекомендовать во всех отношениях. Скажу больше, при моих исключительных условиях, — обстановка жизни обыкновенных людей, тех, у кого и мясо и кости, — небьющихся, — была бы для меня невозможной. А такое мирное, спокойное, далекое от толпы убежище явилось идеальным разрешением задачи для меня. Мне было только два исхода — или в монастырь, или в дом умалишенных, а к монастырскому уставу я призвания не имел. Эти пятнадцать лет в Казерте промелькнули для меня, как пятнадцать дней; там было так тихо, мирно, безопасно, — понимаете, абсолютно безопасно для меня. Но судьбе не угодно было дать мне возможность жить там

дольше... И именно только теперь я вполне оцениваю те блага, которыми я там пользовался. Ведь с тех пор, как я покинул Казерту, я живу в непрестанной тревоге и непрестанной опасности. Возьмите, например, такое животное... этот разбойник, что только что вошел сюда... доведись ему наступить на ногу своими лапами, и конец... вдребезги разобьет, только пыль останется. А как будешь жить без ноги? Надо помнить, что к стеклу неприменимы обычные приемы хирургии, тут не отрежешь и не пришьешь.... А клей, если бы даже удалось склеить... клеем надолго не удержишь... Мне ль не знать! — в дрожащем голосе звучала горечь. — В Казерте у меня была моя милая комнатка в отдельном павильоне. Тихо, как в пустыне. Ни мебели, ни углов, не на что наткнуться; славный, пышный, мягкий матрац без кровати; рядом — большое удобное кресло; мягкая стеганая дверь, мягкая стеганая стена под окном: все предусмотрено и все опасное устранено; ходи сколько хочешь, медленно и ровно, без этих вынужденных поворотов, вот в таких толстых, мягких, как эти перчатки, туфлях, а в них не разобьешься! Благодетель, ангел был наш директор,... а мой первый санитар? Тот, что был еще два месяца тому назад... умер, бедняга... И тогда свалился мне на голову этот изверг. Мало того, что он сам меня мучил, он в несколько дней восстановил против меня весь персонал, наускивал их, чтобы они меня ощупывали и толкали, а они представлялись, что вот-вот пихнут меня на что-нибудь твердое и тяжелое... И этот каторжник заливается, бывало... Хохоchet, хохоchet, хохоchet... Сговорившись, они все вместе ходили на меня жаловаться директору, а он, добряк, хоть и знал меня как свои пять пальцев, и был ко мне очень расположен, но когда вам изо дня в день твердят одно и то же... сами понимаете? Злая молва — что уголь, если ее не раздувать, она затухнет. И вот, в один прекрасный день, является ко мне этот санитар, сияющий от радости, — добился своего, получил разрешение надеть на меня буйную рубаху и заявил, что завтра же это сделает. Мне... мне, силой надевать буйную рубаху!.. Ведь если грубо схватить меня за руку, если даже сильно пожать ее, она обломится. Понятно, что останься я

еще один лишний день после этого, это было бы последним днем моей жизни. Ну и вот, хотя я по натуре незлобивый малый и прямой, без задней мысли, но когда меня доведут до чертиков, я тоже могу взяться за ум и хоть кого перехитрю, никто меня за нос не проведет... — так я в ту же ночь его прикончил и еще задолго до рассвета был уже далеко от дома.

Пауза. Нахмуренные брови. Воспоминания? Грустные думы? Тревога за будущее?

— Но во что превратилась моя жизнь с этого момента! Подумайте только, что значит для меня влезать в поезд, пароход, путешествовать, толкаться в толпе.. Чудом каким-то цел!.. Ах да, ведь я вам так и не рассказал, почему я попал в дом умалишенных в Казерте и прожил там целых пятнадцать лет; имейте в виду, что это дом для уголовных... А все невежество людское виновато, все невежество!.. Служил я тогда в Неаполе, аптекарем... Я уже вам говорил, что я дипломированный аптекарь и дело свое знаю мастерски. Вот почему сейчас я еду в Бозу, там у меня есть родственник-аптекарь, он очень ко мне расположен и, конечно, меня устроит...

В это мгновение появился суп; пар валил от него клубами, а вместе с супом в столовую вернулся и тот шумный гигант и, усевшись на свое место за большим столом в трех шагах от нас, с жадностью набросился на еду и на питье. Старичок не без тревоги следил за ним. Для себя он устроил целую систему охлаждения супа, переливая его с одной тарелки на другую по три ложки, пока не доводил их до желанной ему температуры, и ел его он очень медленно и осторожно, в то же время остерегаясь, как бы не надавить грудью на край тарелки или рукой на край стола. При этом он бормотал себе под нос: «Не торопиться... не торопиться... не в меру горячее может быть для меня фатальным...»

— Итак... — снова обратился он ко мне теперь уже тоном ниже, и на лице его, затуманенном паром, по омертвевшей коже так забавно набухали капельки и змейками сползали вниз, точно с запотевшего окна, когда на дворе холодно. — Я начал вам рассказывать, что я был старшим аптекарем,

там, наверху, на Вомеро. Работал много и со страстью. Хозяин отдавал мне должное... конечно, понимал, что все на мне держится... Не худой был человек, но вульгарный, вульгарный. И по-своему он меня, вероятно, любил. Вот там-то, затрудняясь вам сказать, как и по какой причине и какие были к тому поводы, я стал замечать, что становлюсь стеклянным (как знать, быть может, само мое занятие, эта вечная возня с воронками, колбочками, мензурками... и ведь мой отец тоже был аптекарем и дед тоже... атавизм... три поколения в интимности со стеклом...). А у меня еще с детства было к тому большое предрасположение; рос слабым, хрупким, болезненным; раз десять был смертельно болен и меня едва-едва спасли. Дома только и твердили, что я хрупок, как стекло, что я прозрачен, как стекло, и разглядывали на свет мои прозрачные уши и ноздри и уверяли, что мне надо жить под хрустальным колпаком. А ведь когда с юношеских лет работаешь среди стеклянных предметов, понятно, что эта вынужденная необходимость осторожно обращаться с ними непременно отражается на самой вашей натуре и сделает вас таким же хрупким, как это стекло... На чем, бишь, я остановился?... Да... Когда я вполне убедился, что процесс остекления моего тела прогрессирует (началось с конечностей, с пальцев ног и рук), я заявил об этом хозяину, и, вообразите себе, этот орангутанг стал насмехаться над моей болезнью и приставать ко мне. С этой минуты я покоя больше не знал. А все невежество! Невеждами оказались тоже и те врачи, которые первыми меня осматривали. Всем казалось невозможным и невероятным, чтобы ткани в живом организме могли превратиться в стекло. Точно будто в организме нет принципов кристаллизации? Точно будто не подтверждается нечто аналогичное при артериосклерозе, когда кровеносные сосуды теряют свою эластичность, становятся сухими и окостенелыми и могут ежеминутно переломиться. Вот невежество! Абсолютное неумение видеть на миллиметр далее кончика своего носа. Словом, dokonчу вкратце: однажды хозяин явился в аптеку с парочкой приятелей, пьяный (да, у него был этот мерзкий порок), и все они стали приставать ко мне и твердить,

что если я стеклянный, значит, у меня и кишки должны быть прозрачными, и они хотят на них посмотреть. Вы можете себе представить, что я испытывал, когда этот грубиян на меня лез, а рядом с ним его приятели, и все хваталось за животы от хохота... Я кинулся в заднюю комнату, загородился стойкой, умолял их оставить меня в покое, кричал, что эта шутка меня убьет... Как впустую! Хозяин уже потянулся, чтобы облапить меня, а у меня под рукой па стойке стоял стакан серной кислоты, я схватил его и — плюх! — все ему в рожу. Говорили потом, что бедняга ослеп и лишь несколько дней протянул в страшных мучениях. Умер... Мой адвокат на суде напирал на мою полную невменяемость к психическое расстройство... вообразите себе? Это вместо того, чтобы дать законное объяснение моему поступку. Вот меня и заключили в Казерту, где процесс остекления очень скоро закончился, и теперь уже пятнадцать лет, что я весь стеклянный.

Пауза. Громадные часы воспользовались ею, чтобы шумно пробить двенадцать ударов. В столовую веселой гурьбой нагрянули замерзшие завсегдатаи и рассаживались по местам, шумно двигая стульями. В несколько мгновений комната была переполнена. Шум, гул голосов. Мой старичок поглядывал то туда, то сюда своими белесыми глазками, и в них мелькали тени непрерывного страха.

— Так как нам суждено далее ехать вместе, вы, вероятно, не откажетесь помочь мне в пути? — он выговорил это как заключение какого-то умственного процесса.

— Ах, черт возьми! — вырвалось у меня, и я не без симпатии подумал о той парочке карабинеров, которые задержали меня при выгоде из вокзала.

— Ведь дело в том... что карабинеры меня разыскивают... — продолжал стеклянный старичок теперь уже шепотом. — Об этом на днях даже было в газетах... А кроме того, поезд, сами понимаете, что это для меня... дверцы вагонов... страшная опасность! Вот взгляните, вчера утром, когда я закрывал дверцу...

И он осторожно вытащил из кармана свою таинственную отсутствующую руку и наполовину сдернул с нее перчат-

ку. Я увидел крошечную исхудавшую кисть восковой белизны, трагическую кисть трупа, обратившегося в мумию, и мизинец на ней был отрезан до первого сустава, причем он очень напоминал стеклянную трубочку, в которой у нас принято продавать таблетки хинина

— На счастье, у меня была коробка хинина, — заметил старичок, старательно натягивая снова толстую шерстяную перчатку, — я взял одну из трубочек, и она точно по мерке пришлась на мой мизинец... иначе прощайся с кровью... а при моей анемии...

Но в это мгновение бурно распахнулась входная дверь и появились карабинеры в своих мантиях на красной подкладке и с ружьями в руках.

Старичок вскочил и прижался спиной к стене. Его белесые глазки сверкали на бледном лице, а из перчатки сверкнуло дуло вытянутого револьвера.

— Не прикасайтесь ко мне! — взвизгнул он своим обезумевшим от ужаса голосом. — Не прикасайтесь! Ни с места или я стреляю... Стреляю, стреляю, стреляю...

Он не dokonчил этой третьей угрозы. Среди общей суматохи видно было, как вскочил гигант, как высоко в воздухе взлетел стул и с быстротой болида рухнул на тщедушную фигурку старичка. Раздался выстрел и вслед за ним серебристый звон, звон разбивающегося хрусталя.

Но блюстители порядка остались на своих местах невредимы. И все остальные в столовой тоже были целы и невредимы.

А старичок?

Виделось лишь его громадное пальто с желтоватыми клетками. Оно рухнуло на землю, как воздушный шар после катастрофы.

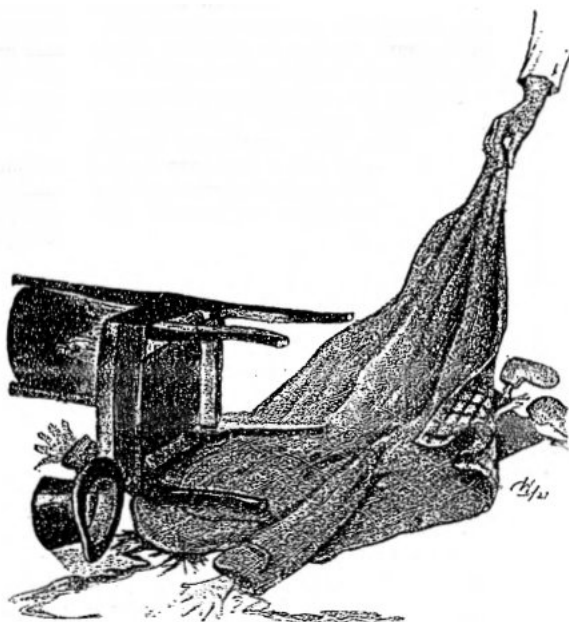
А старичок?

Тут я заметил, что из-под пальто вытекает какая-то темная жидкость. Дернул за него и раздался звон, точно в мешке со стеклом. Приподнял одну из его пол и увидел груды осколков, многие обмотанные шерстью; что-то жидкое, темное, коричневое безмолвно вытекало из них.

Как это ни странно, стеклянный старичок оказался и

впрямь стеклянным.

И поневоле (как вам правится это выражение «поневоле», но раз оно существует?...) поневоле приходилось сознаваться, что если в этой столовой и был кто-либо сумасшедший, то это был отнюдь не старичок.

Ф. Энсти

**ПРИКЛЮЧЕНИЕ СО СТЕКЛЯННЫМ
ШАРОМ**

Раньше, чем начать рассказывать о событии, которое многим покажется настолько странным, что они сочтут его почти, если не совсем, невероятным, будет не лишним указать, что я адвокат, практикующий уже несколько лет, и что я не считаю себя и, насколько мне известно, никто никогда не считал меня, — лицом с чрезмерно развитой фантазией.

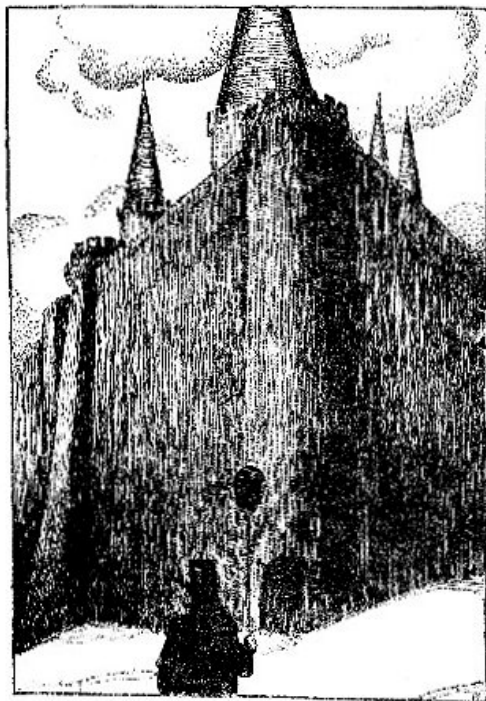
Это было на святках, в прошлом году. Я шел домой из своей конторы в Новом сквере, в Линкольн-Инне, и по дороге зашел в магазин игрушек, намереваясь купить подходящий святочный подарок одному своему маленькому крестнику.

Как это бывает только в это время года, лавка была полна покупателей, и мне пришлось ждать, пока освободится кто-либо из приказчиков. Пока я ждал, мое внимание привлекла одна игрушка на прилавке передо мной.

Это был стеклянный шар величиной с обыкновенный апельсин. Внутри шара было изображение чего-то похожего на фасад замка; перед ним стояла фигура, державшая за ниточку маленький грушевидный воздушный шарик, окрашенный полосами в красное и синее. Шар был наполнен водой, содержавшей белый порошок, который, когда воду приводили в движение, создавал впечатление метели в миниатюре.

Не могу объяснить своего поведения, свойственного разве только ребенку, иначе как тем, что мне нечего было делать в это время, и я занялся встряхиванием шара и созерцанием крохотных снежинок, плававших в жидкости. Я настолько увлекся, что совершенно забыл окружающее. Поэтому я не очень удивился, когда вскоре заметил, что хлопья снега падают на меня и тают на рукаве моего пальто. Передо мной были тяжелые ворота мрачного укрепленного здания, которое я сначала принял за Голловейскую тюрьму, хотя, как я мог так далеко забрести, было выше моего понимания.

Но, осмотревшись, я не увидел никаких признаков пригородных построек и убедился, что я как-то попал в местность, с которой я совершенно незнаком, очевидно, расположенную далеко за пределами метрополитена. Я решил,

что самое лучшее будет постучать в ворота и спросить у привратника, где я и как пройти к ближайшей железнодорожной станции; но прежде, чем я мог выполнить свое намерение, в одной из створок ворот отворилась калитка, и показался старик почтенной наружности. Он был похож на обыкновенного привратника, но был в особенной ливрее, которую я счел ливреей сенешаля, хотя я никогда не видал сенешаля; но таково было мое впечатление. Кто бы он ни был, он, казалось, несомненно, рад был видеть меня.

— Добро пожаловать, прекрасный сэра, — сказал он высоким надтреснутым голосом, — истинно знал я, что моя несчастная госпожа не будет лишена защитника в своей тяжелой доле, хотя она почти оставила всякую надежду на ваш приход!

Я объяснил, что явился не по приглашению, но просто прохожий, который оказался в этих краях совершенно случайно.

— Это неважно, — ответил он, произнося слова на старинный лад, — раз вы все же пришли; ибо воистину, сэр, она тяжко нуждается в ком-либо, кто готов посвятить себя ее делу.

Я сказал, что я, как раз, по профессии юрист и что если, как я понял, его госпожа в каком-либо затруднении и желает моей помощи, то я вполне готов дать ей совет, какой только смогу, и выступить от нее, если ее дело таково, что это, по моему мнению, понадобится.

— Да, оно таково, — сказал он, — но прошу вас, не стойте долее, ведя переговоры, ибо сие, так как я вижу, что вы сейчас плохо защищены, — добавил он торопливо, — может быть сопряжено с ненужной опасностью. Войдите, не медля долее!

Я не думал, что рискую серьезно простудиться, но удивился, почему мне не пришло в голову раскрыть зонтик, пока не обнаружил, что моя правая рука уже занята тем, что держит веревочку, к которой привязан пестро раскрашенный воздушный шар, колебавшийся над моей головой.

Это была такая неподходящая вещь для адвоката, особенно для готовящегося предложить свои услуги в деле, по-видимому, серьезном, что я на мгновение смутился. Но я скоро вспомнил, что не так давно заходил в игрушечную лавку, и заключил, что купил, должно быть, этот шар в подарок своему крестнику.

Я хотел объяснить это старику, но он внезапно втащил меня через калитку, захлопнув дверь так резко, что перебил ею веревочку от воздушного шара. Я видел, как он взмыл вверх по другую сторону стены, пока снежный вихрь не скрыл его от моего взора.

— Не жалейте о потере его, — сказал сенешаль, — он исполнил свое назначение, доставив вас к сим воротам.

Если он полагал, что кто-нибудь действительно мог бы воспользоваться таким странным способом передвижения, то он, подумав, я, должно быть, выжил из ума; я начал опасаться, что, приняв его приглашение войти, я, может быть, поставил себя в неловкое положение.

Однако, я зашел слишком далеко, чтобы возвращаться, поэтому я позволил проводить себя к его госпоже. Он провел меня через обширный двор к боковому входу, а затем вверх по витой лестнице, по пустынным коридорам и через пустые прихожие, пока мы не пришли в большой зал, плохо освещенный сверху и увешанный тусклыми коврами. Здесь он оставил меня, сказав, что сообщит хозяйке о моем приходе.

Мне пришлось ждать недолго, пока она вошла через дверь под аркой напротив.

Я сожалею, что не могу, отчасти потому, что помещение было недостаточно освещено, описать ее хотя бы с приблизительной точностью. Она была совсем молода, немного старше 18 лет, как я склонен думать; она была одета роскошно, но необычайно, в какое-то блестящее платье, и ее длинные волосы были распущены и рассыпаны по плечам; это (хотя я обязан признать, что впечатление в данном случае не было неприятным) всегда, по крайней мере для меня, кажется во взрослой женщине неопрятным и заставило меня на мгновение усомниться, вполне ли она нормальна.

Но, хотя она очевидно была сильно взволнована, я не мог обнаружить ничего в ее поведении или словах, что бы указывало на настоящее умственное расстройство. Ее внешний вид, вдобавок, был несомненно привлекателен, и я в общем не помню, чтобы я когда-либо раньше чувствовал себя так заинтересованным с первого взгляда каким-либо клиентом женского пола.

— Скажите, — воскликнула она, — правда ли это? Ужели вы в самом деле пришли освободить меня?

— Дорогая леди, — сказал я, заметив, что всякое извинение за то, что, как я опасался, могло бы показаться весьма необычным вторжением, является излишним, — мне дали понять, что вы нуждаетесь в моих услугах, и если это правильно, то я могу только сказать, что я всецело в вашем распоряжении. Только постарайтесь успокоиться и расскажите мне так ясно и кратко, как только вы можете, существеннейшие факты вашего дела.

— Увы, сэр, — сказала она, ломая руки, которые были

замечательно красивы, — я самая несчастная принцесса во всем свете!

Я полагаю, что я так же свободен от снобизма, как и большинство людей, но признаюсь, что почувствовал некоторое удовлетворение от того, что был почтен доверием леди такого знатного происхождения.

— Я весьма огорчен тем, что слышу, ваше высочество, — сказал я, вспоминая, что именно так следует обращаться к принцессе, — но я боюсь, — добавил я, приготовляясь выслушать ее указания, — что я не смогу быть вам полезным, пока вы не заставите себя сообщить мне подробнее обстоятельства дела.

— Ужели, — сказала она, — вы не знаете, что я во власти злого дяди-тирана?

Я мог бы объяснить, что я слишком занятой человек, чтобы иметь время следить за очередными придворными скандалами, но воздержался.

— Я могу считать, следовательно, — сказал я, — что вы сирота и что родственник, о котором вы упомянули, ваш опекун?

Она дала понять жестом, что оба эти заключения правильны.

— Он запер меня пленницей в этом мрачном месте, — заявила она, — и лишил меня всех моих приближенных одного за другим, кроме престарелого, но верного слуги, которого вы видели.

Я, конечно, ответил, что это несомненное злоупотребление властью, и спросил, не может ли она указать причины такого поступка с его стороны.

— Он решил, что я должна выйти замуж за его сына, — объяснила она, — которого я ненавижу, чувствуя к нему невыразимое отвращение.

— Может быть, — осмелился я намекнуть, — есть кто-нибудь другой, кто...

— Нет никого, — сказала она, — ибо мне ни разу не было дозволено взглянуть на какого-либо другого жениха; и вот я здесь в заключении, доколе не соглашусь на сей ненавистный союз, но я скорее умру! Но вы спасете меня от

столь ужасной участи! Ибо для чего иного вы здесь?

— Я выказал бы полное неумение, ваше высочество, — уверил я ее, — если бы не нашел выхода из такого обычного затруднения. Пытаясь принудить вас к браку против вашей воли, ваш опекун, очевидно, доказал свою полную непригодность к исполнению своих обязанностей. Закон целиком на вашей стороне.

— Истинно, он непригоден, — согласилась она, — но что мне до того, кто еще на моей стороне, доколе вы остаетесь моим рыцарем. Только как вы думаете совершить мое спасение?

— Принимая во внимание все обстоятельства, — сказал я ей, — я считаю, что самое лучшее для нас подать жалобу о незаконном лишении свободы. Вас тогда вызовут в суд, и судья может дать распоряжение, какое сочтет нужным. По всей вероятности, он лишит вашего дядю занимаемого им положения и передаст вас в ведение опекунского совета.

Всегда очень трудно заставить дам понять даже самые простые подробности судебной процедуры, и моя принцесса не была исключением из этого правила. Она, казалось, совершенно не сознавала власти, которой обладает всякий суд для проведения своих постановлений.

— Вы забываете, сэр, — сказала она, — что мой дядя, который славится в этих местах как волшебник и маг, наверное, с насмешкой презрит подобный приказ.

— В таком случае, ваше высочество, — сказал я, — он будет подлежать суду. Кроме того, если его репутация в этих местах соответствует вашему описанию, у нас есть другой способ воздействия на него. Если мы только сможем доказать, что он пользовался каким-либо тайным средством, способом или хитростью с целью обмануть кого-либо из подданных его величества, то против него можно возбудить преследование на основании акта о бродягах 1824 года, как мошенника и лица без определенных занятий. Он может получить за это даже шесть месяцев!

— Ах, сэр, — воскликнула она, как мне показалось, нетерпеливо, — мы лишь тратим драгоценное время на праздные разговоры, подобные этим, из коих я едва понимаю не-

сколько слов! А между тем, близок час, когда я должна буду встретиться лицом к лицу с моим дядей, и ежели я откажусь повиноваться его воле, гнев его будет воистину жесток!

— Все, что вам нужно сделать, это направить его ко мне, — сказал я, — я думаю, что сумею при личном свидании убедить его принять более разумную точку зрения. Если вы ждете его скоро, то мне, может быть, лучше остаться до его прихода?

— К счастью для нас обоих, — возразила она, — он еще за много миль отсюда! Ужели вы не видите, что ежели моему спасению суждено свершиться, то должно сделать это до его возвращения, иначе я погибла? Возможно ли, что, прибыв издалека, вы можете проводить так время, не делая ничего?

Я подумал некоторое время раньше, чем ответить.

— После тщательных размышлений, — сказал я наконец, — я пришел к заключению, что, так как вы, очевидно, серьезно опасаетесь личного насилия со стороны вашего дяди, если он вас застанет здесь, я вполне вправе пренебречь обычными формальностями и удалить вас из-под его опеки немедленно. Во всяком случае, я возьму на себя такую ответственность, с каким бы риском это ни было сопряжено.

— Я прошу прощения за свою кажущуюся нетерпеливость, — сказала она с прелестным смирением. — Я должна была бы знать, что могу уверенно положиться на защиту столь храброго и бесстрашного рыцаря!

— Вы поймете, я уверен, ваше высочество, — сказал я, — что я не могу, как холостяк, предложить вам убежище под моим кровом. Я предполагаю (если вы, конечно, это одобрите) поручить вас заботам моей старой тетки в Кройдоне, пока не будет возможно устроить вас иначе. Я полагаю, вам не понадобится много времени на сборы для этого путешествия?

— К чему сборы? — воскликнула она. — Не будем более медлить, но бежим сейчас!

— Я рекомендовал бы вам взять, по крайней мере, саквояж, — сказал я, — вы успеете упаковать все, что вам нуж-

но, пока ваш слуга приведет нам извозчика. Я не знаю ничего, что мешало бы нам затем отправиться немедленно.

— Ничего? — воскликнула она. — Ужели вы столь мало страшитесь дракона, что можете говорить так легко об этом?

Я не мог удержаться от улыбки; было так странно видеть, что принцесса в таком возрасте еще сохранила веру в сказки.

— Я думаю, ваше высочество, — сказал я, — что в настоящее время дракон не является препятствием, которое мы должны серьезно принимать во внимание. Вам, очевидно, не сообщили, что это чудовище давно перестало существовать.

— И вы убили его! — воскликнула она, и глаза ее вспыхнули восхищением. — Я могла бы догадаться об этом. Он убит — и ныне даже дядя мой не властен более удерживать меня здесь! Много долгих месяцев я не смела выглянуть в окно, но теперь я могу снова созерцать дневной свет без страха!

Она отдернула при этих словах занавеси, обнаружив большое окно; в следующее мгновение она отпрянула с подавленным криком ужаса.

— Зачем вы обманули меня? — спросила она негодуя, тоном упрека. — Ведь он существует. Он еще там. Смотрите сами.

Я взглянул. Окно выходило во двор позади замка, где я еще не был, и теперь я увидел нечто до такой степени неожиданное, что едва мог поверить собственным глазам.

Над зубчатой наружной стеной я увидел возвышающуюся огромную бугристую голову, покачивающуюся на длинной гибкой шее из стороны в сторону с зловещей бдительностью. Хотя остальное тело зверя было скрыто стеной, я видел вполне достаточно, чтобы убедиться, что это не может быть не что иное, как дракон, и притом весьма внушительный. Мне казалось, я понял, почему слуга так торопился ввести меня внутрь замка, хотя и пожелал, чтобы он объяснил мне тогда все несколько подробнее.

Я стоял, глядя на дракона, но не сделал никакого замечания.

Сказать по правде, я в этот момент не чувствовал себя в состоянии сделать какое-либо замечание.

Принцесса заговорила первая.

— Вы, кажется, изумлены, сэр, — сказала она, — но вряд ли вы не ведали, что дядя мой поставил это свирепое чудовище сторожить сии стены, чтобы удержать меня, если бы я попыталась бежать отсюда.

— Я могу только сказать, ваше высочество, — ответил я, — что это первое упоминание об этом обстоятельстве, которое я слышу.

— Все же вы мудры и сильны, — сказала она, — вы наверняка придумаете способ, которым избавите меня от этой гнусной твари.

— Если вы разрешите мне задернуть занавеску, — сказал я, — то я попытаюсь придумать что-нибудь... Прав ли я, полагая, что это животное — собственность вашего дядюшки...

Она ответила, что это так.

— Тогда, мне кажется, я вижу выход, — сказал я, — вашего дядю можно вызвать в суд по обвинению в том, что он позволяет гулять на свободе такому опасному животному, так как оно, очевидно, не находится под достаточным надзором. И если обратиться к магистрату, ссылаясь на закон 1871 года, ему может быть приказано уничтожить это животное немедленно.

— Вы мало знаете моего дядю, — сказала она с оттенком презрения, — ежели думаете, что он согласится уничтожить единственного оставшегося у него дракона по приказу кого бы то ни было.

— Он будет подвергнут штрафу в 20 шиллингов в день, пока не исполнит этого, — ответил я. — Во всяком случае, я могу обещать вам, что, если только мне удастся выбраться отсюда, то вам не придется подвергаться этим неприятностям очень долго.

— Ужели? — воскликнула она. — Уверены ли вы вполне в успехе?

— Собственно говоря, да, — сказал я, — я обращусь, конечно, если я смогу безопасно попасть домой, завтра утром первым делом в суд; если мне только удастся убедить суд, что смысл закона достаточно широк, чтобы охватить не только собак, но и других опасных четвероногих, то дело будет уже почти сделано.

— Завтра, завтра! — повторила она нетерпеливо. — Ужели я должна еще раз повторять вам, что сейчас не время медлить? Истинно, сэр, ежели мне вообще быть спасенной, то только ваша рука может освободить меня от этого отвратительного червя!

Сознаюсь, что я подумал, что она обладает совершенно необычной точкой зрения на взаимоотношения адвоката и клиента.

— Если бы, — сказал я, — его можно было бы, хотя бы с приблизительной точностью, назвать червем, я не испы-

тывал бы ни малейшего колебания перед нападением на него.

— Итак, вы сделаете это? — сказала она, не поняв меня, как обычно. — Скажите, что вы сделаете это, ради меня!

Она была так привлекательна, когда обращалась ко мне с этим призывом, что у меня решительно не хватило духа огорчить ее прямым отказом.

— Нет ничего, — сказал я, — то есть ничего разумного, чего бы я не сделал с радостью ради вас. Но если вы только подумаете, то сейчас же увидите, что в цилиндре и пальто, и совершенно без всякого оружия, кроме зонтика, у меня нет и тени шанса на победу над драконом. Перевес был бы безнадежно на его стороне.

— Вы говорите правду, — ответила она к моему удовольствию, — я не могу желать, чтобы рыцарь мой вступил в столь неравный бой. Итак, не имейте сомнений в сем деле.

При этом она хлопнула в ладоши, чтобы вызвать слугу, который появился так быстро, что, мне кажется, он не мог быть очень далеко от замочной скважины.

— Этот благородный джентльмен, — объяснила она ему, — желает выйти и сразиться с драконом за нашими стенами, если только он будет достаточно вооружен для сей смертельной битвы.

Я хотел объяснить, что она придала моим замечаниям смысл, которого я не намеревался им сообщать, но старик был так многословен в своих благодарностях и благословениях, что я не мог вставить ни слова.

— Ты поведешь его в оружейную, — продолжала принцесса, — и посмотришь, чтобы он был одет в броню, достойную столь рыцарского поединка. Сэр, — добавила она, обращаясь ко мне, — в сей час у меня не хватает слов. Я не умею даже поблагодарить вас так, как хотела бы. Но я знаю, что вы сделаете все, что в ваших силах, ради меня. Если бы вы пали...

Она остановилась, очевидно, не будучи в силах закончить фразу, но это было излишне. Я знал, что случится, если я паду.

— Но вы не падете, — продолжала она, — что-то говорит мне, что вы возвратитесь ко мне победителем; и тогда, тогда, — если бы вы потребовали от меня любой награды, да (здесь она божественно покраснела) — будь это даже вот эта моя рука, вам не будет отказано в ней.

Никогда за всю свою практику я не был в более затруднительном положении.

Здравый смысл говорил мне, что совершенно недопустимо с ее стороны ожидать таких услуг от лица, которое призвано только подать ей юридический совет. Даже если бы я исполнил это с успехом, — что, чтоб не сказать более, было сомнительно, — моя практика вероятно пострадала бы, если бы мое участие в таком деле стало известно. Что касается специального вознаграждения, которое она так щедро предложила, то об этом, конечно, не могло быть и речи. В моем возрасте женитьба на легкомысленной 18-летней девушке, — вдобавок, еще принцессе, — была бы слишком рискованным предприятием.

И все же, потому ли, что я хотя и пожилой холостяк, от природы склонен, не подозревая этого, к романтизму и рыцарству, или по какой-нибудь другой причине, которую я не в состоянии объяснить, но как-то случилось, что я поцеловал маленькую руку, которую она протянула мне, и вышел, не говоря более ни слова, чтобы сразиться, как только сумею лучше, за нее с таким проклятым зверем, как дракон. Не могу сказать, чтобы меня это веселило, но как бы то ни было, я пошел.

Я последовал за слугой, который повел меня вниз, но не по той лестнице, по которой я поднялся сюда, а затем через огромную сводчатую кухню, населенную только черными тараканами, которых было бесчисленное множество. Только чтобы поддержать разговор, я сделал какое-то замечание об их многочисленности и живучести, и спросил, почему, по-видимому, не предприняли никаких шагов, чтобы избавиться от такого очевидного неудобства.

— Увы, благородный сэр, — ответил он, грустно покачивая своей старой седой головой, — очищать это помещение от сей чумы было обязанностью поваренка, а последний из

холопов уже давно исчез из наших покоев!

Я чувствовал желание спросить его, куда они все исчезли, но не спросил. Я подумал, что ответ может оказаться обескураживающим. Даже и без того, я бы дал многое за стакан виски с содой в этот момент, но он не предложил мне этого, а мне не хотелось просить из опасения быть неправильно понятым. Наконец, мы вошли в оружейную.

Только небольшое число вооружений висело на стенах, и все они были в плачевном состоянии: ржавые и полуразвалившиеся; слуга снял их одно за другим и сделал несколько неловких попыток затянуть и застегнуть их на мне. К несчастью, ни одно вооружение не подходило для работы, так сказать, ибо я утверждаю, что ни один человек не может сражаться с драконом в вооружении настолько тесном, что в нем даже нельзя двигаться хотя бы с намеком на удобство.

— Боюсь, что это все ни к чему, — сказал я слуге, неохотно натягивая на себя свое обычное платье, — вы сами видите, что здесь нет ничего, что подходило к моему росту.

— Но вы не можете вступить в бой с драконом в сей вашей одежде, — возразил он. — Это было бы чистым безумием!

Я был рад, что старик достаточно умен, чтобы понять это.

— Я вполне согласен с вами, — ответил я, — и верьте мне, мой добрый старый друг, мои мысли далеки от этого. Моя мысль такова, — я не прошу вас подвергать себя ненужному риску, — но если бы вы могли ухитриться отвлечь внимание дракона какой-либо диверсией с одной стороны замка, я мог бы тихонько выскользнуть через какие-нибудь двери с другой стороны.

— Ужели вы лишь жалкий трус, — воскликнул он, — что можете покинуть столь прекрасную леди на верную гибель?

— Незачем называть меня оскорбительными словами, ответил я, — я не намерен совершенно бросать госпожу. Вы будете добры передать ей, что я обязательно вернусь завтра же с оружием, которое покончит всю эту историю с драконом гораздо основательнее, чем все эти ваши устарелые

копья и секиры!

Ибо я уже решил, что это единственный открытый для меня путь.

У меня есть друг, который проводит большую часть года в охоте на крупного зверя. Он, к счастью, случайно был тогда в городе. Я знал, что он охотно одолжит мне скорострельное ружье и несколько разрывных пуль, и в качестве бывшего волонтера и стрелка, я чувствовал, что шансы тогда будут слегка в мою пользу, даже если я не смогу, как я надеялся, уговорить своего друга присоединиться к этой экспедиции.

Но сенешаль смотрел не так оптимистично на мои предположения.

— Вы забываете, сэр, — заметил он мрачно, — что, для того, чтобы возвратиться сюда, вам должно сперва покинуть защиту сих стен, ибо будучи невооружены, вы можете тотчас умереть.

— Для меня это не очевидно, — возразил я, — в конце концов, так как дракон не пытался помешать мне войти, по крайней мере возможно, что он ничего не будет иметь против моего ухода.

— Насколько я знаю, — ответил он, — он, быть может, не имеет приказа препятствовать кому-либо входить. О сем мне ничего не ведомо. Но вот что я знаю верно, — он не допускает никого уйти, не пожрав его.

— Но не могу ли я попробовать уйти от него раньше даже чем он узнает, что я вышел? — попробовал я сказать.

— Боюсь, сэр, — сказал он уныло, — что тварь сия не преминет последовать по следам вашим ранее, нежели снег успеет замести их.

— Об этом я не подумал, — сказал я, — теперь, когда вы упомянули об этом, это не кажется мне совсем невероятным. По вашему мнению, значит, мне лучше оставаться, где я нахожусь?

— Только доколе не возвратится волшебник, — был его ответ, — как он может, ежели я не ошибаюсь, сделать в любое мгновение, после чего пребывание ваше здесь будет поистине кратковременным.

— Неужели вы хотите сказать, — спросил я, — что он будет настолько бесчеловечен, что выгонит меня на съедение к этому поганому дракону? Ибо к этому, в сущности, все это сведется.

— Разве только силой или хитростью вы победите сие чудовище, — сказал он, — и мне кажется, вы пришли сюда именно с таким намерением.

— Дорогой мой, — ответил я, — я не имею представления, зачем и как я сюда попал, но, во всяком случае, я не хотел и не ожидал встретить дракона. Однако, я начинаю понимать, что если я не найду способа прикончить эту тварь, — и вдобавок поскорее, — то она прикончит меня. Вопрос в том, каким манером приняться за это?

И тут, внезапно, на меня нашло вдохновение. Я вспомнил тараканов и что-то сказанное сенешалем относительно того, что истребление их лежало на обязанности поваренка. Я спросил его, какой способ применялся для этой цели, но, так как такие ничтожные подробности были вне его ведения, он не мог ответить мне. Тогда я вернулся в кухню, где начал тщательные поиски, не без надежды на успех.

Некоторое время я искал напрасно, но наконец, когда я уже начал отчаиваться, я нашел на пыльной полке в кладовой то самое, что я искал. Это был глиняный сосуд, содержащий пасту, которую, несмотря на плесень на ее поверхности, я тотчас узнал; это был состав, который с ручательством может быть применен для истребления всякого рода вредных животных.

Я позвал сенешала и спросил его, не может ли он дать мне булку белого хлеба; он принес мне ее с растерянным видом. Я вырезал ломоть из середины и начал густо намазывать пасту на него, когда он схватил меня за руку.

— Стойте, — воскликнул он, — ужели вы опрометчиво ищите своей смерти ранее, чем вам суждено?

— Не волнуйтесь, — сказал я ему, — это я не для себя. А теперь не будете ли вы добры показать мне ход на крышу, откуда я мог бы добраться до дракона?

Дрожа с головы до ног, он указал мне лестницу в баш-

не, по которой, однако, не предложил проводить меня; лестница привела меня на нечто, казавшееся похожим на бастийон. Я осторожно подполз к парапету и заглянул через него; тут в первый раз я целиком увидел зверя, который лежал прямо подо мной. Я знаю, как наиболее правдивые склонны к преувеличению в таких случаях; но даже приняв во внимание свое возбужденное состояние в тот момент, я думаю, что не ошибусь в определении размеров зверя, сказав, что он был немногим меньше, или даже несколько не меньше, чем «*Diplodocus Carnegii*», модель которого находится в Естественноисторическом музее, в то время как вид его был неизмеримо ужаснее.

Я не стыжусь сознаться, что вид его заставил меня настолько потерять самообладание, что на мгновение я испытывал почти непреодолимое желание вернуться тем же путем, каким я пришел, раньше, чем животное заметит меня. И все же, оно не было лишено своеобразной красоты; я склонен считать даже, что это был необычно красивый экземпляр этой породы; я был особенно поражен великолепной окраской его чешуи, которая превосходила окраску даже самых крупных питонов. Однако, для непривычного глаза есть, должно быть, нечто в драконе, что внушает больше страха, чем восхищения, и я не был в настроении любоваться видом дракона. Он лежал свернувшись, положив голову назад между крыльями, как птица, и, казалось, дремал. Я думаю, что нечаянно дал знать чем-либо о своем присутствии, так как внезапно я увидел, как роговые пленки поднялись, как шторы, на его глазах, лишенных век, и он уставился на меня с холодным любопытством.

Затем он грузно поднялся на ноги и медленно вытянул шею, пока его ужасная голова не поднялась вровень с зубцами бастийона. Нечего говорить, что при этом я быстро ретировался в место, где, я полагал, мне не грозила немедленная опасность. Но у меня было достаточно присутствия духа, чтобы помнить о цели, для которой я был там: укрепив приготовленный ломоть на железном наконечнике зонтика, я протянул его так далеко, как только хватала рука, по направлению к дракону.

Я полагаю, что его давно не кормили. Голова его молниеносно сверкнула над парашетом, жадно щелкнули челюсти, — и в следующий момент и хлеб и зонтик исчезли в его огромной красной пасти.

Затем голова исчезла. Я слышал отвратительный хрустящий звук, как будто медленно жевали остов зонтика. После этого наступила тишина.

Я снова подполз к парашету и заглянул вниз. Громадное животное облизывало свои покрытые пластинами челюсти, как будто, — что, впрочем, вполне вероятно, — зонтик оказался непривычным лакомством для его пресыщенного вкуса. Оно было теперь занято спокойным перевариванием этой закуски.

Но сердце мое замерло при виде этого. Ибо если зонтик из альпака с ручкой черного дерева мог быть так легко усвоен, то какие могли быть шансы за то, что средство от тараканов произведет какое-нибудь вредное действие? Я был дураком, что возлагал малейшую надежду на такое безнадёжное предприятие. Скоро он попросит еще, а у меня не было ничего для него.

Но мало-помалу, в то время, как я с отвращением следил за ним, как зачарованный, мне показалось, что я замечаю легкие признаки беспокойства в поведении гада.

Сначала это было почти ничто; легкое подергивание по временам и моргание, которого раньше я не замечал в его остановившихся глазах, но оно дало мне проблеск надежды. Затем я увидел, как большой гребень на его хребте медленно подымается. Зубцы, окаймлявшие его челюсти, стали дыбом, и он начал злобно клевать свой растянутый оливково-зеленый зоб, который он, очевидно, считал причиной беспокойства.

Как ни мало я знаю о драконах, но даже ребенок мог бы видеть, что этому не по себе. Только, что причиной этому — зонтик или средство от тараканов? Что касается этого, я мог только гадать, и моя судьба, — и судьба принцессы, — зависела от того, который диагноз правилен!

Однако, я недолго ждал. Внезапно животное издало нечто вроде не то мычания, не то рева — самый потрясающий

звук, кажется, который мне когда-либо приходилось слышать; затем я не совсем понял, что произошло.

Кажется, с ним был какой-то припадок. Он извивался и катался по земле, ударяя по воздуху своими огромными кожистыми крыльями, сплетаясь в такие узлы, которые я называл бы невозможными, — если бы не видел их сам, — даже для дракона.

Это продолжалось некоторое время; он развернул свое тело и, казалось, успокоился; как вдруг он выгнулся громадной дугой и совершенно ооченел с распростертыми крыльями почти на полминуты. Потом он внезапно свалился на бок, тяжело дыша, храпя и сотрясаясь, как какой-то чудовищный автомобиль, после чего он вытянулся во всю свою длину раз или два и затем остался лежать неподвижно. Его роскошные краски постепенно уступили место тусклому свинцово-серому цвету... Все было кончено — средство от тараканов все-таки подействовало.

Я не могу сказать, чтобы я испытывал восторг. Я не уверен даже, что не чувствовал некоторых угрызений совести. Правда, я убил дракона, но способом, который вряд ли показался бы св. Георгию достойным спортсмена, хотя обстоятельства не оставляли мне другого выбора.

Однако, я спас принцессу, что в конце концов более главное, и ей не было нужды знать ничего, кроме голого факта, что дракон мертв.

Я собирался спуститься и сообщить ей, что она свободна и может покинуть замок, как вдруг я услышал гудение в воздухе; оглянувшись, я увидел, что на меня сквозь падающий снег несется пожилой человек грозного вида, явно в состоянии крайнего раздражения. Это был дядя принцессы.

Я не знаю, как это случилось, но до этого мгновения я как-то не сознавал, на какие несоответствующие профессиональной этике поступки толкнула меня моя горячность. Но теперь я увидел, хотя и слишком поздно, что, действуя самовольно и дав яд животному, которое, как бы оно ни было свирепо, составляет чужую собственность, я совершил проступок, недостойный уважаемого адвоката. Это был, несомненно, проступок, подлежащий судебному рассмотрению, а

дядя принцессы даже мог бы считать это уголовным преступлением.

Итак, когда волшебник с лицом, искаженным от бешенства, спустился на крышу, я почувствовал, что ничто не может спасти положение, кроме полного извинения. Но чувствуя, что лучше будет, если первое замечание будет сделано им, я только приподнял цилиндр и ждал, что он скажет.

— Вам отпускают, сэръ? — были слова, которые я услышал, и слова эти, как и тон, были так отличны от того, что я ожидал, что я вздрогнул.

И тогда, к своему изумлению, я заметил, что зубчатые бастионы и волшебник исчезли. Я снова стоял в магазине игрушек, глядя в стеклянный шар, в котором снежинки еще медленно кружились.

— Вам нравятся эти шары в один шиллинг со снежной бурей, сэръ? — продолжал приказчик, по-видимому, обращаясь ко мне. — Они у нас идут сейчас в большом количестве. Очень подходящий подарок для ребенка, сэръ, и только по шиллингу штука в этом размере, хотя у нас имеются и более крупные.

Я купил шар, который я держал, — но я не подарил его крестнику. Я предпочел сохранить его для себя.

Конечно, мое приключение, может быть, только сон наяву.

Один друг, натуралист, которому я рассказал это происшествие, утверждает, что это обыкновенный случай самогипноза, вызванный продолжительным рассматриванием стеклянного шара.

Но я не знаю. Я не могу не думать, что за этим скрывается нечто большее.

Я все еще временами смотрю в шар, когда я бываю один по вечерам. Но, хотя я иногда снова оказывался в снежной метели, мне не удалось пока ни разу попасть в замок.

Быть может, это к лучшему; ибо, хотя я не отказался бы увидеть снова принцессу, но она, по всей вероятности, благодаря мне уже давно покинула это место, — а я не могу сказать, чтобы мне очень хотелось встретиться с волшебником.

Жермен Клюз

ЗАСТЫВШАЯ ТЕНЬ

Юров, приезжий комиссар, объявил заседание ревтрибунала закрытым. Красноармейцы-монголы увели оторопевшего подсудимого, подгоняя его ударами прикладов в спину. Население поселка, хранившее во время публичного разбирательства дела угрюмое молчание, так же молча стало расходиться; на лицах сартов-крестьян было написано недоумение, испуг и еще что-то, чего Юров определить не мог, но от чего его глаза наливались кровью и злобой.

— Кулачье! Азиатские морды! Я им покажу настоящую линию! — бормотал он про себя, направляясь к дому старосты.

Старый сарт, с хитрым лицом цвета обожженного кирпича, потчевал гостя холодным чаем, смешанным с водкой. Юров жадно выпил чашку терпкой жидкости, вытер рот рукой и сказал:

— Мы приговорили Бачая к смертной казни.

Староста уставился в земляной пол избы и ничего не ответил. Однако, в его беглом взоре Юрову почудился тот же самый неуловимый оттенок тайного страха, который он приметил уже на лицах крестьян во время заседания суда. С перекошенным от злобы лицом комиссар стукнул кулаком по столу и заорал:

— Твоего мнения не спрашивают! Советская власть не терпит, чтобы кулаки и вредители убивали сознательных граждан! Бачай будет расстрелян завтра.

Староста, не отозвавшийся на эту дикую вспышку ни единым движением, сказал, по-прежнему не подымая глаз:

— Бачай невиновен. В него никто не станет стрелять.

Юров посмотрел на старого сарта с презрительной жалостью:

— Со мной здесь два красноармейца. Двух пуль для бандита достаточно!

Староста упрямо повторил:

— Бачай невиновен.

Тогда Юров возразил уже более спокойно:

— Неужели ты, умный старик, веришь серьезно в эту сказку? Бачай рассказывал на суде, что он ходил по полю с Юзефом, что они оба остановились под деревом, чтобы пе-

редохнуть от жары, и что Юзеф, как бы в припадке внезапного помешательства, побежал к краю обрыва и сбросился вниз... Гораздо проще предположить, что Бачай, закоренелый враг советской власти, столкнул в пропасть Юзефа, первого жителя деревни, записавшегося в коммунистическую партию. Мы будем выжигать огнем подобные вредные элементы.

Староста помолчал и произнес тем же невозмутимым голосом:

— Юзеф не сошел с ума. Он увидал свою неподвижную тень и понял, что смерть его близка. Он исполнил волю богов.

— Поповские предрассудки! Будем вырывать с корнем! — заорал комиссар. — Что это еще за история с неподвижной тенью? Какие попы вам это рассказали?..

Теперь уже староста поглядел на комиссара с сожалением:

— Это известно не только нашим муллам, но и каждому ребенку. В тот момент, когда сарт видит свою тень на земле застывшей, не повторяющей его движений — он знает, что дни его сочтены. Юзеф это увидал и понял, что смерть его близка. Бачай говорил правду.

— Бачай будет расстрелян завтра, — ответил Юров, направляясь к двери. — А тебе, старик, советую бросить эти сказки. Распространение суеверий — вода на мельницу врагов советской власти. Попадешь в ревтрибунал — не пощажу! Заруби себе это на носу.

* * *

Великолепно и торжественно апрельское утро в Туркестане — в степной полосе его, расположенной к юго-западу от Аральского моря. В прозрачном, как горный хрусталь, воздухе купаются со звонким пением жаворонки, и свежий ветер колышет высокую стену ковыля; чудится, будто могучая степь дышит полной грудью...

Небольшой конный отряд медленно подвигался по караванной тропе, ведущей к Самарканду. Между тремя наездниками — Юровым и его красноармейцами — плелся осужденный, немолодой уже сарт с безразличным лицом. Поодаль шли человек тридцать — почти половина всего населения поселка. Сарты знали, что им не спасти Бачая, они ощущали всю глубину совершаемой несправедливости, но хотели сопутствовать жертве до конца в тайной надежде, что в последнюю минуту какое-нибудь чудо спасет невинного... Многие из них были даже убеждены, что тень покойного Юзефа, отделившись от его тела в момент смертельной опасности, так и осталась на выжженной солнцем площадке, где разыгралась драма, и что московский начальник, дойдя до этого места, убедится в своей ошибке и отпустит Бачая.

Увы! Когда процессия добралась до места, назначенного для казни, самый внимательный глаз не мог бы отыскать на почве и следов тени, — кроме той, которую отбрасывало чахлое деревце, послужившее убежищем Бачаю и Юзефу в день трагического происшествия. Юров приказал красноармейцам привязать Бачая к стволу и отвел их на десять шагов назад. Несмотря на то, что он не придавал никакого значения разговорам о невиновности осужденного, ему было как то не по себе в этой пустынной степи, под лучами палящего солнца, на виду у всех этих людей, не смевших роптать, но самым молчанием своим высказывавших неодобрение свершающемуся...

Став в стороне от красноармейцев, Юров поднял руку с обнаженной шашкой. Монголы взяли винтовки на прицел. Комиссар мысленно сосчитал до десяти — «чтобы показать азиатам, что он не волнуется» — и голосом, все же вздрагивавшим от сдерживаемого волнения, бросил:

— Пли!

Раздались два выстрела, почти слившиеся в один. Бачай опустил голову на грудь, тело его сразу обмякло, изо рта потекла на посконную рубаху струйка крови. Для него все было кончено.

Юров, втайне довольный, что все обошлось благополучно, хотел подойти к труп, чтобы констатировать смерть, но вдруг остановился, как вкопанный; несмотря на невыносимый солнечный зной, у него похолодела спина, и неприятно затряслись мелкой дрожью ослабевшие ноги.

На коричневой земле, у своих ног, Юров отчетливо увидел две тени, его собственные тени: одна, нормальная, повторяла его движения, но другая — как будто отделившаяся от его тела, прервавшая всякую связь с ним, замерла в той позе, которую он за несколько секунд до того принял: поднятая вверх рука с шашкой, широко расставленные ноги... Это была «застывшая тень», вестница смерти.

Не один Юров заметил это явление: сарты шарахнулись в ужасе в сторону, как от зачумленного. Для них Юров был уже проклятым, мертвым человеком, всякое общение с которым могло навлечь тяжкое несчастье.

Комиссар огляделся кругом. Глаза его блуждали, как у помешанного. Он бросился на толпу, как если бы она была виновницей страшного и непонятного явления, но в этот момент коротко и внушительно бухнул выстрел. Юров смешно взмахнул руками, завертелся на месте и тяжело рухнул на землю. А тень продолжала стоять рядом с ним, все в той же неподвижной позе, с поднятой кверху шашкой!

Один из красноармейцев деловито вытирал дуло винтовки грязной тряпичей. И толпа поняла без всяких объяснений, что в его темной душе, при виде «проклятой тени», поднялось тысячелетнее суеверие, всплыли все предрассудки, которыми жили его далекие предки. Поборов рабский страх перед начальством, это крепкое чувство толкнуло сарта-красноармейца на убийство — нет, не на убийство, а на законную кару тому, кто не хотел верить в таинственные знамения богов, осудил невинного на казнь и сам был отмечен печатью проклятия...

Красноармеец, стрелявший в Юрова, закинул винтовку за плечо. Толпа молча расступилась перед ним и он медленно спустился с пригорка, сопровождаемый своим товарищем.

Когда оба силуэта скрылись из виду, слившись с голубоватым маревом туркестанской степи, стала медлительно расходиться и толпа. Никто не произносил ни слова, но все старались не глядеть на труп Юрова, чтобы не увидеть рядом с ним страшные очертания «застывшей тени»...

* * *

Год спустя, молодой немецкий инженер производил в этой местности геологические изыскания за счет одной крупной международной нефтяной компании. В объемистом докладе, который он отправил своему директору, находилось, между прочим, и следующее сообщение:

«Области, отмеченные на прилагаемом плане красной краской, насчитывают немало подземных слоев нефти, и разработка их должна стать выгодной через весьма короткий срок. Почва в некоторых местах так насыщена нефтью, что испарение этой последней под влиянием солнечных лучей может вызвать ряд весьма любопытных физических явлений. Так, если тень от какого-либо непрозрачного предмета падает на землю, то выделение паров в этом месте происходит, вследствие охлаждения, несколько медленнее, чем вокруг. Таким образом, даже после исчезновения предмета контуры его тени сохраняются некоторое время как бы очерченными на земле, что создает иллюзию, будто тень продолжает самостоятельное существование. Этот феномен является среди местного языческого населения источником разных легенд и поверий, которые я записал и при случае доложу, по своему возвращении, “Обществу изучения Средней Азии”».

Шарль-Анри Ирш

НАВСЕГДА КАЗНЕННЫЙ

НАВСЕГДА КАЗНЕННЫЙ.

Как могучая любовная страсть в безумных страданиях, которыми она платит за минуты счастья, созидает мужественное сердце, полное пламенной отваги, так наука создала личность доктора Арка. Двадцати пяти лет, еще в полном расцвете своих сил, он задумал ряд великолепных работ, которые в сорок пять лет уже поглощают всю его беспримерную энергию. Сотни людей, работающих в той же области знания, что и он, считают его одним из первых биологов не только во Франции, но и за границей.

Он обнародовал некоторые из своих открытий, которые имели большое значение в области терапии. Эти открытия дали богатство и почести его случайным ученикам и помогли многим больным.

Лаборатория для него — весь его мир. Только два раза в год он покидает ее, чтобы подышать вольным воздухом на лоне природы, насладиться ее красотами с чарующей наивностью ребенка, не ведающего добра и зла.

Вот почему, когда он, мечтая, ожидает результатов какого-нибудь второстепенного опыта, ему грезятся среди вы-

беленных известью стен лаборатории снежные Альпы, швейцарские озера, австрийский Тироль, мирная Пиза, Микель-анджело в Риме и Веласкес в Мадриде; ибо будущее человечества слишком занимает его, чтобы он мог презирать произведения искусства, в которых прошлое стало вечным.

Вот этот-то человек и видел однажды сон, который мне хотелось бы возобновить в своей памяти.

Некоторые подробности этого сна не вполне соответствуют данным современной науки, но действие происходит на протяжении нескольких веков и некоторые неточности

не только возможны, но и неизбежны.

Итак, представьте себе, что наш ученый заснул и его мозг в течение нескольких часов пережил драму, о которой он мне рассказал приблизительно следующее.

20 марта 1901 года я нашел чрезвычайно простую формулу сыворотки, которую и решил сохранить в строгой тайне. На следующий день я пригласил ветеринара Б..., члена академии наук, которого попросил произвести самый тщательный осмотр моей собаки.

Он нашел, что животное вполне здорово и сильно, за исключением небольшого процесса в правом легком.

— Этот процесс, — сказал он мне, — по всей вероятности, следствие обыкновенной простуды, и если бы животное прожило с ним двадцать лет (самый продолжительный срок жизни собак этой породы), я бы ничуть не удивился.

Тотчас же после ухода Б... я впрыснул моему псу четыре кубических сантиметра вновь изобретенной сыворотки. Спэк чуть было не укусил моего служащего и по меньшей мере добрых четверть часа рычал и вертелся в лаборатории, гоняясь за собственным хвостом. Наконец, он свалился на бок и заснул мертвецким сном.

Члены его заколенили и я уже думал, что он издох. Так как, однако, через четверть часа похолодевшее брюхо его не вздулось, то надежда снова озарила меня.

Я пообедал около Спэка и даже приготовился ночевать в одной комнате с ним для наблюдений. В одиннадцать часов я прикоснулся к нему: он показался мне теплым. Температура была несколько ниже нормальной.

Вдруг Спэк вскочил на ноги и начал ласкаться. Он узнал меня и радовался.

Когда мы вместе вернулись домой, жена сделала мне ужасную сцену, так как страшно беспокоилась, — не случилось ли со мной чего-нибудь. Мне надо было ее предупредить. Она даже упрекнула меня в том, что я предпочитаю

собаку ей. Собственно, я совершенно не заслуживал неприятности, которую мне устроила эта экспансивная женщина, но перенес ее стоически спокойно.

Какие только животные не побывали под моим шприцем! — зайцы, кролики, куры, даже маленькая обезьянка, жившая у нас пять лет! Она погибла, упав за борт, во время морской прогулки из Конкаоно на Овечий остров.

Мой Спэк здравствует уже более двадцати лет и до сих пор сохраняет ловкость, силу и прожорливость молодой собаки. Шерсть его, однако, стала падать. Я ему сделал впрыскивание в том же количестве, что и десять лет тому назад, и шерсть снова отросла, очень густая, шелковистая и вьющаяся, той темно-коричневой масти, которая возбуждает всеобщее восхищение.

Ему исполнилось тридцать лет. Никто мне не верит, когда я указываю на этот факт. Меня считают помешанным. Я не смею заикаться о впрыскиваниях: в 1921 году это считается ересью!

Впрочем, некоторые из моих сообщений в институте, причем я демонстрировал опыты на фруктах, клонятся к подтверждению моей теории.

Бессмысленно настаивать далее.

Впрочем, достаточно того, что я знаю. В моем возрасте, — мне пятьдесят восемь лет, — нельзя терять времени на пустые споры.

Даже Б... отказывается признать в Спэке ту самую собаку, которую он когда-то исследовал: он, видите ли, столько видел животных с тех пор! Да, кроме того, не надо забывать, что ему уже восемьдесят лет.

Для меня достоинства моей сыворотки несомненны.

Однажды мне приносят останки моей собаки: упавший с неба на Ульмскую улицу, как раз против моей лаборатории, винт аэроплана почти надвое рассек бедного Спэка. Все эти шары, наполняющие пространство, приводят меня в отчаяние! Я никогда не перестану возмущаться ими.

Мозг Спэка оказался мозгом взрослого животного. Его кости большей толщины, но с меньшим количеством мозга в них, чем это наблюдается обыкновенно. Я сохранял в

течение месяца одну из его лап, сняв с нее предварительно кожу: мясо не испортилось. Под микроскопом я не заметил никаких, признаков разложения. Материя остается влажной.

Итак, жизнь можно удлинить, если удалить все токсины, которые вырабатывает наше тело для самоотравления, и таким образом увеличить количество свежих клеточек.

Жизнь Спэка длилась 33 года, что соответствует 165 годам человеческой жизни. Моя сыворотка сделала возможным подобное чудо. Несчастный случай положил предел испытаниям, над которыми я работал. Неужели Спэк никогда бы не издох?.. Все мои опыты над другими животными, начиная с грызунов и кончая воробьями, над жвачными, над многокопытными (я вылечил носорога, умиравшего зимой в зоологическом саду), — все эти опыты доказали действительность моей сыворотки. Я, наконец, знаю дозу, необходимую для человека.

Двадцать раз, наполнив шприц сывороткой, я был на волоске от того, чтобы сделать себе укол. По уверениям Т., исследовавшего и наблюдавшего меня, может быть, подробнее, чем ветеринар Спэка (а диагнозы Т... безупречны), я не имею никаких физических недостатков. Неужели я, созданный из земли и извести, стану первым бессмертным? Это — безумие и ужас! Чтобы испытать это бессмертие, надо быть исследователем и очевидцем в то же время. Только я один буду знать, что я существую, так как поколения пройдут передо мной, как быстротечная вода мимо утеса, разделяющего ее. А если жизнь мне надоест?

Каждую минуту умирают люди, в то время как я, быть может, обладаю средством уничтожить смерть. А если бы я населил земной шар бессмертными существами, было ли бы это меньшим преступлением? Ужас перед количеством живущих привел бы необходимо к прекращению рождений.

Что же значила бы тогда человеческая любовь?

О... если бы он знал, этот косоглазый горбун, который на днях так расхваливал мне радости жизни, если б он знал, — он, пожалуй, попросил бы меня сделать его бессмертным!

Голова горит. Я не хочу больше думать обо всем этом, а между тем, я могу умереть сейчас, мгновенно, и тогда!...

Сегодня, 20-го марта 1921 года, я написал доктору Т... письмо с просьбой провести ночь около меня. Он ответил утвердительно. Согласно моей просьбе, он будет меня наблюдать, не больше. Придет ровно в 7 часов.

Чтобы отогнать навязчивые мысли, могущие ослабить мою решимость, я пишу завещание: да! разве я знаю, что может случиться?..

Слуга докладывает о приходе Т...

Твердой рукой я держу иглу над синим пламенем спиртового рожка, наполняя православский шприц темной жидкостью и спокойным взглядом смотрю на него: это — *моя смерть* или *смерть, побежденная мной*.

Делаю себе укол в мягкую часть правого плеча.

Едва успеваю одеться и спрятать инструмент, чтобы встретить Т...

Ощущаю точно оглушительный удар по затылку...

Очнувшись, вижу над собой багровое лицо Т... и еще четырех его коллег, приглашенных им на помощь.

Они мне объясняют, что у меня были конвульсии эпилептического характера, а затем наступило окоченение, которое их и чрезвычайно испугало. Не будь Т..., — они дали бы знать в полицию о моей смерти. Я пришел в себя только 22-го марта.

Поднимаюсь с постели и говорю врачам:

— Господа, так как я не умер, то вы видите перед собой первого бессмертного человека.

Серьезность, с которой было принято мое заявление, заставляет меня добавить:

— Если вы считаете меня сумасшедшим, то согласитесь, по крайней мере, что я безвреден.

Т..., кажется, очень растроган: вот истинный друг.

Проглатываю чашку крепкого бульона, а затем, в сопровождении пяти врачей, отправляюсь к фотографу.

Продолжительный сеанс; сижу перед аппаратом; фотографию проявляют, и я получаю, наконец, свой портрет. Фотограф, пять врачей и я, на которого смотрят не без грустного соболезнования, подписываемся на широких полях роскошной фотографии в красках и пишем, что снимок сде-

лан 22-го марта 1921 года, в четверть четырнадцатого часа и изображает доктора Георга-Эмилия Арка, родившегося в Париже 7-го декабря 1863 года. Цифры пишем особенно отчетливо и повторяем их прописью.

Я заказал герметически закрытую раму, чтобы предохранить портрет от действия воздуха. Работа длилась пятнадцать дней.

Когда мне, наконец, возвратили портрет уже в раме, Т... утверждает, что сравнивая его с оригиналом, то есть со мной (каламбурист!), он находит, что лысина моя стала меньше!

Это верно. Я помню, — Спэк после второго впрыскивания покрылся великолепной шерстью.

...Празднества по поводу столетия дня моего рождения, устроенные правительством для отвлечения внимания Латинской Федерации от воинственных приготовлений Соединенных Штатов Центральной Европы, утомили меня менее, чем необходимость беседовать с журналистами в течение нескольких недель. Их аэропланы над крышей моего дома буквально застилают мне свет.

Я им рассказываю о железных дорогах, работающих паром, об экипажах с лошадиной тягой, о газовом освещении, о прежней Франции, до войны 1935 года, уничтожившей германскую республику, ослабившей нашу и объединившей их вслед затем в вышеупомянутые две национальные группы. Иногда сомневаются в правдивости моих рассказов.

...Самые крупные события извне ничуть меня не занимают: я думаю исключительно о том, что *я не умру*.

Я похож на мою фотографию семьдесят лет тому назад, только теперь я лучше, свежее.

В этом году (1991) Латинская Федерация и Соединенные Штаты Центральной Европы заключили оборонительный союз против нашествия коалиции, состоящей из Китая, России и дунайских государств вплоть до Турецкой империи.

М..., с которым я поделился воспоминаниями об Элладде и ее блестящей истории по поводу современной Греции и Архипелага, лет восемь тому назад поглощенного морем,

сообщил мне в припадке откровенности, что никто не верит моему возрасту.

— Невозможно дожить до 128 лет, -- сказал он мне.

Он мне напоминает знаменитого Бертело — отца Филиппа Бертело, который, будучи последним президентом французской республики, показал пример самого благородного самоотвержения, учредив Латинскую Федерацию, где он стал простым гражданином. Отец этого Филиппа Бертело утверждал, что ежедневной пищей взрослого человека должна служить таблетка, составленная из необходимых для организма питательных веществ. Идея его была осуществлена. Питались даже пилюлями. Теперь возвращаются снова к старому способу питания.

Больше всего я люблю сельди парижского улова: они приблизительно одинаковой породы с булонскими сельдями, которые я ел в юности.

Впрочем, я отлично усваиваю косые обычаи.

Мой рост (1 м. 72) привлекал бы общее внимание, если бы я не избирал для прогулок пустынных и тихих улиц, ибо рост теперешнего человека не превышает 1 м. 20.

... Мне нужно сильно сосредоточить свою мысль, чтобы вспомнить все, что я видел. Родителей и жену, однако, я еще помню отчетливо. Я в четвертый раз сделал себе впрыскивание, так как лицо мое начало было портиться. Теперь оно снова походит на мой портрет.

Сегодня, 7-го декабря 2162 г., я вступаю в третье столетие со дня моего рождения.

Вот уже месяц, как мой дом охраняется милицией. Три раза я был подвергнут допросу. Судьи мои чистокровные монголы.

Со времени падения коллективизма в Европе, в течение целого столетия азиаты завоевывают ее с каждым днем все больше и больше мирным, но верным способом: их кровь становится господствующей.

У нового поколения подтянутые, морщинистые веки. Белыми остаются только лапландцы, живущие на Северном полюсе. Их посольство только что было принято. Праздне-

ства в честь его прибытия дали мне несколько дней отдохновения. Но затем снова начались допросы.

Деспот, повелевающий всем Старым Светом, хочет узнать мою тайну. Он осыпал меня милостями. Он один из тех немногих, с которыми я еще мог беседовать о Викторе Гюго. Он очень образованный человек. В его хрустальном дворце, который он выстроил себе в Париже, на том самом месте, где когда-то, если мне не изменяет память, находился Тюльери, или Лоншанские скачки, я видел «Персея» Бенвенуто, «Каменный век» Родена и другие произведения искусства, — последние остатки нашей западной культуры.

Этот монарх держит власть в своих руках только потому, что владеет в совершенстве искусством читать мысли окружающих. Этой способностью, впрочем, обладают в меньшей степени все, я перед ними в этом отношении недо- росль шестого социального класса, предпоследнего разряда

граждан.

Итак, деспот *хочет узнать мой секрет*, так как при первом же нашем свидании он прочел мою мысль, что *я не должен умереть*.

Мне дается месяц срока для выдачи тайны. Пришлось оберегать мое жилище. Никто не хочет больше умирать и весь мир считает меня виновником каждой совершающейся смерти.

Один из приставленных ко мне сторожей предупредил меня, что я буду изрублен на куски. Уже в течение почти двух столетий смертная казнь не применялась вовсе. Но для меня ее изобретут...

Я сообщаю свою формулу императору и предлагаю сделать ему впрыскивание сыворотки. Сначала он смеется моему предложению, как остроумной шутке, но затем сердится и даже, чтобы запугать меня, зовет стражу. Он читает во мне правду. Его приводит в бешенство мысль, что моя формула опровергает все существующие научные истины, которые уже нашли себе всевозможные применения в социальном строе. Днем и ночью, вечно под надзором, я не смогу впрыснуть себе новую дозу чудесного снадобья.

Все эти люди объединились против меня; это какой-то бунт смерти, частицу которой все эти люди носят в себе, против меня, ее победителя.

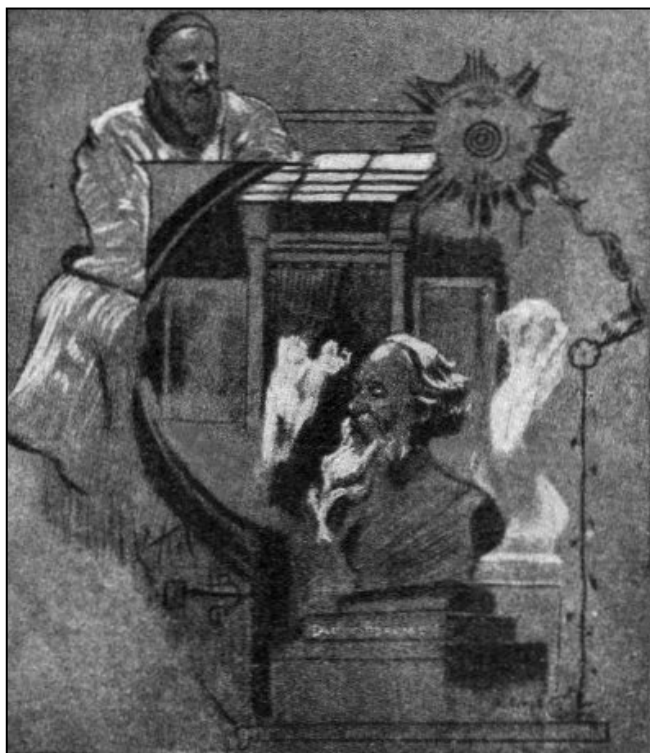
Что бы они ни предприняли, *я не умру*. Но что же будет со мной тогда? И что станет с моим великим изобретением?

Великим?.. Тяжелое сомнение начинает удручать мою душу. Сомнение — с оттенком раскаяния. Я пошел против законов природы, установившей всему очередную смену. Правильно сменяются морские приливы и отливы, времена года, покой и движение. И в этой смене — жизнь. Сама смерть есть лишь один из этапов существования: после разложения, продукты распада дают начало новым зарождениям.

Но склонное к состраданию, слабое человеческое сердце не может примириться с железными законами судьбы. Ему хочется задержать коснеющими руками триумфальную ко-

лесницу смерти, — спасти от разрушения дорогие, милые жизни! И мое изобретение остается великим — для людей, которые любят, борются и страдают...

Властитель даровал мне еще год существования. Меня ссылают в Африку, страну, по-видимому, весьма склонную к принятию нашей культуры, колонизованную японцами. Молодому народу скоро надоедают мои приключения. Мне рубят ноги, руки и голову. Пронзают сердце. Я почти не испытывал боли.

Я все-таки живу, ибо я слышу, вижу, чувствую прикосновение мягкого воздуха к моей коже, я мог бы даже говорить, если бы хотел... Я живу... живу... я бессмертен... На мою ногу села муха, я ощущаю ее...

Я нарочно притворяюсь мертвым, чтобы мне не испортили головы, проделывая с ней разные опыты. Врачи удовлетворяются моим туловищем и членами для изучения их. Голова моя помещена в музей.

Ночью я открываю глаза и смотрю. Я бы не хотел умереть.

Я не умру никогда, теперь я в этом уверен...

Я отлично знаю, что меня зовут доктором Георгом-Эмилем Арком...

Я живу в самом безмятежном счастье, как живут предметы, ненужные людям...

Ж. д'Амбалет

**ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВИДЕЛ
БУДУЩЕЕ**

Мой спутник остановился.

— Это здесь, — сказал он.

Сентябрьские сумерки быстро сгущались. Нас окружал влажный туман. За решеткой реденького сада я с трудом различал темную массу башни, окна которой были задернуты черными шторами.

Калитка пронзительно закрипела. Мы вошли в сад, и мой спутник быстрыми шагами направился к башне. Только теперь я заметил, что то, что я принял за шторы, было в действительности блиндированными ставнями.

— Господи, какие предосторожности, — пробормотал я, не столько с целью получить ответ, сколько для того, чтобы услышать хоть свой собственный голос. Погода и вся обстановка, окружавшая меня, действовали на меня угнетающе.

Мой спутник ничего не ответил. Когда мы подошли к дверям башни, во мне поднялось непреодолимое желание крикнуть:

— Я ухожу!.. Я отказываюсь от опыта...

Но мне туг же стало стыдно своей слабости. И, к тому же, отступить было слишком поздно.

Мой спутник открыл дверь и пропустил меня вперед в темную комнату. Он взял меня за руку и повел по длинному, узкому коридору. У меня было впечатление, что мы постепенно опускаемся вниз, в подземелье. Это утомительное путешествие длилось минут десять. Внезапно мой спутник остановился и схватил меня за руку; в темноте раздалось металлическое щелканье, почва под моими ногами заколебалась, и я понял, что мы начинаем подниматься в лифте. Потом — снова остановка, снова ходьба по коридору, и, наконец, мы очутились в большой комнате, освещенной неверным светом умиравшего дня. Посреди помещения стояло кресло.

— Садитесь, — сказал лаконически мой спутник.

Машинально я уселся в кресло. Спустя несколько секунд послышался странный металлический шум, мерное дыхание поршня и, совершенно неожиданно для меня, мой лоб почувствовал холодное прикосновение стальной каски.

Я вздрогнул и попытался поднять руку к голове. Оказа-

лось, что я неподвижно прикреплен к креслу. Повинуясь страху, — единственному чувству, которое во мне осталось живо, — я дико закричал:

— Прекратите эту комедию! Дайте свет! Развяжите меня, иначе...

Он по-прежнему ничего не ответил. Я сделал еще несколько попыток освободиться от уз, но металлические цепи врезались в тело, причиняя мне невыносимую боль. Я понял, что нахожусь всецело во власти этого человека, и проклял тот миг, когда согласился на его безумное предложение.

* * *

В течение шести месяцев я встречал его ежедневно в городском сквере, куда ходил подышать свежим воздухом после утомительного конторского дня. Это был худой человек с изможденным лицом аскета, на котором блестели два огромных светлых глаза. Их взгляд производил на меня неприятное впечатление, но, раз почувствовал его на себе, я никогда не мог уйти от его очарования.

Однажды я не застал незнакомца на его обычном месте. На следующий день он пришел и я рискнул спросить:

— Вы были вчера больны?

— Нет, — ответил он утомленным голосом. — Вчера я, наконец, приступил к большому опыту...

Я не отвечал, сообразив, что имею дело, по-видимому, с изобретателем-фанатиком. Но он неожиданно сказал:

— Я знал, что вы меня об этом опросите. Я видел ваш вопрос.

Я не удержался от изумленного возгласа:

— Вы «видели» мой вопрос?

— Совершенно верно. Я видел даже удивление, которое вызовут у вас мои слова.

Я решил, что он окончательно сошел с ума, и отодвинулся от него. Незнакомец заметил это движение и грустно улыбнулся:

— Не бойтесь, я в полном уме.

Я сделал руками неопределенный жест. Незнакомец сказал:

— Не угодно ли вам отправиться со мной на несколько минут ко мне?

— Пойти к вам? Зачем? Я спешу... У меня важное свидание.

— Я не знаю, имеете ли вы действительно свидание, но мне точно известно, что вы сегодня пойдете со мной.

— Это невозможно... К сожалению, я должен уйти.

Я поднялся со скамьи. На губах незнакомца заиграла улыбка, которой я никогда не забуду. Он тихо оказал:

— Зачем уходить, раз **я видел, как вы со мной идете?**

Я говорю вам, что вы вернетесь.

Не попрощавшись с незнакомцем, который начинал меня раздражать и пугать, я вышел из сквера. Уличный шум вернул мне спокойствие и сознание реальности. Я прошел несколько шагов, не переставая думать о странных словах субъекта. Вдруг мне пришло в голову, что он меня уже где-то видел и что его загадочные фразы могут, таким образом, найти весьма простое объяснение. Я решил проверить свое предположение, повернул назад и спустя несколько минут очутился перед незнакомцем, сидевшим на скамейке в той же позе. При виде меня он не выразил никакого удивления. Я пробормотал смущенно:.

— Я вернулся, чтобы..

Он меня прервал:

— Я знаю: вы вернулись, чтобы спросить меня, не встречал ли я вас где-нибудь раньше.

Пораженный этими словами, я спросил:

— Что же, вы предвидите будущее?

Незнакомец утвердительно кивнул головой.

— Вы прибегаете к гипнозу?

Он сделал презрительный жест:

— Гипноз — эмпирический метод. Кроме того, вы всегда зависите от субъекта. Гипноз редко дает хорошие результаты.

— Но, в таком случае, как вы поступаете?..

Незнакомец посмотрел на меня своими жуткими глазами и ничего не ответил. Весь мой страх и скептицизм рассеялись, как дым: во мне осталось лишь одно неопределимое любопытство. Я спросил его почти робко:

— Не мог ли бы я присутствовать при ваших опытах?

Незнакомец поднялся со скамьи и сказал:

— Идите за мной!

.

Таким образом началась та цепь событий, которая привела меня, холодным сентябрьским вечером, в пустую комнату, на таинственное кресло...

* * *

Утомленный бесплодными попытками освободиться от цепей и наручников, прикреплявших меня к креслу, я затих. Незнакомец, все время стоявший в темном углу комнаты, сказал:

— Не двигайтесь больше! Смотрите прямо перед собой,

Я повиновался, стараясь проникнуть взором сквозь окружавшую меня темноту.

Внезапно в одном из углов комнаты появился слабый молочный свет. В трех метрах от меня двигалась какая-то смутная тень, как бы выделявшаяся на бледном экране. Невольно я стал искать источник этого света и обнаружил, что он исходит от меня. Это было холодное сияние, вроде того, которое испускают ртутные лампы.

Тень постепенно проявлялась, принимая определенные очертания. Именно «проявлялась», как изображение на фотографической пластинке, погруженной в химический раствор. И я увидел, что эта тень **была моим собственным изображением.**

Все предметы вокруг моего двойника стали принимать на экране ясный облик, и я узнал свою комнатку в Латин-

ском квартале. Я (то есть, мое изображение на экране) ходил по комнате нервными шагами, как бы чего-то ожидая. Потом дверь в комнату отворилась, и сквозь нее просунулась рука с письмом.

Тут меня облил холодный пот. Я сделал нечеловеческое усилие, чтобы сорваться с кресла, но узы по-прежнему держали меня крепко. Хриплым голосом я проговорил:

— Это письмо... Я его жду со дня на день...

Незнакомец, бесстрастно наблюдавший за мной, ответил спокойным тоном:

— Вы его получите завтра!

— Но что все это значит? Что это за китайские тени?

Из угла последовал ответ, в котором, мне казалось, звучала насмешливая нотка:

— Это то, что с вами случится завтра!

Мой взгляд был снова прикован к экрану. Моя завтрашняя жизнь продолжала развиваться: вот я вскрыл письмо, прочел его, бросил на стол, опустил в кресло. Минуты текли...

— Это чепуха, — закричал я снова, пытаюсь освободиться от физических и моральных пут, во власти которых я находился. — Это все — чепуха! Правда, я ожидаю письмо, но я завтра не останусь дома, слышите! Я завтра не останусь дома, а пойду на службу! Этого всего не случится!

Из угла донесся тот же спокойный голос:

— А я вам говорю, что вы завтра останетесь дома и не пойдете на службу. Все случится так, как вы видите...

Тень на экране продолжала жить. Там была уже не моя комнатка на улице Сен-Жак, а вход в ресторан: я узнал место, где ежедневно обедал. Вот мой двойник появился, подошел к двери, остановился в колебании и повернул обратно... Тут свет стал слабеть, и все видение растаяло бесследно.

* * *

Когда мы снова очутились в саду, куда незнакомец проводил меня, не проронив ни слова, я спросил его, несколь-

ко успокоенный:

— Что это за машина? Откуда этот свет, эти видения ?

Он подумал несколько мгновений и ответил:

— Вам известно, что некоторые теории сравнивают нашу жизнь с длинной дорогой. Дорога эта извилиста. За одним из ее поворотов стоит домик: вы его не видите, но тем не менее, он существует. Таково и наше будущее: все грядущее уже существует, только оно от нас скрыто. Я даю вам возможность видеть то, что спрятано за поворотом.

— Но воля? Но свободный выбор?

— Пустые слова!..

— Допустим... Но я все же не понимаю, как действует ваша машина.

— Это долго объяснять. Скажу только, что она улавливает движение атомов, комбинации которых предопределяют будущие события, и позволяет видеть их на 24 часа раньше....

* * *

На следующее утро все шло нормально до того момента, когда я собирался идти на службу. В этот миг в дверь постучались: это была консьержка, подавшая мне письмо. Как во сне, я его вскрыл и прочел: одна канадская фирма, с которой я состоял в долгой переписке по поводу службы, сообщала мне, что все затруднения были неожиданно устранены, что место для меня свободно и что я могу, если желаю, выехать в Канаду в ближайшие дни...

Весь день я провел дома в состоянии, близком к помешательству. Меня терзала не столько необходимость принять решение, от которого должна была перемениться моя жизнь, сколько сознание, что я действую, как автомат, что, несмотря на все мои колебания, мое решение уже принято, и что, как бы я ни ухитрился, все равно я не в состоянии буду изменить ход событий...

Когда я пришел в себя, был уже вечер. Я почувствовал сильный голод, вышел на улицу и направился машинально в свой обычный ресторан. В тот момент, когда я брался за ручку двери, мой мозг пронзила неожиданная мысль: зачем мне мучиться над решением вопроса, раз оно уже известно моему незнакомцу? Он может показать мне будущее на 24 часа раньше: следовательно, я уже теперь могу узнать, приму ли я завтра канадское предложение, или же останусь в Париже...

Я повернулся и быстрыми шагами направился к дому неизвестного.

* * *

Незнакомец поджидал меня у калитки.

— Я знал, что вы придете. Пойдем наверх.

В том, что случилось со мной, когда мы снова очутились в темном коридоре — я до сих пор не отдаю себе отчета. Помню только, что во мне поднялась звериная злоба против этого человека, который шел впереди меня и нес с собой мою судьбу! О том, что он был только чтецом моего будущего, а не его творцом — я в этот момент не думал. В нем, в его бесстрастной фигуре, в его холодных глазах воплотилась для меня вся неумолимость рока. Мне показалось, что, уничтожив его, я разорву непреложную цепь событий и снова стану хозяином своей жизни. Повинуясь непреодолимому инстинкту, я схватил его сзади за шею и сжал изо всех сил пальцы. После короткой борьбы в потемках незнакомец, слабо защищавшийся, захрипел и рухнул на пол. Он был мертв...

Но моя злоба не утихала. Мне нужно было разбить проклятую машину! С трудом вспоминая путь, по которому мы вчера шли, я добрался до большой комнаты и зажег спичку. Кресло по-прежнему стояло посредине; над ним висела каска, от которой шли провода к матовому экрану. Я бросился к машине, намереваясь разнести ее в щепы, когда

вдруг мое внимание было привлечено прямоугольником, белевшим на сиденье кресла: это была записка.

Развернув ее дрожащими руками, я прочел при мерцании догоравшей спички следующие слова:

«Сегодня вечером вы меня убьете. Я **видел**, как вы меня будете душить в коридоре».

Виктор Таддеус

ХИМИЧЕСКИЙ МАГНИТ

Впервые я встретил Скерменхивера, когда он жил в полуразрушенной хижине на взморье к северу от Нью-Йорка. Он был мне представлен однажды в городе нашим общим знакомым и сразу возбудил мой интерес; я думаю, меня поразили особый блеск его глаз. Ему было тогда около 35 лет; высокий, худощавый, с темными густыми волосами, низко падающими на лоб и спускавшимися на шею, он был одет в потертое пальто и вообще имел запущенный вид. Заметно было, что о нем никто не заботился. И все же это была личность, поражающая с первого взгляда. Несмотря на то, что он мало говорил, в каждом его слове чувствовался огромный ум, как бы переполнявший все его слабое, истощенное плохим питанием тело; идеи, казалось, кипели в нем ключом. Он понравился мне, и после первого визита я стал приходить к нему так часто, как только позволяло приличие, стараясь не злоупотреблять его гостеприимством. Последующие события придали особую живость воспоминанию о моих посещениях его хижины на взморье.

Здесь Скерменхивер жил круглый год. Полуразрушенная хижина была очень уютной внутри, камелек жарко нагревал ее в холодные дни; в топливе не было недостатка, оно лежало у самых его дверей в неограниченном количестве и ничего не стоило, тогда как дюны задерживали сильные порывы морского ветра. Съестные припасы он покупал раз в неделю на рыбацкой станции по ту сторону бухты.

С первого посещения этого уединенного уголка меня заинтересовал вопрос, где он берет пресную воду. Ходить пешком далеко за провизией было очень затруднительно; как же он устроился, чтобы иметь такое количество воды в своем распоряжении? А между тем, у него всегда были большие запасы воды в хижине не только для питья и варки пищи, но и для умывания. Я был слишком занят разговором со Скерменхивером, чтобы остановить свое внимание на этом вопросе; к тому же, меня заинтересовало устройство так называемой лаборатории, которую я заметил за занавес-

ками, отделяющими ее от остальной части хижины. Но, оставшись один в вагоне, на обратном пути в город, я невольно задумался, стараясь отгадать, где Скерменхивер берет свежую воду. Может быть у него есть колодец? Но эту нелепую мысль пришлось сейчас же отбросить: ведь вода, взятая из колодца, вырытого в песке дюн, была бы негодна для питья. Но тогда, где же он берет воду? Вдруг я вспомнил, что до него в этой хижине жил отшельник, который, без сомнения, тоже должен был разрешить эту проблему, следовательно, тут не было ничего таинственного, и я успокоился.

Но вскоре я был снова смущен, когда, придя в следующий раз, не застал его дома и видел, как он возвращался с материка, неся в руках одну только провизию. Позднее, войдя в комнату, я не вытерпел и упомянул о мучившей меня загадке.

— Да, вода была неразрешимой задачей для старого Мартина, — ответил он. — Старик приносил ее с материка, что делал и я первое время; это и было главной причиной, почему он оставил это место. Конечно, этот вопрос не существует больше для меня, — прибавил он после некоторой паузы.

— Вы нашли другое место ближе?

— Я не достаю воду. Я ее делаю, — ответил он.

— Дистиллируете?

— Нет, — ответил он, улыбаясь, — не дистиллирую, а делаю.

Он встал и подбросил несколько полей дров в камелек. На дворе дул сильный ветер, и оконные рамы трещали под его напором.

— Из океанской воды?

— Да, из океанской воды, — ответил он.

На этот раз он ограничился этим объяснением, но позднее, когда из наших бесед я ознакомился с предметом его исследований, он стал более сообщительным, и я узнал, что он стремится проникнуть в тайну химических реакций, преимущественно реакции растворимости. У него была способность всегда смотреть на вещи с точки зрения воображения,

не подчиняясь математическим и техническим деталям; он был способен представить себе действительную картину молекулярных процессов, и возможно, что именно это свойство ума и привело к его ужасным открытиям.

Однажды, отдернув занавеску своей лаборатории, он взял стакан, наполненный водой, и попросил меня бросить туда немного поваренной соли. Когда я исполнил его просьбу, он сказал:

— Не правда ли, это легко сделать? А сколько труда стоит извлечь ее опять обратно; я подразумеваю — посредством испарения. Но должен же существовать другой какой-нибудь, более легкий способ. Не так ли?

Я ответил, что разделяю его мнение. Тогда он положил лист чистой белой бумаги на скамейку и насыпал на него горсть песка, который он принес со двора, предварительно смешав его с несколькими щепотками железных опилок.

— Знаете ли, каким образом легче всего извлечь обратно все эти опилки? — спросил он.

— Магнитом, конечно, если он имеется под рукой, — ответил я.

— Совершенно верно. — Он достал магнит, извлек опилки из песка и соскоблил их в маленькую кучку. — Моим процессом я могу так же легко извлечь соль из воды, как магнит извлекает железные опилки из песка. Позвольте вам сообщить, что я изобрел химический магнит, — сказал он, взглянув на меня и, улыбнувшись, прибавил: — Конечно, это еще не совсем совершенный способ, но он дает кое-что воображению, а это самое главное. Не нужно жара под котлами, ни электрического тока. Ведь при растворении солей в воде происходит очень незначительная затрата количества энергии. Вода с прибавлением соли слегка охлаждается, следовательно, чтобы извлечь соль обратно, нужно приложить энергию извне — вот и все.

Он посмотрел в угол своей лаборатории, где стояло странного вида устройство вроде закрытого чулана, из которого выходили наружу трубки, представлявшие, по-видимому, внешнюю оболочку какого-то скрытого в нем аппарата.

— Хотите посмотреть, как он работает? — спросил он.

Я кивнул головой. Я еще раньше обратил внимание на этот угол лаборатории и почти угадал его значение, но это было в первый раз, что Скерменхивер заговорил со мной о нем. Он поднял ведро, наполненное до краев морской водой, и вылил его содержимое в большую воронку, выступавшую наверху через деревянный корпус. Когда вся вода прошла внутрь аппарата, он подошел спереди к корпусу и повернул кран. Минуту спустя ведро стало наполняться водой и, подняв его таким образом, чтобы она стекала бесшумно по стенкам ведра, Скерменхивер сделал мне знак прислушаться, и я услышал в глубине аппарата мягкий, непрерывный звук, похожий на падение мелких крупинок. Когда вода перестала течь, ведро было почти до краев полно, и Скерменхивер, зачерпнув воду большой разливательной ложкою, поднес ее к моим губам. Это была самая чистая вода, какую мне когда-либо приходилось пробовать. Затем он вытащил из аппарата крохотный ящичек, дно которого было покрыто беловатой солью.

— А теперь, — сказал он, выливая содержимое маленького ящичка в ведро с пресной водой, — вы снова имеете морскую воду.

Ни одного звука изнутри аппарата, кроме легкого шума падения крупинок соли, нельзя было уловить, и весь процесс произошел так быстро и бесшумно, заняв не более двух минут, что я был поражен,

— Вы хотите сказать, что вода, которую я пил, была морская?

— Самая настоящая морская вода. Мой аппарат попросту разложил ее на составные части — пресную воду и растворенную в ней соль.

— И он извлек ее без остатка так быстро?

— Да, без остатка. Вода, что вы пробовали, была так же чиста, как дождевая. Мой способ еще далек от совершенства. Труднейшая часть моей работы заключается в том, чтобы найти силу, могущую извлекать все различные химические вещества, находящиеся в растворенном виде. Эта проблема все еще стоит передо мной. Если это мне не удастся... — взгляд его лихорадочно горевших глаз встретился с моим,

и я ясно прочел в нем окончание его фразы: если это ему не удастся, все то, чего он достиг до сих пор, умрет вместе с ним.

Я был изумлен. Само по себе это открытие, благодаря которому так легко выделялись из раствора соли, было одним из самых удивительных научных достижений этого века, весьма ценным для промышленных целей. Он мог составить себе колоссальное состояние, используя его в коммерческом отношении. Но, по-видимому, он думал, что не достиг еще ничего, и всем своим существом стремился к усовершенствованию открытия.

— Взгляните сюда! — воскликнул он, указывая в сторону океана, — взгляните на эту беспредельность! Ведь это величайшая кладовая мира, в которой собраны минералы в большем количестве, чем во всех рудниках земли, взятых вместе! Все металлические и неметаллические элементы находятся там. Все металлы, даже самый драгоценный, золото — да, золото — находятся там в несметном количестве!

При слове «золото» его глаза заблестели еще больше. Заметно было, что он жаждал власти, желая ее больше всего на свете. Более трех лет прошло с тех пор, как я встретил Скерменхивера, а он все работал день и ночь над разрешением проблемы разделения и над усовершенствованием процесса извлечения, так как, хотя я находил быстроту, с которой происходил этот процесс, чудодейственной, она не удовлетворяла его, и он стремился развить еще большую. Он объяснил мне, что для получения значительного количества ценных химических веществ необходимо пропустить через аппарат миллионы тонн морской воды, и для успешного результата поток воды должен течь безостановочно и свободно. Между тем, несмотря на то, что за последние несколько лет он усовершенствовал способ извлечения, выделение веществ требовало хотя и незначительной, но определенной остановки в движении жидкости. Теперь он работал над тем, чтобы устранить этот недостаток.

Хотя Скерменхивер рассуждал со мной в общем о теории производимых им испытаний, он никогда не разоблачал подробностей своих опытов. Он часто беседовал со мной

во время работы, оставляя незадернутыми занавески своей лаборатории, но всегда машина его была закрыта в своей деревянной обшивке и, по-видимому, производимые им тогда опыты не имели важного значения. Когда же он имел дело с самим аппаратом, о чем я мог судить по стуку отодвигаемого в сторону деревянного футляра, занавески всегда были тщательно задернуты и связаны. Мое любопытство было до такой степени возбуждено, что однажды я не вытерпел, и, воспользовавшись минутным отсутствием Скерменхивера, когда он пошел за водой к океану, я проскользнул в лабораторию и подошел к машине.

Он пробыл перед тем в лаборатории больше часа с задернутыми занавесками. Очевидно, он прервал опыт, чтобы принести воды, и в своей поспешности позабыл связать занавески. Я предполагал, что если аппарат существует в действительности, я его несомненно застану открытым — и не ошибся. Деревянный футляр был откинут назад, обнаруживая короткий толстый металлический цилиндр, напоминающий большой котел для воды. Кроме этого цилиндра и входящих и выходящих труб, ничего не было внутри футляра. На цилиндре большими красными буквами было написано предостережение: «Руки прочь! Опасно!»

Я тщетно искал отверстия, чтобы заглянуть внутрь цилиндра, но не находил его. Наконец, после более тщательного осмотра, я заметил наверху маленькие дверцы, ускользнувшие от моего первоначального наблюдения, очевидно, прикрывавшие тот наблюдательный пункт, который я искал. Не обращая внимания на красное предостережение, я отодвинул в сторону дверцы и одновременно нагнулся, чтобы приложить глаз к открывшемуся отверстию.

Вдруг кто-то схватил меня за руку. Обернувшись, я увидел Скерменхивера, который стоял возле меня. Он видел меня через окно и спокойно вошел в комнату. Я ожидал вспышки гнева за мое непростительное поведение и чувствовал себя очень неловко, но он не обратил никакого внимания на мое смущение и извинения, заметив только кратко:

— Ничего бы не увидели, а рисковали быть убитым.

Он закрыл футляр, не дожидаясь, пока я выйду из лаборатории, задернул занавески и принялся за прерванный опыт. По-видимому, он прекрасно понял, что только жгучее любопытство побудило меня злоупотребить его гостеприимством. После этого происшествия он стал чаще и более подробно, чем раньше, говорить о своих опытах. Он объяснил мне, что подобно тому, как секрет откатывания назад французских 75-миллиметровых орудий был охранен особым устройством механизма, который взрывом уничтожал себя при малейшем прикосновении неопытной руки, так и его изобретение взорвется, если кто-нибудь другой, кроме самого изобретателя, попробует его исследовать.

— Вас поражает простота устройства аппарата, — сказал он. — Вы ожидали увидеть что-нибудь более сложное и удивительное, хотя бы несколько электрических проводов. Внутри этот цилиндр не так просто оборудован, конечно, как снаряд. Но вы были бы очень удивлены, если бы увидели, какой простой механизм заключается в нем. Мой процесс прост оттого, что основан на совершенно новом, еще неисследованном принципе. Это все пока, что я могу сказать вам по этому поводу, — закончил он.

По его губам пробежала судорога и он улыбнулся. Это была одна из наших последних бесед перед его отъездом. Скерменхивер очень похудел и выглядел угрюмым, но продолжал свои опыты. Ему оставалось жить всего несколько месяцев в своей хижине. Образовалось, наконец, строительное общество, поставившее целью обработать и сделать полезной эту заброшенную в продолжение нескольких лет береговую полосу. Прибыла огромная землечерпательная машина, землемеры огораживали кольями, отмечая на болоте, будущие улицы и участки. Выросли линии телеграфных столбов. Скерменхивер наблюдал за всей этой работой, и взгляд его загорался мрачной ненавистью. Этот мир практичности преследовал его в его уединении, гнал прочь из его первобытного жилища. Строительное общество разрешило ему остаться здесь не позднее начала будущего лета.

«Он живет здесь в продолжение целых шести лет. Совершил ли он что-нибудь за это время?» — спрашивал я себя,

бывало. Рабочие нового строительного общества смотрели на него, как на чудака, и я часто думал, не были ли они правы.

II

Но невозможное совершилось. Когда однажды я пришел в хижину, Скерменхивер объявил мне, что получил наследство от богатого дяди, который недавно умер, оставив ему все свое состояние. Скерменхивер был по отцу немец, а мать его была ирландка. Эту новость он сообщил мне совершенно спокойно, без волнения, и я, признаться, не поверил бы ему, но неопровержимое доказательство в лице толстого поверенного, который тяжело отдувался после продолжительного путешествия пешком по песку, наполнявшему его башмаки, подтвердило правдивость его слов. Я подумал, что теперь все материальные заботы Скерменхивера будут устранены, что он сможет перебраться в лучшую местность, занять хорошее помещение и устроить прекрасную, более удобную лабораторию, но он остался жить в хижине, очевидно, собираясь окончить свои исследования там, где начал их. Может быть, то обстоятельство, что он получил состояние, когда уже почти не нуждался в нем, сделало его более раздражительным, и он с чувством личной неприязни смотрел на большую землечерпалку, хлопотливо засыпающую болото, и на паровые лопаты, забирающие песок дюн. Однажды я нашел его более спокойным, чем обыкновенно видел его раньше и, когда лодка увозила меня обратно, он крикнул мне вслед «прощайте» таким особенным голосом, что у меня сжалось сердце от странного предчувствия.

Это было в последний раз, что я видел Скерменхивера на этом берегу. Когда я снова посетил остров, его уже там не было. Оставленная хижина сносилась рабочими, которые шутливо рассуждали над тем, что делать с обломками аппарата и брошенным стеклом. Землемеры разбивали ли-

нию дороги, проходящую как раз в том месте, где стояла хижина и, глядя, как она рассыпалась под ударами молота, острое ощущение потери внезапно пронизало меня.

Так прошло два года. За все это время мои подозрения, что химический магнит был лишь плод его воображения, как будто бы подтверждались. Я пересматривал газеты и научные журналы в тщетной надежде найти сообщение о новом великом открытии. Я неоднократно возвращался на остров, где работа кипела — боковые дорожки были уже проложены, повсюду строились летние дачи — и, глядя на этот изменившийся до неузнаваемости, давно знакомый вид, прошедшее стало казаться мне сном. Передо мной мелькнуло воспоминание о Скерменхивере, стоявшем одиноко на берегу, постепенно становившемся все меньше и меньше по мере того, как моя лодка удалялась, приближаясь к материку, и самолюбие мое было немного уязвлено тем, что только это случайное «прощайте» было его единственным намеком на разлуку.

В этот период молчания единственная реальная маленькая вещь напоминала мне об исчезнувшем Скерменхивере и его блестящих стремлениях. То был небольшой клочок бумаги, начало письма, которое я нашел в морской траве в тот день, когда хижина была снесена рабочими. На нем стояли слова:

«Дорогая Анна! Наконец, после стольких лет я...»

Эта фраза была написана почерком Скерменхивера.

Прошло около четырех лет после исчезновения Скерменхивера, когда его имя вдруг оказалось у всех на устах. Менее чем за сутки оно приобрело всемирную славу. Известие о его чудесных химических открытиях появилось на первых страницах газет. Я прочитал об огромных станциях, построенных им на восточном и западном берегах материка, которые производили каким-то необычайным, таинственным способом почти все известные химические вещества. Очевидно, эти годы он употребил на то, чтобы применить свое открытие к промышленности в широких размерах. Имя его приобрело громадную популярность; носились слухи, что он в настоящее время нашел способ превращать морскую

воду в золото и скоро делается самым богатым человеком в мире.

III

События последних лет стали историческими; поэтому я коснусь их слегка. У всех на памяти первый промышленный триумф Скерменхивера, его подрыв монополии калия, которая после войны превратилась в «Калий-Синдикат». Все помнят, как его американские станции снабжали солями калия внутренний рынок за полцены по сравнению с заграничным продуктом, ввозимым из знаменитых Стасфуртских копей; развитие огромной странной флотилии плоскодонных судов, известной под названием «Магнитного флота», на которых изготовлялся из морской воды груз драгоценных химических веществ во время перехода между портами; как исчезло первенство немцев в области промышленной химии, и все достижения их в производстве синтетических красящих веществ поблекли перед колоссальными усовершенствованиями молодого американского ученого. Он произвел целую революцию в промышленности, перенес ее с суши на океан, начал новую эпоху истории цивилизации, радикально изменив экономическую жизнь всего мира.

Все нации вооружились против накопления Скерменхивером океанского золота, вступили с ним в борьбу и выпустили в обращение международные бумажные деньги. Но Скерменхивер прекратил производство на своих станциях, и резко упавшее мировое благосостояние, а также и общественное мнение, принудили власти прийти к соглашению с ним. Повсюду благосостояние возросло, ликвидируя бедность, так как нетронутые до сих пор неисчерпаемые богатства океана, покрывающего $\frac{2}{3}$ земной поверхности, стали разрабатываться в гигантских размерах. Значение и могущество Скерменхивера росло, и вскоре он сделался настоящим диктатором в деловом мире. Поговаривали, что мно-

гие пытались открыть секрет химического магнита, но он ревниво охранял свою тайну, и посягавшие на нее платились жизнью за свою смелость. Так, «Нептун», самое большое судно «Магнитного флота», взлетело на воздух в доке Хобокена при попытке инженеров открыть скрываемую им тайну. При этом были убиты сто человек.

Все это стало достоянием истории, как я уже говорил. Теперь перейду без дальнейших проволочек к последнему роковому периоду карьеры Скерменхивера, в котором мне опять волей судьбы предназначено было принять участие. Последние годы после того, как ему улыбнулось счастье, наши встречи были редки, но мы не теряли друг друга из виду. После продолжительного периода молчания, когда я, наконец, прочитал имя Скерменхивера на столбцах газеты, я встретил его в Нью-Йорк-Сити. Он кратко сообщил мне, как он занят, и начертал мне кое-что из своих планов на будущее. После этого мы много раз встречались с ним в Нью-Йорке, а также Лондоне, Париже и Берлине. Нечего и говорить, как ценна была каждая минута его времени, которую он уделял мне. Его приемная была всегда переполнена финансистами, учеными, репортерами и другими лицами, жаждущими его видеть, но стоило мне только назвать себя, и меня немедленно принимали. Он вставал мне навстречу, и я замечал выражение неподдельного удовольствия, промелькнувшее на его лице. По-видимому, ему приятно было, хотя на время, сбросить с себя бремя забот огромного дела, взваленного на его плечи, и казалось иногда, что он, имея весь мир у ног своих, вспоминал с сожалением то время, когда никто его не знал.

Однажды, странно взглянув на меня сверкнувшими преждему глазами, он начал говорить, но сейчас же прервал сам себя, забормотав: «Нет, я не совсем готов, надо подождать еще немного». Вскоре я получил ту памятную телеграмму, в которой он просил меня немедленно выехать в Сан-Франциско, а неделю спустя мы вместе с ним направлялись на его яхте к очаровательному маленькому острову в Тихом океане, где судьбе угодно было только одного из нас оставить в живых.

Высадившись на острове, яхту отправили в Гонолулу, дав инструкции капитану вернуться обратно через несколько месяцев. Комфортабельный бунгало, единственными обитателями которого были я и Скерменхивер, снабженный в изобилии съестными припасами и всем необходимым, приютил нас. Остров представлял восхитительную жемчужину тропической красоты, с большими перистыми пальмами, колыхавшими свои ажурные вершины высоко в небе над белым берегом, переходившим в коралловый риф, где день и ночь ревел бурун. Невдалеке от острова стояла на якоре пловучая лаборатория, своим видом напоминавшая в миниатюре суда «Магнитного флота». Скерменхивер осмотрел ее в первый же день нашего приезда.

Он приехал в это уединенное место, чтобы углубиться в таинственные научные исследования, которых его гений еще не производил; это было известно мне. Но какого рода были эти исследования, он мне не говорил. Я только мог догадываться, судя по его возбуждению во время перехода, которое он старался подавить, что все свои прежние испытания он считал маловажными и незначительными по сравнению с теми, к которым он собирался теперь приступить. Устроившись в своем новом жилище, Скерменхивер стал проводить все свое время в пловучей лаборатории, куда и мне вначале был разрешен доступ, но вскоре визиты мои должны были прекратиться.

Однажды мы сидели на террасе, и он впервые заговорил со мной о проблеме, над разрешением которой работал. Перечислив вкратце все то, чего он уже успел достигнуть, начиная с первого своего открытия — химического магнита, извлекающего без разбора все соли, находящиеся в растворе, — он перешел к усовершенствованию своего способа, оставляющему в растворе соли дешевых металлов и извлекающему более ценные. Затем он перешел к конечной своей идее составить химический магнит необычайной сверхсилы, способный извлекать из морской воды неизвестные до сих пор химические элементы, содержание которых в океане так бесконечно мало, что открыть их обыкновенным методом анализа невозможно.

— Почем знать, быть может, некоторые химические элементы проявляют несравненно более могучую силу, чем радиоактивные минералы, — сказал Скерменхивер.

— Нет ли риска в подобных опытах? — спросил я. — Если такие химические элементы действительно существуют и вам удастся собрать их в известном количестве, не отразится ли это пагубным образом на человеческом организме?

— Очень возможно, — ответил Скерменхивер таким тоном, что я ясно понял, как мало это его заботит. — Всегда рискуешь, когда имеешь дело с неведомым.

С этого дня он стал бледнеть и потерял аппетит. Временами он страдал припадками дрожи, и я опасался, не схватил ли он тропическую лихорадку. Иногда я видел, как он выходил из своей пловучей лаборатории, обмахиваясь руками, как от нестерпимого жара, шагая по белому берегу, жестикулируя и бормоча что то про себя. Однажды он громко воскликнул:

— Наконец-то я открыл ее — тайну источника жизни! Я нашел вещество, впервые возбуждившее жизнь на Земле! Я приобрел его *там*, — указал он на пловучую лабораторию, — вот сколько, — и он сложил ладони горстью, — но скоро у меня будет его много, очень много, вот сколько! — и он сильным движением широко раскинул руки, как бы готовясь обнять весь горизонт.

Дрожь ужаса пробежала по моей спине. Страшная действительность стала передо мной; я вспомнил случайное ощущение той ночи, позабытое на другой день. Что-то худшее, чем яд, проникло в его организм и подтачивало его. Я схватил его за руки, желая удержать и не позволить ему идти на судно, но Скерменхивер вырвался, и по выражению его глаз, когда он отскочил от меня, я ясно понял, что он сошел с ума, окончательно сошел с ума...

Вся последующая неделя была сплошным кошмаром. Скерменхивер с хитростью безумия проводил теперь день

и ночь в своей плавучей лаборатории, опасаясь, чтобы я не помешал ему, если он вернется в бунгало, тайком съезжая на берег в светлые лунные ночи. Я несколько раз видел его шагающим вдоль берега странной, неверной походкой, пошатываясь, точно пьяный. Наконец, я больше не вытерпел и решил во что бы то ни стало, хотя бы опасностью для жизни, проникнуть в его лабораторию, посмотреть, что он там делает, и силою привести его на берег.

С наступлением сумерек я отправился на судно. Не успел я вступить на палубу, как Скерменхивер показался из люка. Он тяжело дышал, и во взгляде его ясно читалось безумие; но; увидев меня, он заметно подтянулся, конвульсивным движением схватился за голову, и мне показалось, что здравый рассудок и сознание действительности вернулись к нему: он понял, что умирает. Он повернулся и, шатаясь, спустился по трапу внутрь судна, что-то сделал в машине и вновь поднялся на палубу, неся с руках большое платиновое блюдо, на котором лежала какая-то масса странной на вид соли, сверкавшей бледно-зеленым фосфорическим блеском. Фосфорический луч этого странного вещества осветил меня на мгновение, затем Скерменхивер швырнул блюдо в океан, и волны с легким шипением поглотили его. В последний момент проблеска вернувшегося сознания он схватил меня за руку и хриплым голосом крикнул:

— Уйдите отсюда! Бегите, не теряйте ни минуты! Это простоит всего несколько секунд!

Его бессильные пальцы соскользнули с моей руки, укаывая на палубу судна, на которой мы стояли, и он упал к моим ногам. Я нагнулся. Он был мертв...

Объятый ужасом, овладевшим мной при виде этого распростертого бездыханного тела среди воцарившегося вокруг зловещего молчания, я кинулся в ялик и, изо всех сил работая веслами, направился к берегу. Едва успел я вступить на землю, как позади меня раздался оглушительный грохот взрыва. Обернувшись, я увидел, что пловучая лаборатория разлетелась в куски и ее пылавшие обломки мгновенно скрылись под водой.

Прошло больше месяца тягостного, жуткого одиночества; наконец, яхта пришедшая в назначенный срок, забрала меня, и я вернулся в Америку.

Последующие события всем известны. Одна за другой останавливались огромные станции Скерменхивера, так как секрет восстановления иссякающей энергии магнита был известен только ему одному. Были сделаны бешеные попытки вновь открыть тайну и вдохнуть жизнь в богатую океанскую промышленность, которая теперь была парализована. Не было недостатка в догадках относительно состава таинственных элементов, бывших причиной ужасной смерти Скерменхивера, пока, наконец, всеми авторитетами не было признано, что ему удалось извлечь из недр океана в значительном количестве какие-то неведомые редкие химические элементы — это и было, без сомнения, зеленоватое вещество на платиновом блюде, — которые миллионы лет тому назад, когда Земля представляла сплошной океан, зародили жизнь первого существа.

Боб Олсен

ХИРУРГИЯ ЧЕТЫРЕХ ИЗМЕРЕНИЙ

Продолжительная безработица ребром поставила передо мной вопрос о том, из каких средств я буду оплачивать свою комнату и стол. Мои попытки приискать себе работу по специальности механика-конструктора терпели хроническую неудачу. Попробовал было я «делать доллары» помещением статей и рассказов в научных журналах, но это был источник ненадежный и неполноводный.

Во время одного из моих «писаний» вошла моя хозяйка и подала карточку, на которой я прочитал, едва веря своим глазам: «Пауль Мейер, д-р медицины. Мейеровская клиника, Винчестер».

Кто не слышал о докторе Мейере, главе и совладельце клиники братьев Мейер, прославившейся столькими чудесами хирургии?

— Просите сейчас же сюда! — радостно сказал я хозяйке.

— А второго господина тоже позвать? — спросила она с глупым недоумением.

— Разве с ним пришел кто-нибудь?

— Да, только он не назвался.

— Зовите, зовите обоих!

Вошел доктор Мейер со своим спутником — и я был поражен второй неожиданностью. Раньше, чем он успел представить мне гостя, я протянул руку и перебил:

— Профессора Баннинга я ведь хорошо знаю. Он, вероятно, не помнит меня, но три года назад я слушал у него лекции по высшему анализу.

— Ну, и я вас отлично припоминаю, — ответил профессор, хотя я заподозрил, что это было им сказано только из вежливости. — И, по праву старого знакомого, позвольте представить вам доктора Пауля Мейера.

— Поверьте, что я чрезвычайно польщен вашим посещением, — сказал я, и сказал это от всего сердца.

Если вы следите за математикой, то имя профессора Баннинга вам должно быть так же известно, как и имя доктора Мейера. Каждый из этих двух ученых в своей области стоит на вершине лестницы. Профессор — авторитет по части неевклидовой геометрии и геометрии четырех измерений; в этих областях он остается непревзойденным. Тем не

менее, он известен только сравнительно тесному кругу математиков-специалистов. Начав изучение четвертого измерения несколько десятков лет назад, он выработал формулы и сконструировал модели четырехмерных предметов, оставляющие далеко позади себя все, что до сих пор было осуществлено в этой области.

Легко представить себе, какое смущение чувствовал я, принимая столь знаменитых ученых в своей убогой обставленной комнатухе.

Доктор Мейер заговорил первым.

— Насколько я понимаю, — начал он, — вы по специальности механик-конструктор? И вы автор некоторых статей в одном из известных научных ежемесячников? (На оба вопроса я утвердительно кивнул головой). Дело вот в чем. Нас побудило разыскать ваш адрес и прийти сюда сопоставление вашей профессии, с одной стороны, и идеи, высказанной вами в вашей статье о «четырехмерном ротационном станке», — с другой. Вы сказали, что *если бы можно было совершать движение в пространстве четырех измерений — хирург мог бы сделать операцию, хотя бы аппендицита, не надрезая даже кожи пациента*. Вы высказали эту идею по наитию вашей фантазии, как мысль, теоретически обоснованную, но все же неосуществимую, не правда ли?

— Конечно.

— А вот профессор Баннинг утверждает, что это вполне возможно! Впрочем, пусть лучше он сам расскажет вам остальное.

И слово было передано профессору:

— Несколько дней назад я отправился в Винчестер и поступил под врачебное наблюдение доктора Мейера. Последнее время мне не дают покоя желчные камни, и мне сказали, что если помощь возможна, то ее надо искать только в лечебнице братьев Мейер. После осмотра мне стали советовать отказаться от операции. Преклонные годы, ослабленная деятельность сердца — где тут выдержать такую серьезную операцию! Едва ли есть один шанс из ста. Вот тут-то я и указал доктору Мейеру то место вашей статьи, кото-

рое он только что привел. Изложив ему вкратце теорию сверхпространства, я спросил его, возможна ли такая операция с медицинской точки зрения, при условии, что вся математическая сторона, как и механическая, будет выполнена безукоризненно.

Доктор уверил меня, что если я снабжу его инструментами, имеющими четырехмерное протяжение и, следовательно, могущими двигаться в пространстве четырех измерений, он берется выполнить любую, самую сложную операцию, не прибегая к надрезыванию кожи и тканей оперируемого. Естественно, что в настоящий момент меня больше всего интересует вопрос, нельзя ли удалить мои проклятые желчные камни, минуя потрясение и опасное напряжение организма, связанное с этой операцией в обычных условиях. Эти камни стали положительно не давать мне покоя; рано или поздно они угрожают мне. А освободившись от них, я мог бы надеяться, что жизнь моя продлится еще несколько лет. Эти несколько лет я мог бы посвятить на изготовление целого набора четырехмерных хирургических инструментов, которые избавили бы человечество от неисчислимых страданий.

Почему же мы пришли к вам? — спросите вы. Беда наша в том, что ни я, ни доктор Мейер не имеем сноровки в механическом конструировании. Вы же, судя по всему, что нам удалось узнать, опытный механик. Мало того: нас привлекла высказанная вами на страницах научного журнала идея. Это верный залог того, что вы лучше, чем кто-либо другой, поможете нам в изготовлении некоторых четырехмерных хирургических инструментов. Возьметесь вы за это дело?

— Не знаю, право, что и сказать, — пробормотал я. — Конечно, я немного знаком с четвертым измерением; но то, что вы мне сейчас сказали, выходит из рамок моих познаний.

— Не лучше ли, если я поясню более детально?

— Буду очень рад.

— Лучше всего вы получите элементарное представление о возможностях сверхпространства, если прибегнете к ана-

логии, сравнивая, например, характеристики трехмерных предметов со свойствами обитателей пространства, обладающих только двумя измерениями — и даже одним.

Представьте себе существо вроде очень тонкого червяка, настолько тонкого, что его толщиной в ширину и в высоту можно пренебречь; у него будет только длина. Вот пример одномерного существа, иногда называемого «унодимо́м». Такой унодим мог бы двигаться вперед по прямому направлению или назад опять-таки по прямой линии, но был бы абсолютно лишен возможности двигаться вправо или влево, вверх или вниз. Чтобы лишить свободы подобное существо, вам стоило бы только положить одну песчинку впереди него и одну позади — оно не смогло бы свернуть в сторону или податься вверх, чтобы миновать препятствие.

Теперь придадим мысленно еще одно измерение — ширину. У нас получится плоскотелое существо, «дуодим». В природе можно найти некоторое подобие такого существа, стоит только представить себе совершенно плоскую черепаху или камбалу. Но всякая черепаха имеет весьма ощутительную толщину, тогда как наше воображаемое «плоскотелое» должно быть тоньше тончайшего листа бумаги или золота.

Движения такого существа должны были бы происходить только в одной плоскости. Оно могло бы двигаться вперед и назад, вправо и влево, но только не вверх и не вниз. Чтобы приковать его к месту, вам достаточно было бы очертить около него круг карандашом, и «плоскотелое» не смогло бы выбраться за периферию — разве только, если ему удалось бы пробить брешь в черте из графита.

Предположим теперь, что внутри окружности находились бы два таких существа, а третье, *трехмерное* существо, вроде меня или вас, взяло бы одно из «плоскотелых» и, сообщив ему движение в пространстве трех измерений, поместило бы его вне круга. Оставшемуся дуодиму исчезновение его товарища казалось бы совершенно необъяснимым. И если бы ему удалось прорваться сквозь карандашную черту и найти второе плоскотелое в той же плоскости, но вне окружности, оно было бы совершенно озадачено: как это его товарищ умудрился туда попасть?

Если допустить, что могут быть на свете существа четырех измерений, то любому из них было бы так же легко перенести хотя бы вас из этой комнаты, не открывая ни окна, ни двери, как вам легко было бы перенести дуодима за карандашную черту. По-видимому, таких существ нет, но мы зато сами можем совершать подобные чудеса посредством соответствующих механических приспособлений.

Вернемся еще раз в страну плоскотелых, где все предметы обладают только двумя измерениями. Теоретически мы можем представить себе подобные предметы, но в окружающей нас жизни они не существуют.

— Простите, профессор, — перебил я его, — мне кажется, я могу указать вам на пример двухмерного предмета. Как-то я слышал радиолекцию одного знаменитого научного популяризатора, который сравнил двухмерный предмет с тенью. Ведь очевидно, что тень, имея длину и ширину, не имеет толщины.

— Это прекрасная иллюстрация, — сказал профессор Баннинг, — только нашему научному лектору следовало бы вместо слова «тень» употребить выражение «проекция тени». Под словом «тень» надо понимать все пространство, куда свет не допускается затеняющим предметом; поэтому тень, хотя и не может быть ошупана, но несомненно имеет три измерения. Я рад, что вы привели мне эту аналогию, потому что она великолепно помогает осветить затронутый мною вопрос.

Рассмотрим тень, падающую от круглой серебряной монеты. Предположим, что лучи света параллельны друг другу и перпендикулярны к плоскости монеты и к совершенно плоской стене, на которой проектируется тень. Последняя изобразится на стене в виде темного кружка, имеющего только два измерения, но сама тень будет цилиндром, одним основанием которому служит монета, другим же — проекция тени на стене, а высота цилиндра будет равна расстоянию от монеты до стены.

Если вы поместите кусок плоского картона параллельно монете в любом месте между нею и стеной, на картон упадет двухмерная проекция. Это доказывает, что трехмер-

ная цилиндрическая тень в действительности состоит из бесконечного числа кругообразных проекций, из которых ни одна не имеет поддающейся измерению толщины.

Но едва ли можно рассматривать тень, как существующий сам по себе материальный объект, хотя Питер Пэн буд-то бы и потерял свою тень. Есть еще и немецкое сказание о другом Петре — о Петре Шлемиле, который продал свою тень дьяволу. В этой прелестной сказке Адальберта Шамиссо его сатанинское величество скатывает тень в трубку, как кусок обоев, и уносит ее под мышкой. Нечего и говорить, что все это чистейшие фантазии.

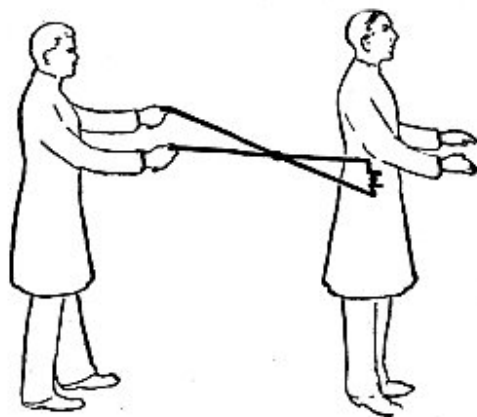
Чтобы наше «плоскотелое» действительно могло существовать, оно должно состоять из молекул вещества, а это уже само по себе выдвигает необходимость хоть какой-нибудь толщины, — пусть даже в одну миллионную долю толщины самого тонкого листка золота — то есть, тончайшего из известных нам и поддающихся осязанию предметов. По сравнению с длиной и шириной нашего предмета такая ничтожная толщина практически равнялась бы нулю. Однако, мы можем представить себе, что, накладывая друг на друга эти предметы в очень большом числе, мы достигнем некоторой толщины, которую можно будет измерить — подобно тому, как мы представляем себе трехмерную тень состоящей из бесконечного числа двумерных предметов.

Далее, допустим, что три плоскотелых существа оказались достаточно умственно развитыми, чтобы *думать* в пространстве трех измерений и представлять себе возможность движения в трехмерном пространстве. «Дуодим» № 1, будучи математиком, рисует чертеж какого-нибудь трехмерного предмета, хотя бы цилиндра, наподобие того, как художник на совершенно плоском листе бумаги создает картину пространственных предметов.

Предположим также, что дуодим № 2, опытный механик, на основании этого чертежа вырезывает очень большое число кружков из какого-нибудь материала — разумеется, чрезвычайно тонкого — и накладывает круги один на другой, пока у него не получится цилиндр. От этого уже только один шаг, чтобы изготовить два прута, скрепить их по-

середине в виде щипцов и придать им надлежащий изгиб с тем, чтобы дуодим № 3, который умеет превосходно манипулировать инструментами, получил возможность перемещать различные неподалеку расположенные предметы в той же плоскости. Быть может, схематический чертеж делает мою мысль более ясной.

И профессор, взяв карандаш и бумагу с кухонного стола, служившего мне для письменных занятий, быстро набросал рисунок.

— Простите меня, — вставил я. — Но я боюсь, что в вашей теории есть серьезный недочет. Для того, чтобы ухватить какой-нибудь предмет таким приспособлением, ваше плоскотелое должно само двигаться в трехмерном пространстве, а согласно нашей предпосылке, это невозможно.

— Совершенно правильно, — согласился профессор. — Мой эскиз вовсе и не претендовал на достоинство точного и практически осуществимого чертежа, а должен был только служить иллюстрацией моей идеи. Однако, при ваших познаниях в механике разве вам трудно было бы сконструировать такую систему, посредством которой движение в известной плоскости могло бы быть преобразовано в движение под прямым углом к этой плоскости? Согласитесь, что это вполне осуществимо.

Я должен был признать его правоту.

— Отлично. Пока нам нужно только сконструировать аналогичное приспособление, которое имело бы протяжение в пространстве четырех измерений, и тогда доктор Мейер сможет удалить из моей печени камни без всякого потрясения для моего организма.

— Но откуда я узнаю, какова должна быть внешняя форма четырехмерных клещей или щипцов?

— Предоставьте это мне. Как «плоскотелый» математик мог бы начертить на плоской бумаге свой рисунок трехмерного предмета, так и я, пользуясь трехмерными проекциями, могу сконструировать модели, которые наглядно покажут вам внешний вид и все характеристики четырехмерного предмета. Это только кажется таким сложным, а на деле гораздо проще. Дайте мне десятилетнего, нормального в умственном отношении ребенка, и я посредством небольших пояснений и некоторых наводящих вопросов заставлю его указать все признаки четырехмерного куба. Сейчас я поясню, в чем дело.

Он снова взял карандаш и разграфил бумагу.

— Проследите за следующим построением. Вы передвигаете точку на некоторую единицу длины, скажем, на один сантиметр. Получилась линия или ребро в один сантиметр длиной. Затем вы движете эту линию на один сантиметр под прямым углом к ней — и получаете квадрат, площадь которого равна одному квадратному сантиметру. Далее вам нужно передвинуть квадрат на один сантиметр по направлению, перпендикулярному к его ширине и длине, и у вас образуется куб в один сантиметр длины, в один сантиметр ширины и в один сантиметр высоты. Теперь остается только передвинуть куб на расстояние одного сантиметра в направлении которое было бы перпендикулярно к его длине, ширине и высоте и не было бы параллельно ни одному из его трех измерений, — и у вас готов сверхкуб, выраженный в единице метрической системы.

Посмотрим же внимательнее, каковы характеристики этого сверхкуба. Прежде всего, мы знаем, что у куба, с которого мы начали, сколько вершин?

— Восемь.

Он записал эту цифру в разграфленную таблицу.

— А ребер?

— Двенадцать.

Он записал и это.

— Сколько граней?

— Шесть.

— Теперь, если мы будем двигать куб, то новые вершины образовываться не будут, но по окончании операции у нас будет второй куб с восемью углами, следовательно, в итоге сколько углов будет в нашей фигуре?

— Шестнадцать..

— Правильно. А каждая вершина при движении в пространство образует что?

— Прямые линии.

— А сколько было вершин в кубе при начальном его положении?

— Восемь.

— Следовательно, при движении должны возникнуть восемь линий или ребер. Если мы добавим двенадцать ребер в образующем кубе и двенадцать, принадлежащих кубу в его конечном положении, сколько у нас будет всего?

— Тридцать два ребра.

— Перейдем к граням. При начальном положении куба у нас было шесть граней, при конечном его положении еще шесть. Могут получиться у нас еще какие-нибудь?

— Обязательно. Каждое ребро при движении должно образовать квадрат; ребер было двенадцать, следовательно, при движении должно возникнуть двенадцать новых квадратов. Шесть да шесть, да двенадцать — всего должно быть 24 грани.

— Я вижу, что вы великолепно улавливаете мою идею. Посмотрим, скажете ли вы, сколько в свёрхкубе должно быть кубов.

— Попробую подсчитать. В начале движения один куб, в конце движения еще один. Кроме того, каждая грань должна образовать куб. Шесть да два — восемь.

— Правильно! — сказал математик и, вписав последнюю

цифру, передал мне таблицу, на которой получилось следующее:

	К о л и ч е с т в о :			
	при началь- ном положи- нии куба.	добавив- шееся вслед- ствие движе- ния.	при конеч- ном положи- нии куба.	в сверх- кубе.
Точек (углов) . . .	8	0	8	16
Линий (ребер) . . .	12	8	12	32
Граней (квадратов) .	6	12	6	24
Тел (кубов)	1	6	1	8

— Вы теперь видите сами, как это просто. Нам нужно только сконструировать предмет, ограниченный восемью кубами, двадцатью четырьмя квадратными гранями, тридцатью двумя ребрами и шестнадцатью углами, — и у нас получится четырехмерный куб, или сверхкуб.

Так как любой предмет может быть разделен на части, каждая из которых представляет то или другое геометрическое тело, и так как я берусь разработать характеристики четырехмерного аналога любого геометрического тела, то нет большой трудности в конструировании какого угодно предмета таким образом, чтобы он вмел протяжение в пространстве четырех измерений.

— Вы согласны помочь нам практически осуществить эту идею? — спросил молчавший до этого времени доктор.

Я колебался.

— Неужели вы думаете, что в этом может быть что-нибудь опасное? — спросил доктор. — Подумайте, молодой человек, какой случай представляется вам быть полезным человечеству. Сколько жизней можно спасти и продлить, сколько счастья посеять среди людей! А если бы даже и была опасность? Ведь вы же не семейный?

Я сдался. Да и как можно было поступить иначе?

В тот же день я уложил свою небольшую «движимость» в чемодан и в сопровождении доктора Мейера и профессора

Баннинга занял место в одном из вагонов экспресса, отходившего по западной линии.

Местом для осуществления предполагаемой работы был выбран Винчестер по самым логическим основаниям. Мне было все равно, куда ехать. Профессору Баннингу география места была тоже безразлична. Он только что получил отпускной год и предполагал целиком посвятить его разработке четырехмерной хирургии.

Что же касается доктора Мейера, то он продолжал нести тяжелое бремя ответственности в связи с клиникой, которой он заведовал. Не было никакой необходимости отрывать его от его плодотворной деятельности, но мастерская должна была находиться поближе к нему, чтобы всегда можно было его вызвать для консультации.

Нам отвели участок госпитальной земли, и подрядчик тотчас начал возводить небольшое строение мастерской. Мы с профессором Баннингом сообща приготавливали чертежи и наблюдали за строительными работами. До окончания постройки я заблаговременно постарался заказать все необходимые материалы, машины и иное оборудование.

Когда я оглядываюсь теперь на эти месяцы, проведенные мной за работой плечом к плечу с одним из величайших ученых, когда-либо живших, я убеждаюсь, что самым лучшим воспитанием является то, которое основано на общении с людьми, стоящими на высшей интеллектуальной ступени.

Профессор Баннинг оказался обаятельным и интереснейшим собеседником. Если нам случалось работать одновременно над какими-нибудь деталями, требовавшими от нас чисто механического труда, мы принимались рассуждать о предметах, так же далеко отстоящих от математики или техники, как Вашингтон от Тимбукту. Едва ли нашлась бы такая тема, при затрагивании которой профессор не умел бы выказать себя образованнейшим человеком. Его замечания поражали не только глубиной знания, но и умением сразу подойти к самой сути вопроса. О чем бы мы ни говорили — о литературе, архитектуре, музыке, философии, антропологии, филологии, физике, рекламе, юриспруденции

— всегда он был как в своей родной стихии. Я слушал его во все уши, стараясь впитать в себя эту мудрость, как губка впитывает воду.

Наши совместные старания понемногу подвигали работу вперед, и четырехмерные щипцы начинали уже принимать конкретные очертания. Если вы примете во внимание, что, как трехмерное геометрическое тело ограничено двухмерными поверхностями, так четырехмерный предмет должен быть ограничен трехмерными геометрическими телами, — то вы получите некоторое представление о внешности этих «сверхщипцов». Например, те части, которые для обыкновенных щипцов предполагаются цилиндрическими, в настоящем случае надо представить себе состоящими из тысяч небольших шариков, сгруппированных наподобие гроздей мельчайшего винограда. Но не надо забывать, что эти шары ни в коем случае нельзя помещать один рядом с другим, один над другим или один впереди другого. Известный в математике авторитет назвал четвертое измерение «сквозным», чтобы этим термином навести на мысль, что части проходят, проникают сквозь другие. Такое взаимоотношение отдельных частей, составляющих четырехмерный предмет, принадлежит к самым неудобоваримым угощениям для человеческого ума. Я должен сознаться, что без помощи моделей и формул профессора Баннинга мне ни за не удалось бы сконструировать эти четырехмерные щипцы.

Однажды профессор пожаловался на свое нездоровье.

— Сегодня мне что-то не работается. Видно, старый кузов мой сильно износился. Опять эти проклятые боли. Сегодня я пошашу. Вы обойдетесь без меня.

Я ответил, что вся часть работы, требовавшая его непременного участия, в сущности, окончена. Сверхщипцы нуждались только в некоторой чисто механической отделке, с которой я вполне мог справиться один.

С этого дня здоровье профессора Баннинга заметно пошатнулось.словно наэлектризованный могучим током, он выдержал целые месяцы, мечтая о заданной цели, — и вдруг прервался, и дряхлое ослабевшее тело сдало под натиском

старости и недуга.

Чувствуя, что необходимо «гнать во всю», я принялся работать с каким-то остервенением, оставаясь в мастерской чуть не до рассвета, обедал наспех и ложился соснуть часа на два.

Наконец «сверхщипцы» были закончены. В общем, по внешнему виду они походили на обыкновенные хирургические щипцы и главная разница была в том, что они были не гладкие, потому что вся поверхность их состояла из тысяч мельчайших геометрических тел. По существу же бросалось в глаза то отличие, что рукоятка их была двойная, то есть была снабжена двумя парами отверстий для продевания пальцев. Губы же щипцов были ординарные, как и в обыкновенном хирургическом инструменте, но приводились в движение и той и другой системой рукояток, а также и их одновременным действием. При одновременном действии обеих пар рукояток щипцы действовали совершенно так же, как обычные трехмерные щипцы хирурга. Но стоило отделить правую пару рукояток от левой, и можно было управлять особым механизмом, который заставлял губы щипцов двигаться под прямым углом к каждому из трех измерений нашего пространства — короче говоря, двигаться в четвертом измерении. Все это было предварительно теоретически вычислено с такой тщательностью и точностью, что я не сомневался в успешном действии инструмента. Впрочем, за время работы я ни разу не решился подвергнуть его испытанию.

Между нами было условлено, что первым попробует манипулировать при помощи этих щипцов в четырехмерном пространстве не кто другой, как доктор Мейер, и я очень охотно уступил ему эту честь. Хотя щипцы были так же прочны и жестки, как и любой подобный же трехмерный предмет, я обращался с ними так осторожно, как будто передо мной был бокал из тончайшего стекла, наполненный до краев нитроглицерином.

Принеся готовые сверхщипцы в комнату профессора Баннинга, я послал сиделку за доктором Мейером. Тот не заставил себя ждать. В больничном халате и колпаке, кото-

рых он не успел снять после только что оконченной операции, доктор вошел в комнату профессора.

Решили испытать щипцы тут же, на месте. Выбрали для первого опыта неодушевленный предмет. Доктор Мейер взял со стола склянку с лекарством, вынул пробку и вылил содержимое в умывальник. Потом он достал из кармана карандаш, сорвал с него укрепленный на конце кусочек резины, опустил резину в склянку и снова закупорил пробкой.

— Попробую достать из бутылки резину, не вынимая пробки, — сказал он и поставил склянку на стол.

Я протянул ему щипцы. Он продел концы большого и указательного пальцев правой руки в правую пару рукояток, пальцы левой руки таким же образом продел в левую пару и начал медленно приводить в движение механизм, служивший для превращения движения в четырехмерном пространстве в соответствующее движение по направлению, перпендикулярному к нашим трем измерениям.

Как я ни был подготовлен к самому неожиданному зрелищу, но я был как громом поражен, когда щипцы по частям как бы начали таять в воздухе, так что, наконец, на виду остались только рукоятки.

Управляя инструментом исключительно наугад, доктор приблизил его к склянке настолько, чтобы невидимые губы щипцов пришлись как раз внутри нее. Затем он сблизил обе пары рукояток. Как по волшебству, внутри бутылки появились губы щипцов, но они казались висящими в воздухе без всякой видимой связи между ними и рукоятками. После этого нетрудно уже было придать рукояткам надлежащее положение, чтобы захватить щипцами резинку. Раздвинув снова обе пары рукояток, доктор заставил резинку совершенно скрыться из вида, после чего он отдернул щипцы к себе и вторично сблизил рукоятки. В течение нескольких секунд резинка была вынута сквозь сплошную стенку бутылки и брошена на стол!

— Удалось! удалось! удалось! — кричал профессор пронзительным голосом. Он вскочил и принялся подпрыгивать на кровати; преуморительна была его фигура, когда он чуть не кувыркался в своей фланелевой ночной сорочке.

Доктор Мейер тоже был вне себя от восторга. Он хлопал в ладоши и приговаривал: «Вот это да! вот это да!»

— Не можете ли вы оперировать меня сейчас же? — было первым вопросом профессора, когда он пришел в нормальное состояние.

— А что? Или боли настолько усилились?

— Нет. Говоря по правде, сейчас мне кажется, что они даже совсем превратились. Но я никак не могу дождаться, чтобы вы поскорее попробовали сверхщипцы на мне.

— Поскольку дело не идет еще о жизни и смерти, я предпочту предварительно произвести ряд проб и приобрести побольше практики раньше, чем приступлю к операции над вами, — сказал доктор с присущей ему осмотрительностью. — Мне теперь хотелось бы извлечь какой-нибудь невидимый для меня предмет, вроде орехового ядра.

— У меня есть каленые орехи, — сказал я.

— Как раз то, что мне нужно! — сказал доктор.

И сверхщипцы заработали снова. На этот раз процедура извлечения отняла несколько больше времени — доктору Мейеру необходимо было действовать ощупью, пока он не почувствовал, что ядро зажато губами щипцов. В конце концов ему это удалось, и он положил ядро перед нашими глазами на стол.

Я, как «Фома неверный», не удовлетворился, пока не осмотрел совершенно нетронутую скорлупу и не потряс ее возле уха. Нет, ничто не болталось внутри, легкость оболочки служила вторым доказательством, что чудо извлечения ядра без нарушения целостности наружной коры осуществилась блестяще.

— Теперь произведем опыт над живым существом, — воскликнул доктор. — Пойдем ко мне в лабораторию. Сейчас мы произведем интереснейший эксперимент над моим пациентом.

Профессор Баннинг накиннул на себя купальный халат, надел туфли, и мы отправились в лабораторию. «Пациент» доктора Мейера оказался «Вильгельмом» — тогтенбергским козлом, которого он предназначал для некоторых медицинских опытов.

— Вот прекрасный случай проверить ходячее мнение об универсальности козлиного аппетита, — шутливо приступил к делу Мейер. — На этот раз воспользуемся моими икс-лучевыми окулярами. Вы их видали?

Мы покачали головами.

— Ничего особенного в них нет. Тот же принцип, что и в флуоресцирующем экране, только для удобства системе придана форма наглазников. Я пользуюсь ими, когда работаю за этим специального устройства операционным столом. Вот здесь, видите, пристроена рентгеновская трубка, расположенная так, что X-лучи проходят сквозь тело, лежащее на столе.

Доктор поднял Вильгельма, перенес его на стол и привязал ремнями. Потом он включил контакт, приводивший в действие рентгеновскую трубку, и надел окуляры. А чтобы и мы могли наблюдать опыт, он снабдил и нас такими же флуоресцирующими наглазниками.

Мы сразу увидели, что в желудке козла были какие-то посторонние предметы. Доктор Мейер взял сверхщипцы и начал манипулировать рукоятками. Инструмент снова исчез из глаз, за исключением рукояток. Но на этот раз доктору Мейеру, по-видимому, не так-то легко удалось придать щипцам надлежащее положение.

— Вот странно! — воскликнул он. — Какое-то совершенно особенное ощущение. Точно наталкиваешься или на легко уступающую среду или, напротив, на сильный встречный поток воздуха или воды. Посмотрите — вот в этом направлении движение совершается совершенно легко. Но мне приходится напрягать все свои силы, чтобы сообщить щипцам движение в обратную сторону.

Рядом самых осторожных манипуляций, при значительной затрате мускульного труда, доктор добился, наконец, того, что сверхщипцы приняли надлежащее положение. Тогда он сомкнул обе рукоятки — и в этот момент губы щипцов появились на экране в роли трехмерного предмета в желудке козла. Затем он по очереди извлек следующую коллекцию: железный болтик, три гонтовых гвоздя, вентиляционный колпачок от автомашины, мраморный шарик и две

французских булавки. Во время всей операции козел не переставал выводить свое «мэ-ээ! мэ-э! мэ-э!». Но, очевидно, не испытывал никакой неприятности, когда четырехмерные щипцы копошились в его внутренностях.

— Ну вот — какое вам еще нужно доказательство, что щипцы действуют без отказа, — сказал после этого профессор Баннинг. — Теперь остается только испробовать их на моих печеночных камнях. Я голосую за то, чтобы мы сделали это сейчас же.

Доктору Мейеру, видимо, тоже не терпелось приняться за самый решающий опыт.

— Да будет так, — согласился он. — Но только надо послать за моим братом. Хотя я и не опасаясь никаких осложнений, а все-таки лучше, если при операции будет присутствовать и второй хирург.

Доктор Джулиус Мейер пришел сразу же. Он уже раньше достаточно подробно слышал от брата про четырехмерные щипцы, и дополнительные объяснения поэтому заняли самое короткое время.

— Не надо ли каких-нибудь особых приготовлений? — осведомился пациент.

— Едва ли в этом есть необходимость. Но, конечно, я должен стерилизовать сверхщипцы. Кроме того, держите наготове банку с эфиром, Джулиус, — на всякий непредвиденный случай. Впрочем, судя по тому, как вел себя козел, я уверен, что нам и это не понадобится.

Профессор Баннинг, как был, в сорочке и халате, улегся на операционный стол. Доктор Пауль Мейер включил Х-лучи и вооружился флуоресцирующими окулярами.

Приступив к управлению сверхщипцами, он опять указал на трудность, с которой инструмент передвигался в одном определенном направлении, в то время как в других направлениях манипуляции совершались без малейшего труда. Однако, ему удалось ввести губы щипцов внутрь тела пациента, где мы могли отчетливо видеть их при помощи наших икс-лучевых очков. После неоднократных попыток он водворил конец щипцов внутри желчного пузыря, где смутно вырисовывались коварные желчные камни. Все это вре-

мя профессор вполне сознавал все происходившее.

— Чувствуете боль?—спросил хирург.

— Никакой.

— Какое-нибудь особенное, необычное ощущение?

— Пока — ничего. Ой-ой! вот сейчас кольнуло. Впрочем, не слишком сильно.

— Да, я слегка ущипнул вашу печень, — объяснил доктор.

Вот тут-то и случилось ужасное. Внутренности профессора Баннинга, которые мы все время наблюдали посредством X-лучей, вдруг как будто растаяли. Еще несколько секунд — и ребер его не стало видно. В то же мгновение доктор Мейер вскрикнул с отчаянием:

— Меня что-то тянет!

Я сбросил окуляры и подскочил к нему.

— Не могу ли я помочь вам?

— Нет — отойдите подальше! Что это?.. посмотрите на мои руки!

У меня кровь застыла в жилах! Его руки были как будто отрезаны до локтей. Остальная часть рук исчезла вместе с рукоятками щипцов!

Кинув взгляд на профессора Баннинга, я к ужасу своему увидел, что последние остатки очертаний его тела растаяли, как облако.

Тем временем, и плечевые части рук доктора Мейера, так же, как и часть его груди, «растаяли». Брат кинулся к нему и обхватил его около пояса, как будто хотел оттащить его назад. Но это было все равно, что ловить руками клубы дыма. Последние слова, сказанные доктором Паулем Мейером, были: «Умоляю!.. пустите, не поможет!..» Со стоном отчаяния брат выпустил его из своих объятий. Еще секунда — и не осталось и следа ни от доктора П. Мейера, ни от профессора, ни от сверхщипцов...

Мы с Джулиусом Мейером смотрели друг на друга, оцепенев от ужаса. На его лице я читал отражение тех же ощущений и потрясений, которые так мучительно переживал я сам, — скорбь, недоумение, тревогу и — сильнее всего — чувство животного страха.

Он первым прервал молчание.

— Что же теперь делать?

— Надо дать знать полиции, — пробормотал я.

— Нет! Не делайте этого. Может быть, это еще преждевременно. Посмотрим, не сможем ли мы своими средствами чем-нибудь помочь. Вы лучше меня знакомы с обстоятельствами этой злополучной четырехмерной затеи. Посоветуйте что-нибудь.

— Может быть, они все еще в этой комнате, но только стали невидимками, — предположил я.

На основании этой гипотезы мы обошли всю комнату, ощупывая каждый ее уголок. Не ограничиваясь этим, мы поставили стул на снабженные колесами носилки, на которых обычно доставляют в операционную больных, и я тщательно обследовал потолок, между тем как Мейер транспортировал меня с места на место.

Я должен был знать всю бесполезность этой процедуры, так как существо, проникшее в пространство четырех измерений настолько, что оно перестало быть видимым, конечно, делалось столь же недостижимым, сколь оно было невидимым. Но все-таки в подобном страшном и критическом положении лучше было предпринять хоть что-нибудь, чем оставаться бездеятельным. Промучившись около часа, мы должны были признать свою беспомощность. Теперь нам понятны были чувства моряка, который знает, что на многосажженной глубине под килем его корабля тридцать храбрецов медленно умирают ужасной смертью в выведенной из строя субмарине — и совершенно бессилен помочь им.

Наконец Джулиус Мейер потерял всякую надежду.

— Мне кажется, — сказал он, — теперь ничего больше не остается, как сообщить в полицию. Но чувствую, как трудно нам будет объяснить обстоятельства исчезновения моего брата и профессора Баннинга.

— Раз дело принимает официальный оборот, — сказал я, — то пойду хоть переоденусь.

Действительно, на мне еще была моя обычная спецодежда — блуза и рабочие брюки.

Предоставив Джулиусу Мейеру заботы о формальном извещении «властей», я отправился в мастерскую, где остался мой выходной костюм.

Как только я вошел в помещение, где я в совместной работе с старым профессором провел столько незабвенных недель, меня охватило какое-то странное чувство боязни — вроде того ощущения, которое испытывает суеверный человек, внезапно увидевший перед собою кладбище. Во мне пробудилось какое-то таинственное сознание, что кто-то, кого я не могу ни видеть, ни слышать, находится в комнате.

Вдруг мое внимание остановилось на происшедшей необычайной перемене. С лампой, служившей нам во время вечерних и ночных работ, произошло что-то необъяснимое: провод, на котором она висела, оказался отведенным в сторону, так что он принял почти горизонтальное положение, а стеклянный шар с абажуром висел в пространстве вопреки всяким законам тяготения. Ища глазами объяснение этого чуда, я вдруг увидел как бы прилепившийся к проводу предмет, в котором я сейчас же узнал кончик сверхщипцов!

Если раньше я был достаточно напуган, то тут меня охватил поистине несказанный ужас. Мурашки забегали у меня по телу и волосы взъерошились, как «злого дикобраза плащ колючий».

Первый мой порыв был малодушен — конечно, он был внушен всеобщим, но зачастую вовсе не благородным инстинктом самосохранения. Я хотел бежать, звать на помощь... взвалить на кого-нибудь другого опасную задачу спасения этих двух людей, которые в эту минуту висели в сверхпространстве, держась за две тонких нити электрического провода, который один только связывал их с землей.

Не могу в точности сказать, что заставило меня остаться, но думаю, что причиной было мое искреннее чувство привязанности к профессору Баннингу. Во многих отношениях он держался со мной, как отец с сыном, и для меня, никогда не знавшего родительской ласки, это уже было очень много.

Что надо действовать быстро и что я не успею никого позвать на помощь, было слишком очевидно. Легко было заметить, что провод ежесекундно может оборваться от такого чрезмерного натяжения, и уже злоеший треск предупредил меня, что один из винтов, которым арматура была привинчена к потолку, начал сдавать.

Человеку, никогда не претендовавшему на такие достоинства, как храбрость и присутствие духа, надо было сосредоточить всю свою волю, чтобы сделать то, что я сделал. Мог ли я быть уверен, что меня не постигнет какая-нибудь ужасная судьба, как только я ухвачусь за щипцы? И хватит ли у меня силы втащить этих двух людей в наше пространство или же я сам буду увлечен в вечность подобно тому, как доктор Мейер был унесен на моих глазах?

Была не была! Не имея иного выбора, я вскочил на верстак, чтобы достать рукой до щипцов. У меня хватило предусмотрительности крепко уцепиться левой рукой за кожух большого механического дрели, а другую руку я протянул к сверхщипцам.

Едва я успел ухватиться за щипцы, как выскочил последний винт арматурной розетки, и не знаю, как у меня в руке не порвались сочленения, когда натяжение всей своей силой внезапно передалось мне. Но я выдержал, и немного погодя натяжение слегка ослабело. Мне казалось, что я держу бечеву огромного змея, пущенного при очень сильном ветре. Мало-помалу все большая и большая часть щипцов становилась видимой. И хотя я вполне предвидел, что должно было произойти в следующий момент, однако и сам я почти не верил своим глазам, когда увидел отдельную человеческую руку, крепко стискивавшую рукоять щипцов и как будто висевшую в воздухе. Сначала показалась только кисть руки, потом локоть, вся правая рука, плечо, торс и часть ноги... Я продолжал медленно, но упорно тянуть щипцы к себе. Вот, наконец, и голова доктора Мейера, он весь предстал передо мной, за исключением левой руки, которая продолжала оставаться невидимой.

Через некоторое время доктору Мейеру удалось зацепить ногой тиски, привинченные к верстаку, и эта добавочная

точка опоры значительно облегчила мою напряженную мускульную работу. Вскоре мы совместными усилиями втащили в наше пространство и профессора Баннинга, которого доктор крепко держал за руку.

Нужно ли говорить, как они были рады избавлению от ожидавшей их страшной перспективы и с каким ликованием я встретил этих двух путешественников, вернувшихся из таинственной страны сверхпространства!

Я, конечно, засыпал профессора Баннинга вопросами. Он ответил мне приблизительно следующее:

— Насколько я понимаю, часть «сверхщипцов», находившаяся в пространстве четырех измерений, была подхвачена потоком космической силы, настолько мощным, что не только весь инструмент, но и я вместе с доктором Мейером были увлечены им.

Конечно, мне придется затратить некоторое время, чтобы выработать строго научное объяснение всех этих обстоятельств, но на основании некоторых данных я пришел к предположению, что как только мы для вас исчезли из глаз, мы начали терять свою способность притягивать землю. Я потому так выразился, что, как вам известно, не только каждый предмет притягивается землей, но и притягивает ее.

Мы потеряли не всю свою силу притяжения, а только часть ее. Если бы мы потеряли ее совершенно, мы под действием центробежной силы вылетели бы в пространство, как камни, брошенные гигантской пращей. Пожалуй, наше положение можно было бы сравнить с состоянием куска железа, который сначала находился прямо против полюсов магнита, а затем был отодвинут несколько в сторону, так что линии магнитных сил расположились под другими углами и сами магнитные силы стали меньше.

Через несколько секунд мы заметили, что нас медленно относит от того места, где мы покинули пространство трех измерений. Я это объясняю тем, что скорость нашего движения слегка уменьшилась, между тем как скорость движения земли была прежняя. Наши тела беспрепятственно прошли сквозь стены госпитального здания. Хотя все окружающее было нам отчетливо видно, но все наши попытки

уцепиться за трехмерные предметы не приводили ни к чему. Все видимое — на ощупь оказывалось бестелесным, как газ. Наши тела казались нам почти прозрачными, и я мог свободно просунуть себе руку сквозь грудь, не ощущая никакой боли. В то же время я обнаружил, что, схватывая доктора Мейера за руку, чтобы не разлучаться с ним, я совершенно не осязал этого прикосновения. Другой рукой доктор Мейер продолжал держать сверхщипцы. И он хорошо сделал, что не выпустил их, иначе мы никогда не вернулись бы назад.

Еще немного времени спустя, мы оказались парящими через пространство мастерской. Было ясно, что, если нас так будет относить все дальше и дальше, то вскоре мы со всем останемся висеть в пространстве, между тем как земля помчится от нас прочь с головокружительной скоростью. Вот тут-то мне и пришлось в голову воспользоваться сверхщипцами, как средством к спасению. Действуя по моим указаниям, доктор Мейер уцепился щипцами за первый предмет, до которого смог достать. Это был электрический провод. Какое счастье, что вы вскоре пришли в мастерскую, — без посторонней помощи нам, по-видимому, было бы невозможно протиснуться назад в трехмерное пространство.

Все ли вам ясно и нет ли у вас еще каких-нибудь вопросов?

Последнюю фразу он неизменно произносил после каждой своей лекции перед студентами.

— Да, мне хотелось бы узнать еще одну вещь, — заявил я. — Как насчет ваших желчных камней?

— О, их теперь нет и в помине. Пока мы парили в сверхпространстве, я мог разглядеть все свое нутро, и мне эти камни были отчетливо видны. Я их все повинытаскивал собственноручно!

Эдвард Морфи

АСТРАГЕНОВЫЙ ЖИЛЕТ

Фантастический рассказ

Питер Геблин задумчиво сидел у камина, поджидая запоздалого возвращения своего соквартиранта и приятеля, Алоизия Мориарти. Когда тот, наконец, вошел в комнату, Геблин был так погружен в свои печальные размышления, что даже не оглянулся.

В таких, надо заметить, весьма частых случаях жизнерадостный ирландец имел обыкновение приветствовать Геблина веселым «Cheero!» (здорово), сопровождаемым изрядным ударом ладонью по плечу.

Однако на этот раз ни того, ни другого не последовало.

Мориарти бросился в кресло и издал протяжный стон.

Геблин очнулся и удивленно посмотрел на столь необыкновенное зрелище.

— Что это значит, Падди? — спросил он.

Все называли Мориарти Падди*, хотя прекрасно знали его настоящее имя.

— Ах, не спрашивай, — жалобно простонал он. — Она отвергла меня, и я решил перерезать себе глотку!

Это мрачное заявление произвело необычайный эффект: как по мановению волшебного жезла, тень отчаяния исчезла с лица Геблина.

— Слава Богу, Падди! — воскликнул он горячо. — Только не надо резать себе глотку: это совершенно бесполезно. Если ты в самом деле чувствуешь необходимость лишиться себя жизни, то почему тебе не быть добрым товарищем и сперва не испробовать мой «астрагеновый жилет»?

Сердитая протестующая брань едва не вырвалась из рта Мориарти. Но, независимо от своего мрачного настроения, он обладал быстрым соображением и по натуре был оптимистом. Кроме того, он очень любил Геблина. Прежде чем выругаться, он понял точку зрения своего приятеля. Геблин был изобретателем, и его детище, так называемый «астрагеновый жилет», для него было дороже всего на свете.

* Падди—уменьшительное от Патрик — шутовское прозвище ирландцев. Св. Патрик считается покровителем Ирландии (*Прим. из orig. изд.*).

— Мне все равно, Питер, — храбро согласился Мориарти. — Тот либо иной конец — одинаково хороши. Кроме того, я рад оказать тебе услугу!

Геблин поспешно вскочил с места и протянул приятелю обе руки.

— Дай мне пожать твою руку! — взволнованно воскликнул он. — Я всегда считал тебя самым лучшим своим другом! А теперь, — продолжал, он, — Расскажи мне, пожалуйста, что у тебя вышло с мисс Рейнер?

Геблин, разумеется, знал об уходе своего приятеля за Энид Рейнер, которое велось с прошлого месяца с таким усердием и настойчивостью, какую могли допустить только долгие часы занятий в конторе, ирландский темперамент и жалование в три фунта в неделю.

— Причиной всему «роллс-ройс» этого проклятого Джинджера Фидерстона, — начал Мориарти. — Джинджер — маклер, богат, как Крез. Насколько я мог заключить, он уже больше года ухаживает за ней, хоть ему давно перевалило за пятьдесят. Но что можно поделать против «роллс-ройса»?

— Ничего, — сочувственно согласился Геблин.

— Прекрасно, — продолжал Мориарти, — я отправился и нанял на целых полдня мотоциклетку с комбинированным боковым сиденьем. Это самое большее, что я мог сделать. Подъезжаю к дому Энид. Джинджеровский «роллс-ройс» стоит у дверей. Я вошел и попросил ее выйти на минуту ко мне. Она вышла. Я указал ей на мотоциклетку и сказал, что настало время сделать выбор между мной с моей коптилкой и Джинджером с его мотором. И можешь ли поверить? Она расхохоталась мне в лицо!

— Не может быть! — воскликнул изобретатель.

— Чистая правда! — торжественно подтвердил Мориарти. — Когда я сказал, что люблю ее, она дала мне совет не быть глупцом. Даже слушать не стала меня! И больше всего смеялась, когда я сказал, что ей придется оплакивать мою одинокую могилу.

— Пустяки, старина, — сказал Геблин с искренним энтузиазмом настоящего ученого, — на мой взгляд, тебе со-

вершенно незачем убивать себя, так как наш славный эксперимент принесет тебе славу и новый интерес к жизни. Тогда мисс Рейнер положит свое сердце к твоим ногам вместо того, чтобы отвергать тебя из-за мотора какого-то жирного денежного мешка.

Это последнее замечание, казалось, несколько подбодрило Мориарти.

— Жилет будет твоим добрым гением, — продолжал изобретатель, — тебе всего-навсего нужно будет подняться на аэроплане и, когда он достигнет расстояния мили от земли, прыгнуть вниз. Это как плюнуть легко. Если жилет будет действовать надлежащим образом, ты даже не заметишь, как опустишься на землю, и тогда увидишь, что цена патенту, по крайней мере, миллион! Все правительства на земном шаре будут добиваться получить его, и половина прибыли от моего открытия будет твоя!

Мориарти с сомнением покачал головой. Он не особенно верил в высокие качества астрагена, а астраген был главным основанием безопасности чудесного жилета. Астраген — газ, обладающий крайней плавучестью в воздухе, — был случайно открыт Геблином во время других опытов. Добывание его требовало много труда и больших расходов, но своей легкостью он превосходил все известные донныне тела. Так называемый «астрагеновый жилет» был сделан из эластичной газонепроницаемой материи; внутри него были скрыты два сосуда с сильно сжатой астрагеновой жидкостью. Когда один из них открывался (автоматическое открывание при известных случаях было обеспечено патентованным механизмом), жидкость мгновенно обращалась в газ, и жилет раздувался, как баллон. Таким образом, он приобретал значение воздушного спасательного круга и практически должен был сделаться незаменимым предметом для летчиков, альпийских охотников и других отважных искателей приключений, которым грозит опасность падения с больших высот.

Если скорость падения сразу не уменьшалась, то автоматически открывался второй сосуд и доставлял добавочное сопротивление земному притяжению, так что немедлен-

но появлялась полная способность держаться в воздухе.

— А если газ не будет действовать или лопнет жилет? — задал вопрос Мориарти, когда Геблин описывал ему этот приятный процесс автоспасения.

— Мы и думать не должны о таких вещах! — убежденно сказал изобретатель.

Хотя Мориарти, как мы уже упоминали, был большим оптимистом, однако в течение нескольких последующих дней ему пришлось пережить немало терзаний.

Аэропланские фабрики и аэроклубы, к которым он обратился за необходимой помощью и сотрудничеством, отказались рассматривать его предложение серьезно. В некоторых местах ему задавали насмешливые вопросы.

— Предположим, что аэроплан турманом полетит вниз, — сказал один из экспертов. — Что толку в вашем жилете будет для авиатора, пристегнутого ремнями к сидению?

Мориарти продемонстрировал, как жилет автоматически наполнится газом, когда наступит момент неизбежной опасности, и как в то же время автоматически расстегнутся патентованные ремни, устроенные согласно всем известному принципу безопасных стремян. Он подробно объяснил значение дополнительного флакона с астрагеновой жидкостью. Все действовало автоматически, едва обладатель жилета попадал в критическое положение. Однако, несмотря на эти заверения, эксперты все до одного насмешливо отнеслись к изобретению.

Наконец, на восьмой день поисков, находясь в состоянии, близком к помешательству, Мориарти явился на последний аэродром. Неудачи сильно подорвали его оптимизм.

— В чем беда, сынок? — спросил директор аэродрома, заметив выражение отчаяния на лице посетителя.

Мориарти изложил свое предложение.

— Ничего не могу сделать, — решительно сказал директор, — если вы хотите испытать ваш божественный жилет, вам придется играть всю комедию одному. Мы не можем посылать наших людей на заведомое убийство!

Ирландец, будучи незнаком с авиаторским искусством, просил, чтобы ему дали возможность в качестве пассажира

подняться на аэроплане, управляемом каким-нибудь искусным пилотом, и прыгнуть вниз, когда аппарат достигнет достаточной высоты.

— Я не умею управлять аэропланом, — говорил он американцу. — Ведь это прямо позор! Иметь такое важное изобретение и в то же время не иметь возможности продемонстрировать его! И только из-за того, что все боятся помочь устроить испытание!

Директор откусил кончик зеленой сигары и далеко отплюнул его.

— Вот что, сынок, — сказал он, — у нас есть машина, которую я уже давно собирался выбросить в сорную кучу. Она наверняка перевернется прежде, чем подыметься на десяток тысяч футов. Но ведь это значительно больше, чем вам требуется. Если хотите, я отдам вам эту машину в наем за шесть пенсов в неделю. Это очень хорошее предложение, — дружески продолжал американец, заметив, вопреки своему ожиданию, что его предложение не вызвало особенной радости со стороны Мориарти. — Конечно, аппарат неизбежно поломается, но он успеет подняться на такую высоту, что от вас останется только грязное пятно, когда вы упадете на землю, если, конечно, ваш жилет не совершит чуда.

Мориарти поспешил выразить свою самую горячую благодарность этому доброму самаритянину.

— Не благодарите, сынок, — весело прервал его последний. — Мы сделаем объявление и выручим от зрителей больше, чем стоит эта мышеловка. Только придется в ней кое-что починить. Послезавтра все будет готово, и вы можете лететь на ней до тех пор, пока она не лопнет!

Мориарти согласился на эту короткую отсрочку. Закончив предварительные приготовления к своему похожему на самоубийство предприятию, он решил увидеться с виновницей своего отчаяния.

Мисс Рейнер была дома.

— Я пришел проститься с вами, Энид, — сказал он. — Я не прошу вас оплакивать мою судьбу. Я только желаю, чтобы вы всегда помнили, что я любил вас и из-за вас погиб.

Он вкратце рассказал ей все подробности своего проекта испытания геблиновского жилета.

Энид Рейнер внимательно слушала, пристально глядя на ирландца. Но, к великому его разочарованию, ее глаза не наполнились слезами. Напротив, они засверкали.

— Вы удивительный чудак, Падди! — сказала она. — Право, я никогда не ожидала от вас таких вещей. Знаете что? К чему вам упускать такой исключительный случай получить целое состояние от кинематографических фирм, предоставив им право снять вас в этом жилете?

Мориарти заскрежетал зубами.

— Ой, ради Бога, не скрипите так страшно, Падди! — попросила мисс Энид. — Мне кажется, что я совершенно права. Ведь это будет гораздо забавнее Чарли Чаплина. Я бы дорого заплатила, чтобы посмотреть на вас!

Мориарти поднялся со своего места и тяжело вздохнул.

— Прощайте, Энид, — сказал он. — Я вижу, бесполезно говорить с вами! Но помните, что я всегда любил вас! Прощайте.

Схватив свой зонтик и перчатки, он быстро вышел на шумную улицу.

Но весь обратный путь его настойчиво преследовали слова мисс Рейнер. Она может быть бессердечна, но безусловно, она в той же мере обладает практическим умом, сколько и красотой. Идея фильма — совсем неплохая идея. Не каждый день молодые люди, в полном расцвете сил, взвиваются на ветхих аэропланах в обширное пространство эфира и доверяют безопасность своего возвращения на землю «астрагеновым жилетам»!

Насколько ему известно, до сих пор еще не было подобных экспериментов. Будет ли предприятие с научной точки зрения успешно или нет — при всяком исходе для кинематографической съемки представлялся неоценимый случай. Чем больше он думал, тем тверже становилось его убеждение, что на этом можно заработать целую кучу денег. Укрепившись в этой мысли, он отыскал самую крупную в Лондоне кинокомпанию и вкратце изложил свой проект, выпустив, разумеется, романтическую подкладку этого рис-

кованного предприятия. Директор кинемо вначале счел его за сумасшедшего. Но он весь превратился во внимание, когда Мориарти показал ему жилет и копию соглашения с администрацией аэродрома. Бросив быстрый взгляд на последнюю, он поднялся и благосклонно улыбнулся своему посетителю.

— Не сделаете ли вы мне честь разделить со мной завтрак, сэр? — любезно предложил он. — Мне кажется, что за маленькой бутылочкой мы лучше всего можем обсудить дело.

Они позавтракали вместе. Директор кинемо оказался джентльменом. Он прямо высказал, что такая фильма сулит исключительные барыши, и тут же подписал договор на исключительное право, по которому ирландец обеспечивался довольно круглой суммой.

Кинематографические фирмы умеют хорошо рекламировать свои предприятия. Когда два дня спустя Мориарти направлялся на аэродром, за ним следовала вереница самых искусных операторов кинемокомпаний и целая армия репортеров.

Геблин, конечно, сопровождал его и аккуратно приладил жилет, когда Мориарти занял место на ветхом моноплане, пожертвованном администрацией аэродрома. Акционеры кинемокомпаний, боясь потерпеть убытки от договора, заключенного директором, в самый последний момент пытались уговорить ирландца бросить свою опасную затею.

— Мой дорогой друг, — говорил один из них, — эта проклятая машина наверное расколется, прежде чем подыдется на полмили. Ведь это форменное самоубийство! Мы просим вас, бросьте эту безумную попытку!

Но Мориарти отрицательно покачал головой. Страх покинул его. Кроме того, отступить было поздно. Геблин следил за ним, как коршун за добычей. Утренние газеты напечатали громкие отчеты о смелом проекте, и Мориарти знал, что Энид Рейнер, прочтя один из них, поспешит на место действия. Оставалось одно: лететь и — либо совершить чудо, либо погибнуть. Он занял свое место. Помощники, искаса поглядывая на него, пустили в ход мотор. Мориарти, по-

винуясь полученным указаниям, дернул один рычаг и нажал другой. Моноплан быстро помчался вперед и взвился к небу.

В тот момент, когда колеса аппарата оставили землю, ирландец почувствовал, что уже находится на половине дороги в рай. Он летел все вверх и вверх, перестав отдавать себе отчет в пространстве и времени. Вокруг него реяли бипланы с операторами кинемокompании.

Мориарти понятия не имел о том, как он выпрыгнет из своей машины, когда настанет критический момент; но это его ничуть не беспокоило.

Вдруг что-то треснуло...

Прежде, чем он успел дернуть или нажать — согласно полученным внизу указаниям — тот или иной рычаг, аппарат нырнул носом, перевернулся в воздухе и разломился пополам.

Безопасные ремни действовали в совершенстве. Мориарти стремглав полетел вниз рядом с вертящимися остатками своей машины.

В первые моменты он испытывал ощущение стрелы, пущенной из лука. Ветер шумел в его ушах. Он удивлялся, как много времени отделяет его от вечности, так как каждая секунда ему казалась целым столетием. Внезапно шум воздуха прекратился. Жилет раздулся до чрезвычайности, широко оттопырив ирландцу руки. Затем последовало колебание, завертевшее его кругом, во время которого ему представился случай бросить взгляд на землю. Внизу шумела огромная толпа жестикулирующих зрителей, переполнивших аэродром.

Астраген начал свою работу, но Мориарти опасался, что газ слишком поздно пришел к нему на помощь, и подумал, что будет, если придется упасть в самую гущу зрителей? Справа послышался странный звук, похожий на карканье грачей. Оглянувшись с большим трудом, ирландец увидел аэроплан с оператором, который, как сумасшедший, вертел ручку своего съемочного аппарата. Чем ниже спускался Мориарти, тем более замедлялась скорость падения. Перекувырнувшись еще раз, он увидел под собой аэродром на расстоянии не более ста футов. Ему показалось, что он падает со скоростью миллиона миль в секунду. Он зажмурил глаза и, будучи истинным оптимистом, надеялся на самое лучшее. Вдруг раздался какой-то треск и звук разбитого стекла...

Мориарти с любопытством открыл глаза: он оказался на крыше оранжереи, стоявшей на южном конце аэродрома. Но толчок освободил газ из запасного флякона, и жилет, получив способность парить в воздухе, понес ирландца прямо к звездам! В первый момент он был совершенно ошеломлен...

Вдруг между ним и небом мелькнула какая-то огромная

ть, и снова поблизости послышался шум, похожий на карканье грачей.

Стараясь обернуться и посмотреть на своего преследователя, Мориарти услышал окликавший его человеческий голос, ставший тонким, пронзительным благодаря разреженной атмосфере.

— Великолепно, старина! — пищал он. — Только ради Бога, старайтесь задержаться подольше!

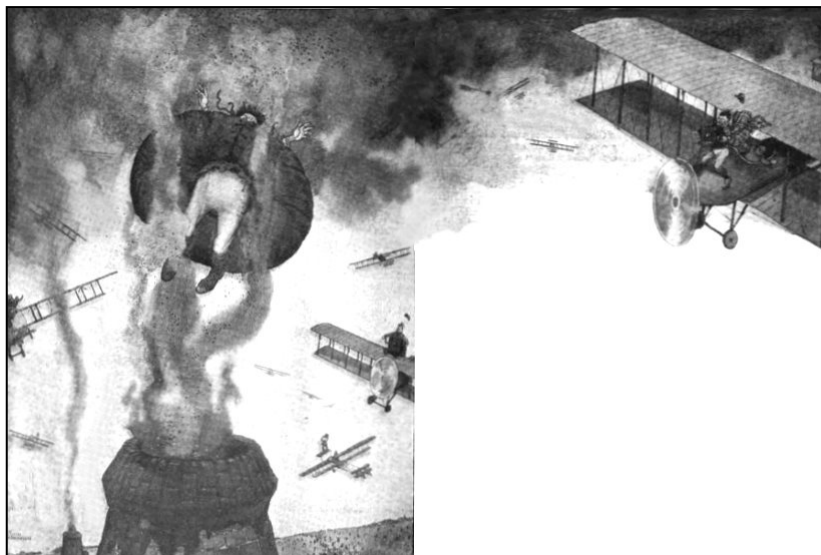
Мориарти дышал с трудом. Он бешено напрягал все силы, точно приколотый майский жук, тщетно стараясь повернуться в ту или другую сторону. Тяжесть ног удерживала его в вертикальном направлении, вздувшийся жилет широко оттопыривал руки. Голова кругом была закрыта краями раздутого жилета, так что перед ирландцем открывалось весьма небольшое поле зрения, направленное в ту сторону, куда он поворачивался головой. Между тем, поднялся легкий ветер и понес его прямо на высокую фабричную трубу, о которую, казалось, он должен был неминуемо разбиться насмерть.

Он начал прилагать бешеные усилия, чтобы миновать трубу, в то время как зрители внизу, не понимая трагического характера его маневров, испускали ликующие крики. В то время, когда смерть казалась почти неизбежной, ветер поднял его на несколько футов вверх. Вместо того, чтобы попасть прямо в середину огромной трубы, Мориарти лишь слегка коснулся ее края и тотчас же был охвачен и полугадушен черными сернистыми парами, вырывавшимися из недр фабричной трубы.

За этими черными облаками носились на аэропланах отважные кинемооператоры, жадно ловя добычу в фокус своих аппаратов. Прохладный ветерок скоро вынес ирландца из области дыма, и при его появлении целый хор веселых восклицаний толпы слабо донесся снизу. Это обстоятельство привело в порядок мыслительные способности аэронавта и несколько успокоило его.

Но ненадолго.

Верчение волчком теперь прекратилось, и он увидел, что астраген по силе сопротивления земному притяжению

далеко превзошел все ожидания Геблина. Медленно, но верно жилет уносил ирландца прямо к звездам.

Хотя он и был готов на самоубийство для блага науки и своего друга, все же слишком продолжительная агония не входила в его расчеты. Мысль, что ему придется носиться в самых верхних областях атмосферы и, в конце концов, погибнуть от голода и истощения, пришлось ему далеко не по вкусу.

Его ум начал усиленно работать. Он вспомнил, что в кармане его настоящего, не «астрагенового», жилета есть перочинный ножик. Нельзя ли достать это орудие, открыть его и, прорезав в этой воздушной тюрьме маленькое отверстие и постепенно выпуская газ, спуститься на землю? Тогда «роллс-ройс» станет действительностью, а с ним, быть может, и Энид! Вся задача заключалась в том, как достать нож. С большим трудом ирландцу удалось вытащить одну руку из отверстия патентованного жилета. Носящийся вокруг оператор, не понимая причины этих усилий, сильно зааплодировал ему. Мориарти снова просунул руку с крепко зажатым в ней ножом в отверстие жилета. Лезвие было закрыто и вновь потребовались большие усилия, чтобы открыть его. Через минуту сталь ярко блеснула на солнце. Но

тщетно старался ирландец найти уязвимое место в оболочке своей воздушной тюрьмы. Крик досады вырвался из его горла.

— Открывайте рот широко, когда кричите! — весело заорал съемщик, вызывая этим новые конвульсии своей жертвы.

Хотя на этой высоте была довольно низкая температура, пот градом катился с лица Мориарти. Тщетно трудился он! Тупое лезвие ножа было бессильно проколоть эластичную материю. Он трижды перевернулся в воздухе в бешеном стремлении добиться успеха.

— Не останавливайтесь, старина! Продолжайте, продолжайте! — беспрерывно горланил фотограф, лицо которого было преисполнено высшего профессионального экстаза. — Еще сальто-мортале! Великолепно! У меня осталось для вас целых шестьсот футов фильма!

Глаза его были готовы выпрыгнуть из орбит от восхищения.

— Осторожней, осторожней! Не пересолите слишком в игре с ножом!

Особенно яростный удар встревожил оператора. Он знал, что побивает величайший фильмвый рекорд во всей истории кинематографии. Он также знал, что если Мориарти преждевременно сделает дыру в патентованном жилете, зрелище быстро окончится и целых полтысячи футов фильма останутся незаполненными. Но его совет целиком пропал для ирландца, который, будучи охвачен припадком крайнего отчаяния, поднял нож высоко над головой и что было сил опустил его на вздутую грудь жилета. Нож глубоко вдавил материю, не причинив ей никакого вреда.

— Браво, браво! — вопил оператор.

Мориарти обругал его идиотом и закрыл глаза, зная, что теперь ничто не задержит его на пути к звездам.

Минуты казались вечностью. Он ничего не слышал, кроме шума аэроплана и стрекотания фотографического аппарата.

Снова голос сверху окликнул его:

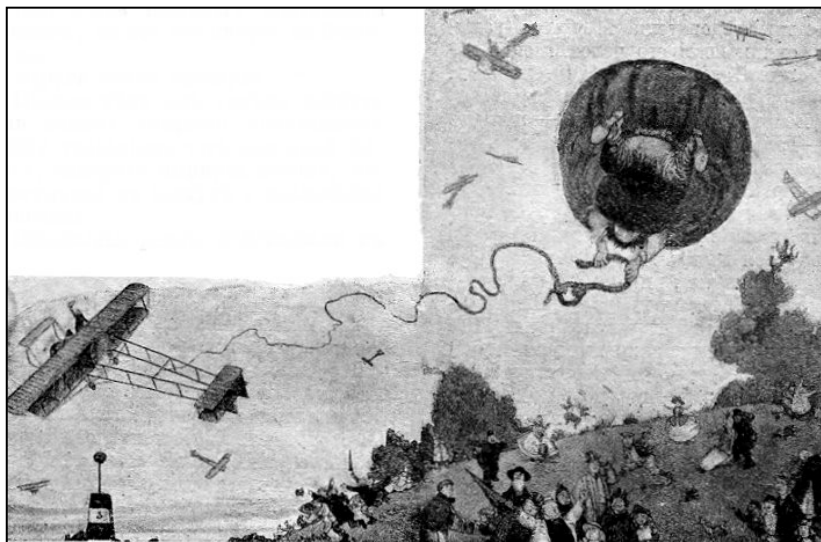
— Почти готово, сынок! Осталась всего сотня футов. Я

дам сигнал вниз другим, Джонни, чтобы они поднялись сюда за вами!

Эти слова не дошли до сознания Мориарти. Он перестал заботиться о земном. Он направлялся туда, где нет ни автомобилей, ни Энид Рейнер...

Мурлыча, как чудовищные коты, с аэродрома поднялись три биплана, приготовленные на всякий случай предусмотрительным директором.

Мориарти услышал вблизи себя гудение пропеллеров и веселые крики пилотов и открыл глаза. Конец веревки, опущенной с одного из аппаратов, скользнул по краю жилета.

— Ловите, старина! — закричал голос сверху. — Хватайтесь за крюк и мы отбуксируем вас на землю!

Что-то задело ирландца; он ухватился за железный крюк. — Держитесь крепче! — кричали с аэроплана.

Мориарти сжимал в руках спасительный крюк буквально как утопающий, ухватившийся за соломинку.

Биплан исчез из его поля зрения, и он почувствовал, что переворачивается головой вниз.

Внезапно поверхность земли открылась перед его глазами; благодетельный биплан тащил его на буксире обратно к друзьям на землю!

Через три минуты Мориарти, крепко привязанный для безопасности, стоял в воздухе в 20 дюймах от земли, между тем как аэродромные рабочие осторожно освобождали его от чрезмерно раздувшегося жилета.

Питер Геблин прерывающимся от радости голосом, почти всхлипывая, выражал свои поздравления.

— Половина твоя, милый Падди, — лепетал он, — ведь это целые миллионы!

Но директор кинокомпании был человеком дела, далеким в своей философии от всяких сентиментальностей.

— Свет завоеван! — коротко сказал он, пожимая лодыжку ноги ирландца за неимением возможности достать его руку. — Чарли Чаплин теперь далеко позади!

Мориарти застенчиво улыбнулся. Он видел, что его покушение на самоубийство не достигло цели.

— Вот, — продолжал директор, — чек, обещанный мной — плата за исключительное право.

Ряд лимузинов и других предвестников радости открылся перед глазами ирландца, лишь только его ноги коснулись твердой земли и пальцы зажали драгоценный клочок бумаги. В то же самое время из-за окружавшей его небольшой толпы раздалось радостное восклицание:

— Ура, Падди, ура!

Бросив взгляд через головы ближайших зрителей, он увидел Энид Рейнер, приветливо машущую ему рукой.

Мориарти наскоро поблагодарил улыбающегося директора кинокомпании и направился к ней.

— Я во всю свою жизнь столько не смеялась, Падди, — весело говорила Энид Рейнер. — Вы самый забавный человек на свете. Я не предполагала, что у вас такие таланты!

Мориарти взял ее протянутую руку.

— В эту блаженную минуту, — сказал он, — я решил купить «роллс-ройс» и хочу, чтобы вы помогли мне сделать выбор.

Краска вспыхнула на щеках мисс Рейнер, и ирландец

почувствовал легкую дрожь ее маленькой руки.

Глаза их встретились и... мисс Рейнер ощутила на своей щеке поцелуй м-ра Мориарти.

Щелк!

— Готово, сынок!

Оператор со своим аппаратом в руках стоял, покачиваясь на перекладине только что спустившегося аэроплана.

— За всю мою жизнь это самый лучший конец самой лучшей фильма!

Октав Бельяр

ПУТЕШЕСТВЕННИК ВО ВРЕМЕНИ

Жил я тогда в Риме, посвятив свой досуг изучению этого города пап и цезарей, неустанно роясь в пыли воспоминаний, покрывающей вековыми слоями этот прославленный уголок земли. Суровая красота республиканского Рима, пурпурная пышность Рима императоров, непостижимое искусство Микеланджело и Рафаэля что ни день возбуждали во мне новый энтузиазм. Я дошел до того, что не мог уже представить, как можно жить с иными ощущениями в стране, где двадцатый век тщетно пытается заслонить от нас великое прошлое.

Единственно, что заставляло меня возвращаться к действительности, были новые издания, которые я ежемесячно получал от моего парижского книгопродавца.

Охотнее всего я выбирал для чтения какую-нибудь тенистую аллею Пинчио, а особенно Палатин, этот *Roma quadrata* первых цезарей, увенчанный руинами императорских дворцов. Я располагался там в уединении среди кипарисов и красных роз, наполняющих благоуханием сады Фарнезе.

Вскоре я заметил, что, кроме меня, еще один человек постоянно посещает те же места. Это был старик с лицом ученого, который ежедневно поднимался на холм, тяжело опираясь на палку, и просиживал часами на одной из разбитых колонн, оставшихся от терм Ливии. Встречаясь почти каждый день, мы стали обмениваться поклонами.

Грустный вид моего компаньона, горькая улыбка на его губах, странная неподвижность взгляда выдавали затаенное горе.

Без сомнения, не любовь к древностям и не поиски эстетических наслаждений приводили его к этим руинам. Тело и душа его были одинаково надломлены. Он сам казался развалиной, которую по закону избирательного сродства притягивают к себе развалины. Обычно он оставался там до самого вечера, машинально играя своей палкой.

Заинтересовавшись этим стариком, я воспользовался пер-

вым удобным случаем завязать с ним знакомство. Не скажу, чтобы наши разговоры были очень оживленны. Синьор Баццоли, так звали старика, не отличался многословием; он никогда не говорил о себе; и если разговор все же поддерживался, то исключительно благодаря моей юношеской восторженности. Однако по некоторым замечаниям, выдававшим необыкновенную эрудицию, я разгадал в нем человека большого ума.

II

В то утро только я успел пожать ему руку, как был озадачен его странным поступком: Баццоли грубо и резко вырвал у меня книгу, заглавие которой бросилось ему в глаза, и потом лишь спросил, охваченный непонятным волнением:

— Вы дадите мне ее прочесть?

Это был роман Герберта Уэллса «Машина времени».

Я взглянул на Баццоли. От лица его отхлынула кровь, пальцы дрожали.

— Охотно, — ответил я.

Присев на колонну, он с жадностью перелистал несколько десятков страниц. Затем его любопытство стало заметно угасать.

— Да, — сказал он необычным голосом, возвращая мне книгу. — Это чистая фантазия. Но все-таки, какое совпадение!..

И он задумался, склонив седую голову на руки. Можно было предположить, что чтение растревожило старую рану, пробудило печальные воспоминания... Я сам только что успел прочитать этот фантастический роман с научной подоплекой и не нашел в нем ничего волнующего. Точно так же я не видел причин для волнения синьора Баццоли.

— Что с вами, сударь? — воскликнул я. — Скажите мне, что случилось? Хоть это и гениальная выдумка, но не могла же она вас так взбудоражить! Предположение, что время есть четвертое измерение пространства и что с помо-

щью особой машины можно путешествовать по времени: присутствовать, например, при крещении Хлодвиг или при последних часах нашей планеты, — это фантазия, и только...

Видно было, что старик колеблется. Затем под влиянием охвативших его чувств он решился, наконец, на откровенность.

— Воображение иногда дает возможность предсказывать, — сказал он. — Гипотеза Уэллса не фантазия, «машина времени» была действительно построена.

— Что! Кем?

— Мной!

— Вами? Но это же абсурд... Простите меня! Выходит, что вы изобрели способ перемещаться во времени, как по обыкновенной дороге?

— Вам это кажется нелепостью, но это правда... к несчастью для меня. Вот уже сорок лет, как машина изобретена.

Я с сожалением смотрел на своего собеседника.

— Нет, — резко сказал он, — я не сумасшедший, хотя тут и нетрудно дойти до сумасшествия. Если в этом романе есть верная мысль, почему же вы находите странным, что я мог ее осуществить? А если это только сплошной абсурд, то почему же вы называете автора гениальным?

— Романист — фантазер, который вовсе не обязан держаться в границах возможного.

— И вы думаете, что мысль, постижимая для нашего разума, не может быть воплощена в жизнь? Нет, тысячу раз нет! Постигнуть идею — значит доказать, что она не абсурдна, а тем самым, что между идеей и ее осуществлением нет ничего, кроме практических затруднений. Эти затруднения мне были известны; и каковы бы они ни были, я справился с ними и достиг успеха... на свое несчастье! — горько прибавил старик, снова впадая в меланхолию.

Меня изумил его решительный тон. С кем же, наконец, я имел дело? На какое несчастье он намекал?

Спросить его об этом я не решился.

Но он сам, чувствуя себя связанным своей полуоткровенностью, пригласил меня к себе. Жил он в невзрачном

доме в нескольких шагах от Форума. По знаку Баццولي я спустился за ним в глубокий сводчатый подвал, по-видимому, древней кладки, который он превратил в свою лабораторию. Об этом можно было судить по рядам полок, прогнувшихся под тяжестью книг, по всевозможным инструментам, сосудам и причудливым приборам, разбросанным в хаотическом беспорядке. Масса паутины, неприятный запах плесени позволили заключить, что уже много лет эта комната покинута и работы ученого прерваны.

— У меня такое чувство, будто я спустился в могилу! — пробормотал я.

— Это и есть могила, — медленно произнес старик. — Здесь два трупа...

Непроизвольно я отпрянул к двери, но Баццولي удержал меня.

— Два трупа, — повторил он. — Но, так как все здесь необыкновенно, то и они невидимы. Вот! — И он показал мне пустое место посреди подвала. — Вот куда я поставил машину. Она, по всей вероятности, еще здесь. В этом пространстве, но не в нашем времени. А с ней и оба моих бедных мальчика...

Старик опустился на колени и поцеловал землю. В этой безмолвной скорби я угадывал ужасную драму.

— Если хотите посмотреть, вот чертеж моей проклятой машины, — сказал он, указывая пальцем.

Я увидел на стене рамку с каким-то сложным чертежом, в котором, однако, ничего не понял. Мне казалось, что я различаю нечто вроде кузова без колес, с неясными обводами, на каком-то странном, неопределенном основании.

— У меня было два сына-близнеца двенадцати лет... Мать умерла... Умерла от горя и тоски, потому что наука — безжалостная, безраздельная владычица — заставила меня забыть ради нее обо всем на свете, забыть обязанности, связанные с семьей. Все мои помыслы были сосредоточены на машине, которую я тогда изобретал, и ни для чего другого в голове моей места не оставалось. Никто не занимался воспитанием моих детей, которые в двенадцать лет едва умели читать и писать. Похоронив мою бедную жену, я

жил один в глубине этого подвала, упорно работая над проблемой передвижения во времени. И вот, наконец, настал день, когда задача была решена. Этот горн, эти инструменты и препараты помогли мне построить орудие моей пытки; и, когда машина была кончена, я не мог на нее наравдаться. Ах, молодой человек, бог не прощает тех, кто переделывает его законы! В исступлении я бегал по улицам города, чувствуя себя величайшим в мире гением, большим, нежели сам Цезарь или Христофор Колумб. Властелин времени, я изобрел вечность... Вечером, вернувшись домой, я вдруг открыл в своем сердце неведомый мне прежде уголок: отеческие чувства. Я спросил о детях.

Ответ служанки заставил меня содрогнуться: «Они спустились в лабораторию!»

Задыхаясь от ужаса, я опрометью сбежал по лестнице. Опыненный своим грандиозным успехом, я оставил полуоткрытой эту дверь, которую всегда тщательно запираю. И когда я очутился в лаборатории, машины там не было...

— А... дети?..

— Исчезли вместе с ней. Несомненно, они уселись на сиденье и неосторожным движением пустили в ход механизм!

Губы старика побелели, и я должен был поддержать его. Мысль о безумии подтверждалась. Очевидно, машина существовала только в воображении несчастного отца, рассудок которого был потрясен одновременной смертью детей, происшедшей неожиданно, но при естественных обстоятельствах. Мыслимо ли, чтоб здесь, в этом пустом пространстве, была какая-то повозка, способная путешествовать во времени?

— Я вижу, вы мне не верите, — продолжал Баццоли. — Повторяю: мои дети исчезли вместе с машиной. В этом подвале только один вход. Нет никакой возможности выйти отсюда другим путем. История исчезновения моих сыновей наделала много шума. Меня привыкли считать чудачком, занятым какими-то странными опытами. И так как я избегал общества, вокруг моего имени создавались легенды. Ничего нет удивительного, что молва осудила меня как убийцу своих детей, и я был арестован.

Мой необыкновенный процесс сделался сенсационным. Я плакал перед судьями, ничего от них не утаивая, но, конечно, мне не поверили. И так как не удавалось найти вещественных следов злодеяния, а мой фантастический рассказ, по мнению профанов, мог только подтвердить душевное расстройство, меня перевели из тюрьмы в дом умалишенных. Там мой рассудок подвергся жестокому испытанию; и если я его выдержал, то только благодаря моей энергии. Я знал, что смогу вернуться в свой дом, к невидимой могиле моих сыновей, только одним способом — если приворюсь, что ничего не помню, если внушу моим тюремщикам, что избавился от навязчивых идей. Тогда меня признают здоровым и выпустят на свободу. Так и случилось. Меня вернули к моему уединенному очагу, где я и живу с тех пор в мире с мертвыми...

Этот рассказ — увы! — не рассеял моих сомнений. Передо мной был случай неизлечимого помешательства. Бороться с безумием? Убеждать душевнобольного? Это было выше моих сил. Я попытался лишь облегчить своим участием последние дни несчастного.

— Вам нельзя не верить, — сказал я. — Но откуда вы знаете, что ваши дети умерли?

— Жестокая шутка! Какая же иная участь ждала моих сыновей, унесенных машиной через века и тысячелетия?

— Будем рассуждать здраво. Двенадцатилетние мальчики нечаянно пустили машину в ход. Легко вообразить их ужас и удивление; они видели, как вокруг них все изменилось, стены рушились, поля и леса сменили крохотную четырехугольную лабораторию отца. Допустим, что они пронесли таким образом через целые века. Но ведь они были далеко не младенцами, чтобы не попытаться искать средства спасения. Трогая то один, то другой рычаг, рано или поздно они должны были натолкнуться на тормоз. Машина остановилась — и теперь они, наверно, ждут в какой-нибудь неизвестной нам эпохе, и надо признать вполне возможным...

— Что я смогу присоединиться к ним?

— Безусловно! Ведь у вас сохранились чертежи!

— Вздорная мысль! Вы хотите, чтобы я по прошествии сорока лет искал своих сыновей, потерянных в пространстве, пусть даже и ограниченном пределами земного шара? Что же тогда говорить о неизмеримой бездне времени, которую надо было бы обыскать год за годом, день за днем, начиная от эпохи зарождения жизни и кончая ее гибелью? Нет, даже соглашаясь с вашими утешительными доводами, признавая даже, что оба юных путешественника во времени счастливо остановились в пути, не встретив какого-нибудь смертельного препятствия; предполагая затем, что их пощадили болезни, резкая перемена условий существования, к которым они не были приспособлены; допуская, наконец, что люди или хищные звери не помешали им вырасти и стать мужчинами, — все-таки они для меня навсегда потеряны!..

Баццоли снова упал на колени.

Есть нечто еще более ужасное, чем бред сумасшедшего, — это помешательство при полном сознании...

III

И все же, как мне показалось, я пробудил надежду в душе несчастного отца.

С этой мыслью я уехал из Рима во Францию, куда меня призывала моя семья.

Через несколько месяцев я снова был уже в Риме и первым своим долгом счел навестить Баццоли.

Я оставил его в таком состоянии, что приготовился к самому худшему. Но он был еще жив, что, впрочем, едва ли было лучше. Зимой он перенес тяжелую болезнь, едва не сведшую его в могилу. Не в силах подняться с постели, он велел перенести себя вместе со своим ложем в лабораторию, которую с тех пор не покидал.

— Вы понимаете, — сказал он, узнав меня, — я не хочу умереть, не увидев еще раз своих сыновей. Я буду ждать их до последней минуты. Но... они опаздывают...

Изможденный, с запавшими глазами, тяжелым и хриплым дыханием, он доживал, казалось, последние дни. Одна лишь безумная надежда поддерживала еще умирающего.

— Как ваши работы?

— Посмотрите, — ответил старик.

В центре подвала была установлена согнутая в виде подковы полоса из какого-то твердого сплава, соединенная проводами с целой системой катушек и магнитов. Считая своих сыновей заблудившимися во времени, он воображал, что изобрел средство остановить их на пути.

— Вы уверены, что вам это удастся?

— Опыт пока еще не подтвердил моих вычислений, но мне кажется, они безошибочны. Машина, двигаясь с умеренной скоростью по времени, должна, встретив препятствие, остановиться без резкого толчка, постепенно замедляя ход. Ведь мой аппарат вовсе не притягивает сразу, как вы могли предположить. Я сконструировал своего рода тормоз, являющийся источником ретропульсивной силы. Если машина войдет в сферу влияния аппарата, то при постепенном замедлении хода можно будет заметить путешественников за несколько мгновений до остановки...

С этими словами, закашлявшись, Баццоли упал на подушку. Припадок продолжался довольно долго; наконец дыхание восстановилось, но кашель довел его до полного изнеможения.

— Это безумие! — вскричал я. — Такому больному, как вы, нельзя оставаться в сыром подвале, без свежего воздуха.

— Да, я и сам чувствую, что убиваю себя, — пробормотал он. — Но мне необходимо быть здесь... на посту. Там, наверху, у меня не хватит выдержки. Ведь я увижу их, может быть, только одно мгновение... перед смертью.

— Вот что, — ответил я. — Мое пребывание в Риме ничем не ограничено, а ваша библиотека достаточно богата. Я готов остаться здесь сторожить вместо вас.

Я предложил эту жертву в минуту острого сострадания, и, прежде чем успел одуматься, старик с благодарностью схватил мою руку.

— Вы действительно готовы мне помочь?

Я кивнул головой. В конце концов, мне придется поде-
журить всего несколько дней: смерть к нему приближа-
лась...

Мы условились с Баццоли, что он перейдет в верхнюю
комнату, а в мое распоряжение оставит лабораторию.

Я постарался устроиться как можно лучше. В библио-
теке ученого оказалось много редких книг, которые хотя и
пострадали от сырости, но не стали от этого менее интерес-
ными. Читал я с таким упоением, что испуганно вздраги-
вал, когда служанка Баццоли по приказанию своего хозяи-
на раз десять на день стучалась в дверь, спрашивая, не про-
изошло ли чего-нибудь и нет ли у меня новостей.

IV

Нет, ничего не происходило. И однако же одиночество,
чтение старинных книг, безмолвие этого склепа, тени, ко-
торые отбрасывала лампа во время моего ночного бодрст-
вования, довели меня до того, что я стал поддаваться на-
вязчивым идеям Баццоли. Я смотрел на странный аппарат
и начал привыкать к мысли, что с минуты на минуту там
действительно кто-нибудь покажется.

Однажды вечером, на десятый день моего доброволь-
ного заточения, я декламировал вслух стихи Данте:

Едва ко мне вернулся ясный разум,
Который был не в силах устоять
Пред горестным виденьем и рассказом, —
Уже средь новых пыток я опять...*

Читая стихи, я неотступно глядел на тревожившую мое вооб-
ражение металлическую конструкцию, в которой ничего

* Данте, Ад, песнь шестая. Пер. М. Лозинского.

не мог усмотреть, кроме хаотического сцепления деталей. И вдруг... Я оторопел. И сейчас меня бросает в дрожь при одном воспоминании о пережитом. Я видел перед собой как бы бледную тень человеческой фигуры, призрачную и бестелесную. Я призвал на помощь все свое самообладание при виде этого призрака, вызванного страхом. Но, несмотря на все мои усилия, видение не исчезало. Оно делалось все определеннее и приняло наконец форму тела; я успел уже различить вооруженного воина в шлеме, как вдруг под сводами подвала раздался страшный удар, затем дикий крик, посыпались молнии, полетели осколки, один из которых ударил меня в грудь, а другой разбил и потушил лампу. Я очутился на полу, оглушенный, в непроглядной темноте склепа...

Несколько минут я не смел двинуться, дрожа от страха, покрываясь холодным потом.

Потом я прислушался. В тишине можно было явственно различить два дыхания — мое и чье-то другое, оба частые и прерывистые... Это могло свести с ума...

Толстые стены подземелья не доносили никаких звуков извне. Звать на помощь было бесполезно. Рассчитывать приходилось только на свои силы. Ничего не могло быть страшнее этой тишины и этой темноты. Наконец я решился: неуверенно протянув руку за спичками, нащупал коробок. Блеснул свет.

На каменном полу среди обломков лежал человек с закрытыми глазами, оглушенный взрывом; он был громадного роста, с грубым лицом и густой черной бородой. Очевидно, как это ни удивительно, передо мной был не кто иной, как один из сыновей Баццоли, возвратившийся из странствований во времени.

Это заключение придало мне мужества. Я осмелился зажечь свечу, утешаясь мыслью, что это такой же человек, как и я, и вдобавок человек страдающий. Когда я смочил ему виски мокрой салфеткой, он открыл глаза и произнес несколько слов на непонятном языке, в котором я уловил определенное сходство с итальянским.

— Кто вы? — спросил я, осмелев.

Он посмотрел на меня с удивлением. Потом повторил те же слова, недоверчиво озираясь по сторонам и с таким напряженным видом, будто мучительно старался что-то вспомнить.

— А! А!.. — сказал он вдруг, просветлев. — Roma... Roma... — Остальное нельзя было разобрать.

Что это — имя? Имя города или его собственное? Баццоли, насколько я помню, не называл мне имен своих сыновей. И тут меня осенило: ведь на полке в библиотеке я видел старые детские книги — грамматику и арифметику.

Я схватил одну из них. На заглавном листе было имя владельца, выведенное рукой ребенка. Я громко произнес:

— *Ромуальдо Баццоли!*

Человек улыбнулся, кивнул головой, потом снова закрыл глаза.

Панцирь, сделанный из медных пластинок и ослабивший удар при падении, согнулся на груди воина. Кое-как я расшнуровал его, разрезав кожаные связки и ремни. Ромуальдо инстинктивно помогал мне. Освобожденное от панциря мускулистое тело гиганта казалось онемевшим, но никаких физических повреждений, кроме сильных ушибов, не было заметно. Я помог незнакомцу приподняться и с трудом дотащил его до постели.

Устав от напряжения, я не стал приводить в порядок лабораторию, усеянную битым стеклом и обломками изогнутого металла. Здесь лежала и разбитая «машина времени» — бесформенный, почти распавшийся остов какого-то странного подобия экипажа.

Факт был налицо — ошеломительный, вопреки всяким рассуждениям открывающий изумленному взору головокружительные перспективы... Человек сумел вырваться из своей эпохи! Теперь он сможет перенестись во мглу грядущего или в далекое прошлое, едва освещенное зыбким светом истории.

Из тьмы веков вернулся вестник, который приподнимет завесу, скрывающую от нас будущее и прошедшее. Потом другие, без сомнения, последуют его примеру и будут странствовать по неведомым путям времени! Отныне нет

более ни прошлого, ни будущего. Похитив у бога настоящее, человек сможет теперь перейти из времени в вечность!..

Так закончилась эта памятная ночь.

Беспредельные мечты уносили меня из подземной лаборатории в туманные дали Неизведанного. Задыхаясь под тесными сводами, я с облегчением увидел через замочную скважину розовеющую зарю нового дня как раз в ту минуту, когда утасла догоревшая свеча.

Следовало предупредить отца. Убедившись, что Ромуальдо все еще спит, я тихонько вышел, заперев за собой дверь на ключ, и поднялся в комнату Баццоли. При моем появлении он оторвал голову от подушек и стал засыпать меня вопросами:

— Есть что-нибудь новое?.. Говорите, говорите!.. Они здесь?..

— Нет, нет! Успокойтесь! Я вышел подышать свежим воздухом. Там можно задохнуться.

— Нет, нет! Вы меня не обманете. Ваш костюм в беспорядке, даже разорван... Скажите мне всю правду! Они там, я знаю это!.. Они там!.. Я хочу их видеть!..

— Когда вы немного успокоитесь, я скажу вам, что произошло. Но это не то, что вы ждете.

— Значит, они не вернулись?!

Обессиленный старик опустил голову.

— Нет, *они не вернулись*, — сказал я многозначительно, — но один человек все же явился.

— Явился? Человек?.. С машиной?..

— Да.

— Боже мой! Человек... их посланный?..

— Нет... Выслушайте меня... Вы ждете двух сыновей, не так ли? Ну вот. Один из них здесь... Ромуальдо!

Старик-ученый хотел что-то сказать, но от волнения потерял голос. Он говорил не словами, а глазами, устремляя лихорадочный взгляд то на меня, то на дверь комнаты. Я должен был повиноваться этому безмолвному приказанию.

Ромуальдо только что проснулся, когда я вошел в подвал. Все следы утомления исчезли. Увидев меня, он схватился за широкий короткий меч, приготовясь защищаться

или нападать. Но потом, по-видимому, вспомнив события прошедшей ночи, он пробормотал несколько слов на своем непонятном языке.

Мне все же удалось ему внушить, что сейчас он увидит своего отца. Под лохматыми нахмуренными бровями блеснули огоньки радости.

— Pater... Pater... — повторял он и послушно последовал за мной, держа, однако, на изготовку свой острый меч.

Когда мы вошли в комнату, Баццولي-старик, рыдая, протянул к нему руки. Все еще колеблясь и дичась, Ромуальдо смотрел то на своего отца, то на обстановку комнаты, которую, казалось, узнавал. Наконец он понял, что это не сон. Глаза его стали влажными, он бросился к изголовью кровати. Отец и сын крепко обнялись. Начавшийся разговор, если это можно назвать разговором, прерывался новыми объятиями.

Мало-помалу Ромуальдо стал вспоминать родной язык. Среди бессвязных фраз попадались итальянские слова, хотя и с глухими окончаниями и странными интонациями. Отец слушал его, почти не вникая в смысл, словно помолодев на десять лет.

Когда первая радость поутихла, Баццولي спросил:

— А твой брат?

Я видел, как великан содрогнулся, с непонятным смущением провел рукой по лбу, и его взгляд стал черным, как агат.

— Умер! — сказал он просто.

Прибытие Ромуальдо принесло отцу столько радости, что смерть второго сына показалась ему чем-то очень далеким, а может быть, горестное известие не дошло до сознания старика.

Он ответил молчанием на мрачное слово «умер».

V

Выполнив свою миссию, я вернул себе свободу, но лю-

бопытство мое не было удовлетворено. Мне хотелось, чтобы Ромуальдо рассказал о своих приключениях, и это удерживало меня в доме Баццоли. Ждать, однако, пришлось довольно долго, а попытки расспрашивать ни к чему не привели: Ромуальдо отвечал с трудом и неохотно. Вестник из глубины времен должен был освоиться с теперешней жизнью, уяснить себе ее смысл. Нужно было запастись терпением, пока мысли его не придут в порядок и сознание окончательно не прояснится.

Особенно его затруднял язык, на котором он не говорил около сорока лет. Он напоминал больного, охваченного длительной афазией*, когда человек, выздоравливая, должен заново обучаться всему, что когда-то знал и умел.

Если бы в то время кто-нибудь со стороны взглянул на Ромуальдо, то счел бы его полнейшим кретином. Незнание самых элементарных вещей, детская наивность, неуклюжие жесты могли бы в этом только уверить.

Однажды я предложил ему прогуляться по Риму. Прохожие оборачивались на громадного детину, которому было явно не по себе в неудобном и тесном сюртуке. Он смотрел на людей глазами дикаря, нежданно-негаданно очутившегося в большом городе. Нелепо размахивая руками, Ромуальдо не шел, а скорее бежал по улицам. Он останавливался перед древними памятниками и всему удивлялся, стараясь ориентироваться в непривычной обстановке. Он долго рассматривал Форум и, казалось, что-то припоминал. На лице его было написано, что он узнает знакомые места, сравнивая виденное прежде с тем, что видит сейчас.

Я мог приблизительно представить себе ход его мыслей.

«Итак, — размышлял он, — я нахожусь в незнакомой стране, и все же, как это ни невероятно, именно здесь я провел свою жизнь. Эти невысокие холмы и лежащие между ними долины хорошо мне знакомы. Если я спущусь по этой улице, то неизбежно выйду к реке...»

* Афазия — полная или частичная утрата речи.

Он увлек меня к набережной Тибра, и лицо его озарилось улыбкой, когда он увидел желтые воды.

«Да, — продолжала работать его мысль, — это мой родной город. Я видел когда-то эти памятники, потом они исчезли, и вот они опять на тех же местах. Но я ведь знаю, что вернулся из путешествия во времени и не должен ничему удивляться. И все же магия моих впечатлений сильнее рассудка...»

В этот момент его слегка задел велосипедист. Испуганно вскрикнув, мой спутник бросился наутек. Едва-едва мне удалось его успокоить.

Вечером, во время обеда в комнате больного, Ромуальдо держался более уверенно. Прогулка по городу привела в порядок его мысли. Вот тогда-то он и заговорил. Обрывистыми фразами, пропуская забытые слова, он поведал нам необыкновенную историю, которую я постараюсь здесь воспроизвести в несколько исправленном виде.

— Трудно восстановить во всех подробностях историю моей беспокойной жизни, но при каких обстоятельствах я исчез отсюда сорок лет назад, я помню так ясно, словно это было вчера.

В тот злополучный день я гонялся за братом по всем комнатам нашего дома. Он был слабее меня. Устав от неотступного преследования, в поисках защиты он бросился в лабораторию, где обыкновенно работал отец. Там я его и настиг. Дверь была открыта, комната пуста. Проникнув туда впервые в жизни, мы с любопытством разглядывали таинственную комнату, где целыми днями пропадал отец. Об игре мы больше не думали.

Наше внимание привлекла машина, стоящая посреди комнаты. Сначала мы ходили вокруг да около, потом осмелели и попытались выяснить, что это за вещь. Непонятное сооружение чем-то напоминало карету. Во всяком случае, там было сиденье. Карета в запертой комнате не внушала никаких опасений. Соблазнившись этой новой игрушкой, мы забрались на сиденье и стали осторожно трогать разные рычажки, украшенные перламутровыми кнопками. Не устояв от соблазна, я повернул первую попавшуюся рукоят-

ку. Машина тотчас вздрогнула. Я продолжал игру; брат смеялся...

Вдруг он с ужасом вскрикнул, протянул руки и прижался ко мне. Я выпустил рычажок и поднял удивленные глаза.

Мы были окутаны густым туманом, застилавшим все вокруг. Куда же делись стены лаборатории, библиотека, рабочий стол? Ничего, кроме серой мглы и сознания непоправимого несчастья...

Почувствовав себя виноватым, я был вне себя от отчаяния. Мы закрыли лицо руками и, рыдая, звали отца. Сейчас мы умрем — нам это было ясно — умрем из-за непослушания, оттого, что вошли в лабораторию, нарушив строжайший запрет!.. Так бывает в сказках, но это произошло в действительности. Мы прочли все молитвы, какие знали, но мрак не рассеивался.

Проходили часы, а может быть, только минуты. И вдруг стало светло, как днем. Затем так же быстро опустилась ночь. Не успели мы вскрикнуть от изумления, как снова рассветело и опять стемнело. Свет и тьма беспрестанно чередовались; глаза не могли привыкнуть к этим сменяющимся впечатлениям, к этому беспрерывному мельканию дней и ночей. Мы могли лишь заметить, что уже не были в закрытом пространстве. Легкие наполнились прохладным воздухом, чувствовалось веяние ветерка. «Как же так получилось, — спрашивали мы себя, — как могли мы, не сходя с места, выйти из дому?»

Здесь, вспомнив недавно прочитанный роман Уэллса, я перебил рассказчика:

— Вы должны были видеть на небе большие, светлые полукруги.

— Да, мы их видели; и вызванное этим зрелищем любопытство приглушило страх. Мы поняли, что еще не умираем.

Но мы не знали, что это и почему за такие короткие промежутки времени воздух становился то теплым, то холодным. Брат сказал мне: «Довольно, Ромуальдо, довольно! Остановись! Я хочу вернуться домой!» Я и сам только о

том и думал. Но как остановиться? Куда несли нас неведомые силы? Глаза наши ничего не различали, кроме туманных образов. Мы мчались куда-то, и ясно было одно: все эти странные явления были вызваны моим любопытством. Движение началось, когда я нажал рычажок. Вспомнив, какой именно, я повернул его снова. И тогда картина сразу изменилась. Не было больше чередования света и тьмы: все стало серым, непроницаемым, уже ничего нельзя было различить.

Мне опять стало страшно. Прямо передо мной находился циферблат с двумя стрелками, большой и маленькой, похожими на часовые. Только что я видел, как большая стрелка вращалась медленно; теперь она вращалась в том же направлении, но со страшной скоростью, как сумасшедшая. Можно было заметить и движение маленькой стрелки, которая раньше казалась неподвижной.

Заметив эти изменения, я еще раз повернул рукоятку. Тотчас же возникло непередаваемое в своем великолепии феерическое зрелище. Стремительная смена дней и ночей постепенно стала замедляться. Мой брат указал мне на Солнце, проходившее свой путь по горизонту при свете дня, и Луну со звездами, пробегавшими по своим траекториям, когда наступала ночь. Мы поняли тогда значение светящихся арок, которые наблюдали за несколько минут до этого: такое впечатление возникало при быстром движении небесных светил.

Здесь было над чем призадуматься! Что же могло так изменить весь мир? Дни и ночи, мелькавшие каждую секунду, сменялись теперь по минутам. И все из-за того, что я передвинул какой-то жалкий рычажок! Ничтожная причина — и какие грандиозные последствия!

Новое нажатие рычажка, и время, измеряемое прохождением Солнца по орбите, снова замедлилось! Одно из двух — либо я держал в руках талисман, способный изменять вселенную, либо машина в непостижимом движении опережала время. Задача была слишком трудной для наших детских умов!

Дальнейшие наблюдения связаны с замедлением скорости. Мы очутились в центре какого-то города, на площади, обсаженной деревьями. Но людей не было видно. Вернее сказать, мимо нас проносились прозрачные маленькие тении, проскальзывая с такой быстротой, что мы едва успевали заметить их в виде неясных исчезающих ленточек. Здания, поначалу казавшиеся старыми и вполне законченными, спустя короткое время появлялись перед нами строящимися. Деревья, ветвистые и высокие, постепенно уменьшались, превращаясь в молодую поросль, и затем уходили в землю.

Брат заставил меня внимательно взглянуть на Солнце. Я привык видеть, как оно поднимается с левой стороны и заходит с правой. Теперь оно совершало свой путь в обратном направлении.

При этих словах Баццоли взволнованно приподнялся с подушек.

— Это вполне понятно, — сказал он, — вы шли навстречу времени: машина уносила вас в прошлое.

— Да, но я это сообразил потом. Тогда же это была одна из многих загадок, и я думал только о том, как бы остановить невольное путешествие.

Брат предположил, что, если повернуть рычаг до отказа, можно будет прекратить движение. Я последовал его совету, но доведенный до упора хрустальный рычажок треснул и остался у меня в руке. Скорость не замедлилась.

«Надо покончить этим!» — простонал брат.

«Да, — согласился я, — но как?»

Рядом со сломанным рычажком было несколько других, которые я еще не опробовал. Какие нас ожидали новые ужасы, какие катаклизмы, если бы мы опять ошиблись?

В отчаянии брат перевел одну из рукояток. Страшный толчок опрокинул нас друг на друга. Стрелки на циферблате замерли. Впервые с начала нашего путешествия мы увидели в просветах листвы неподвижную луну. Была ночь. Машина остановилась...

Можете представить себе, какой нас охватил страх. Затерянные в неведомых лесах, под ночным небом, дрожа от

холода, трепеща, когда доносился малейший шум, превращавшийся в нашем воображении в рыканье хищных зверей, мы сидели на высоком дереве, спрятавшись среди ветвей. С наступлением утра наши страхи не развеялись: нас могли заметить и убить разбойники.

Первое, что пришло нам в голову, — укрыть от посторонних глаз эту загадочную машину, с которой, в случае опасности, мы инстинктивно связывали возможность спасения. Изрядно проголодавшись, мы поели немного диких фруктов с плодовых деревьев, которые тут росли в изобилии.

Первая половина дня не принесла ничего утешительного. Около полудня шум в ближайших кустарниках снова поверг нас в ужас. Показалось стадо коз во главе с бородатым пастухом, человеком огромного роста, покрытым козьей шкурой. Он смотрел на нас с удивлением. Мы бросились на землю, умоляя не причинять нам зла.

Но, без сомнения, он был настроен миролюбиво. Подойдя одну из своих коз, пастух предложил нам деревянную чашку с молоком. Эта заботливость лишь удвоила наши слезы. Тогда он взял нас на руки и стал о чем-то расспрашивать, подчеркивая ласковыми интонациями свое доброжелательное отношение. Говорил он на незнакомом языке. Вечером пастух сделал нам знак следовать за ним в его хижину. Жил он со своей женой здесь же, в лесу, в нескольких шагах от того места, где мы с ним повстречались.

Это были бедные люди, для которых необыкновенное появление двух близнецов служило доказательством нашего божественного происхождения. Мы прожили с ними несколько месяцев, выучившись их языку и помогая по мере сил заботиться о стаде. Мы могли бы и дальше вести простую, здоровую жизнь и чувствовать себя счастливыми, если бы нас не преследовала тоска по дому.

Во всяком случае, мой брат не хотел примириться с несчастьем. Он несколько раз побуждал меня выйти из леса, чтобы осмотреть окрестности. Он был уверен, что родной дом находится где-то рядом — ведь наше странное путешествие продолжалось совсем недолго!

Но я был настроен менее оптимистично. Необычные при-

ключения ошеломили меня. Конечно, я не подозревал, что мы скитались во времени. На смутную догадку меня навели дальнейшие рассуждения. Чередование феерических картин, которые мы наблюдали в машине, полнейшее неведение пастушеской четы о городе, который по приметам местности должен был находиться где-то близко, — все это заставляло размышлять.

Однажды, погнав стадо на водопой, мы решили совершить задуманное: оставить наших коз одних пастись у реки и углубиться в лес. Мы брели целый день и только к вечеру вышли на открытое место. То, что мы увидели, заставило нас содрогнуться: на поляне сражались две группы вооруженных людей и с такой яростью рубились мечами, что кровь лилась потоками.

Наше внезапное появление положило конец битве.

Дикие крики воинов мы восприняли как дурное предзнаменование. Солдаты окружили нас и стали совещаться. Несомненно, это приключение закончилось бы нашей гибелью, если бы в ту минуту не выскочил из леса, задыхаясь от бег, наш добрый пастух. Встревоженный нашим отсутствием, он бросился вслед за нами и прибежал как раз вовремя. Умоляюще протянув к солдатам руки, он отважился из любви к приемышам на смелую ложь.

«Великодушные воины, — сказал пастух, — остерегитесь поднять руку на законных наследников наших царей. Я, Фаустул, нашел их заблудившимися в лесу».

В эту минуту на опушке леса случайно показалась старая, беззубая волчица и тотчас же убежала, испугавшись шума. Солдаты замолчали и стали смущенно переглядываться.

«Какое странное предзнаменование!» — сказал один из них.

Фаустул воспользовался этим суеверным страхом, чтобы заставить их поверить в свою басню.

«Доблестные воины! — вскричал он. — Почтите священное животное Марса! Когда эти дети блуждали голые по лесу, волчица, которую вы видели, питала их своим молоком!»

После этих слов все, кто там был, упали перед нами ниц.

Ромуальдо сделал паузу. Я слушал его, затаив дыхание. Легенда, знакомая мне чуть ли не с колыбели, показалась так удивительно похожей на только что услышанное, что я даже вскрикнул от удивления.

И тут же, сливаясь с моим возгласом, раздался другой болезненный крик. Старик Баццоли поднялся на кровати бледный, задыхающийся и, протягивая руку к сыну, прохрипел:

— Несчастный! Ты убил своего брата Рема!

VI

Грустно вспомнить, что смерть величайшего в мире гения была так же мрачна, как и вся его жизнь. Последний удар окончательно сразил его. Баццоли умер на другой день, не сделав ни одного упрека своему сыну-братоубийце. Мог ли он принять без содрогания Ромуальдо, зная, что тот убил Рема? Мог ли он отнестись с безразличием к преступлению сына, хоть оно и было совершено почти за три тысячи лет до нашего появления?

Да, Ромуальдо, исчезнув из своего времени, превратился в Ромула истории, а его отец Баццоли — ужасный, невероятный случай! — умер в двадцатом веке при известии об убийстве Рема.

Что же касается меня, то я не чувствовал никакой неприязни к «вестнику из глубины времен» скорее всего потому, что не мог совместить в своем сознании этих двух лиц — персонажа древней истории с моим современником. Ромуальдо, этот простодушный высоченный здоровяк, слишком не похож на первого римского царя, каким я его представляю!

Мое присутствие помогло ему освоиться в новой обстановке. Без меня он не преодолел бы тех бесчисленных затруднений, какие возникали перед ним на каждом шагу.

И за то, что я так заботился о нем, он рассказал продолжение своей истории. Я убедился, что она полностью совпадает с рассказом Тита Ливия*. Но когда в соответствии с преданием я сообщил Ромуальдо подробности его исчезновения — легенда гласит, что Ромул исчез в блеске молний, взятый на небо богами, — он был немало удивлен.

— Дело обстояло куда проще, — сказал он, — вернее, все произошло более естественно. За несколько часов перед моим возвращением я председательствовал в большом собрании воинов на Марсовом поле. Уже давно глухая молва возбуждала народ против моего правления, которое считали жестоким. В этот день я понял по некоторым признакам, что моему могуществу приходит конец. Я царствовал слишком долго. Назревало восстание.

И вот небо осветилось молнией, грянул гром и остановил занесенные надо мной мечи. Толпа увидела в этом признаки гнева богов, а я, воспользовавшись замешательством, призвал к общей молитве.

Машину я оставил на том месте, где завершилось когда-то наше путешествие. Когда мы расчищали лес, чтобы строить город, я велел покрыть ее навесом. Нередко я уходил туда поразмыслить о своей странной судьбе. Воспоминания и осторожные опыты, наконец, убедили меня в том, что машина перемещалась во времени. Я робко переводил рычажки, двигаясь то в одном, то в другом направлении, не рискуя далеко забираться. Я заметил, что маленькая стрелка на циферблате замерла в момент остановки на двадцать шестом делении. Отсюда я заключил, что в моей власти вернуться к тому моменту, откуда началось путешествие, заставив стрелку пройти тот же путь в обратном направлении.

В этот роковой день, когда я чувствовал себя погибшим при виде возбужденной толпы, заполнявшей храмы, я, сделав вид, что хочу помолиться в одиночестве, вошел под

* Тит Ливий (59 год д. н. э. — 17 год н. э.) — римский историк, автор труда «Римская история от основания города» в 142 книгах.

укрытие, где находилась машина. Только я один имел право сюда заходить. Мне оставалось только вскочить на сиденье. Как раз в этот момент удар молнии испепелил крышу, под которой я скрывался. Отсюда, несомненно, и создавалась легенда. Но я уже успел пустить в ход механизм, улетая от бури и от этого времени с немыслимой скоростью, которую замедлил лишь тогда, когда положение стрелки показало мне, что приближается момент отправления. Остальное вам известно: я чуть не разбился о неожиданное препятствие...

Как все это необычайно! Так немного времени прошло после этих последних событий! Еще так недавно я был царем Рима — Вечного города, построенного мной, Ромулом, как меня называл мой народ! Трудно вообразить, что тысячи лет отделяют нас от эпохи моего царствования... Вы, кажется, говорили, что Нума сделался моим преемником? Это просто невероятно! Я его хорошо знал, этого маленького льстеца: меч для его руки был слишком тяжел...

И он пробормотал несколько слов на непонятном мне языке, латинском языке первой эпохи существования Рима.

VII

Здесь заканчивается чудесная история человека двадцатого столетия, покинувшего на «машине времени» эпоху, в которой он жил, и очутившегося на лесистых берегах Тибра за семьсот лет до нашей эры. Совершив ряд подвигов, сохранившихся в преданиях, он исчез при блеске молний, чтобы вернуться в рутину современной жизни.

Я постоянно поддерживаю с Ромулом дружеские отношения. Это далеко не гений, каким был его отец. Он ничем не отличается от окружающих людей. Больше того, этот воин древних времен — добрый и мягкий человек, обыкновенный обыватель, неспособный обидеть мухи. Очевидно, нравы зависят от того времени, когда живешь.

Если вы его встретите в Риме, где он продолжает жить,

не спрашивайте о его приключениях. Он вам не ответит, усвоив мудрую истину, что лучше молчать, чем говорить. Испытание, выпавшее на долю его отца, который когда-то угодил в сумасшедший дом, — достаточно веская причина, чтобы стараться вести себя вдвойне благоразумно.

Октав Бельяр

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Это было в ночь с 15-го на 16-ое марта прошлого года, во время моего путешествия с научной целью во французские колонии Индийского океана. Наше судно «Фултон», которое совершало рейсы между Маге и Коморскими островами, когда-то, может быть, было предметом гордости наших предков, но, постепенно состарившись, дошло до того, что предназначено было лишь для небольших, не имеющих торгового значения рейсов.

Смешное это было судно, с его высокой старомодной трубой и кучными мачтами, установленными, вероятно, на случай поломки машины, хотя те крохотные паруса, которые можно было бы натянуть на них, едва ли могли бы дотащить эту тяжелую калошу до ближайшего порта.

При первом натиске циклона, который застиг нас в эту памятную ночь, наши бесполезные мачты, конечно, разлетелись в щепы. Наше положение было отчаянным. Мы даже не могли бороться и были вполне во власти бури, которая уносила нас в своем вращательном движении. Всю ночь мы были игрушкой волн и ветра, то взлетая на высокие гребни волн, то стремительно низвергаясь в пропасть при громких столах и криках экипажа, треске судна и реве бури.

Каждый из нас знал, что его последний час настал, ни на минуту не сомневался в этом. Но хуже всего было это ужасное ожидание смерти, когда каждая минута кажется вечностью.

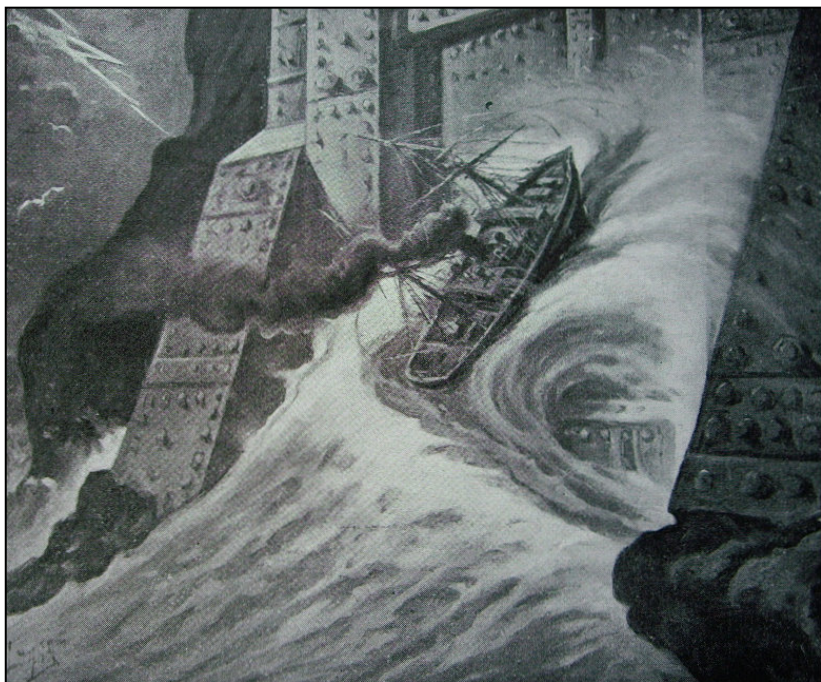
Мы носились по какой-то бесконечной спирали, все приближаясь к центру урагана, в котором вихрь подымал к облакам колоссальный столб воды, казавшийся гигантской колонной, поддерживающей обрушивающийся небесный свод. Еще два-три оборота, и судно ударится об этот гигантский столб, превосходящий по крепости порфир и бронзу, и разобьется, как разбивается брошенная о камень яичная скорлупа.

И вдруг, по какому-то непонятному капризу, ветер, несколько не ослабевая, переменял свое направление и стал нас швырять в противоположную сторону. Судно страшно качало, как будто оно не хотело сразу подчиниться этому

новому капризу, но затем, повернувшись на другой галс, оно стремительно стало удаляться от страшного столба. А гигантский столб воды продолжал крутиться и вертеться, как катушка, и, наконец, исчез, утопая в море брызг.

Мы перестали кружиться и нас понесло по прямой линии, как будто и ветер, и мы втягивались в глотку какого-то невидимого чудовища.

Капитан, сделав рупор из своих ладоней, стараясь перекричать рев бури, кричал нам, что никогда не приходилось ему видеть ничего подобного ни в одном океане. Но не успели мы отдать себе отчета в том, какая таинственная, могучая сила переменила направление циклона, как вдруг показалась земля.

Вначале это было лишь каким-то черным пятном на горизонте. Потом пятно это росло и росло, облегло все море и встало перед нами острым скалистым пиком, на который

нас несла какая-то неведомая сила. Это была Сцилла после Харибды. Судно наше, несшееся со скоростью метеорита, неизбежно должно было удариться об эту базальтовую стену.

Бледный свет зари, которая точно затуманилась, чтобы не видеть этого ужасного зрелища, дал нам возможность разглядеть в возвышавшейся перед нами скале огромную черную дыру, которая с жадностью вдыхала в себя ветер и грозила поглотить и вас вместе с несшим нас вихрем. Мы несемся прямо в эту открытую дверь и неминуемо будем проглочены этой огромной зияющей пастью.

Раздался тревожный звон сигнального колокола, заглушивший наши вопли...

Наш сигнал был услышан... Послышался громкий колокольный звон, и вдруг страшный толчок подбросил меня в воздух, как живую бомбу.

Я пришел в себя в воде. Я упал в море посреди обломков парохода, разлетевшегося в мелкие щепы. Кругом был неопикуемый хаос. Обломки железа, дерева покрывали скалы. Многочисленные трупы уносились отливом. Ветер стих. Тишина нарушалась лишь мерным дыханием моря.

Я был весь разбит и в крови и, не попади я на мелкое место, у меня едва ли хватило бы сил доплыть до суши. Я выполз на песок и, обессиленный, измученный, опустился на него.

Осмотревшись кругом, я увидел, что огромная разверстая пасть скалы, грозившая поглотить нас, исчезла. На ее месте была кованая железная стена, о которую разбилось наше судно. Очевидно, этот трап опустился как раз вовремя, чтобы закрыть перед нами вход в пропасть и чтобы разбить в щепы судно.

И вдруг меня кто-то окликнул. Капитан, единственный, кроме меня, из всего экипажа спасшийся от крушения, весь в лохмотьях, исцарапанный, истерзанный, с трудом приближался ко мне.

— Судьба выкинула нас на уголок земного шара, куда ни одна живая душа не заглянет, — сказал он. — Нет сомнения, что это остров Бурь, вулканического происхождения, весьма недавнего образования, положение которого в

Индийском океане указано лишь на очень немногих картах.

— Господь с вами, капитан! Уж не поражен ли ваш рассудок приключившимся с нами несчастьем? Ведь вы говорите невероятные вещи! Неизвестный остров — в этой части океана, по которой так и шмыгают вдоль и поперек суда! Ведь это вещь невероятная!

— Однако, это так. Когда этот остров только появился из-под воды в виде бесплодного вулканического утеса, к нему легко можно было пристать. Но уж много лет, как он каким-то таинственным образом защищается от людского любопытства. Легенда ли это или правда — не знаю — но только моряки рассказывают, что всякий приближающийся к этому острову отталкивается от него каким-то внезапным ураганом, напоминающим дыхание бури. Отсюда и название: остров Бурь.

Мой взгляд упал на железный трап, закрывавший огромное отверстие.

— Буря выходила, вероятно, отсюда, потому что сюда она и скрылась, — заметил я. — Во всяком случае, эта кованая железная дверь с очевидностью указывает на присутствие здесь людей, и людей цивилизованных, на опытных инженеров...

— Это было бы большим счастьем зля нас!— вздохнул капитан.

Не успел он кончить этих слов, как я прервал его криком радости: маленькая лодочка появилась за выступом и направилась прямо к нам. На лодке не видно было ни весел, ни парусов. Она приводилась в движение какой-то невидимой силой.

Сидевший в лодке человек делал нам успокоительные знаки. Он был довольно изысканно, хотя и несколько старомодно, одет. Приблизившись к берегу, он выскочил из лодки и побежал к нам.

— Верьте, господа, — сказал он, — что мы очень огорчены причиненным вам несчастьем и сделали все возможное, чтобы устранить его. Но мы не можем позволить судам проникнуть в Пещеру Ветров. Единственное, что нам ос-

талось, чтобы предоставить вам хоть какой-нибудь шанс к спасению, это спустить трап. Но, увы! — прибавил он, бросив взгляд на пlyingшие кругом трупы, — я вижу, немногим из вас посчастливилось. Теперь вам ничего не остается, как последовать за мной в порт. Ваши товарищи будут достойно погребены, а из обломков корабля будет собрано все, что еще может пригодиться.

Мы были так слабы, что лишь едва внятно поблагодарили его за любезность. Наш спаситель помог нам добраться до лодки, усадил нас и мы с поразительной быстротой поплыли.

Мы рассказали ему о том, что с нами приключилось и о том, как поражены мы были внезапной переменой в направлении бури и таинственной силой, бросившей нас к острову.

— Вы должны быть готовы и к другим поразительным явлениям. Мы тут почти все изобретатели, которых бедствия и недоверие людей заставили бежать от света. Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, что испытывают все те многочисленные гениальные изобретатели, которым не удастся провести в жизнь свои изобретения и открытия? Считали ли вы тех, кто умирает с голоду, владея неиспользованными привилегиями? Многие из них нашли здесь приют и теперь смеются над глупцами, которые считали их гениальные изобретения химерами. Мы, добровольные изгнанники, мы создали на этой голой скале промышленность и жизнь. Мы — властители природы! Мы намеренно избрали для своего жилья этот остров, находящийся на пути великих катаклизмов; ураганы в плену у нас, как птички у птицелова. Они служат нам в наших домах, в наших мастерских. Вы совершенно верно заметили, что какое-то внезапное дыхание изменило в эту ночь направление циклона. Это мы пополняли наши погребки запасами ветра. Ветер — это наш сжатый воздух, который нам ничего не стоит и который прекрасно служит нам.

Пока этот удивительный человек, повелитель ветров и моря, говорил, лодка остановилась у плотины в гавани, полной оживления.

Плотина, к которой мы причалили, сама по себе достойна была удивления. Спуск ее был сделан не из каменных плит, а из листового железа, подвижно установленного на ступице и точно на пружине качавшегося при всяком ударе волн.

— Вы видите, — сказал наш спутник, — мы умеем использовать даже движение волн морских. Каждый удар волны об эти железные плиты заставляет делать один оборот зубчатое колесо, находящееся в помещении под этой плотинной. Движение это через вал передается системе сцеплений, передающей это движение ткацким станкам прекрасных фабрик, которые вы видите вдоль берега. Море — это великий работник, который изготавливает наше платье, наше белье, холст, предохраняющий от непогоды наши растения.

Мы вышли на берег и вошли в город. Наш спутник толкнул какую-то дверь.

— Вот что делает море! — сказал он.

Мы увидели длинную галерею, в которой солнце весело играло на мириадах нитей, протянутых между вращающимися колесами, мы увидели целую сеть ременных приводов. Женщины, весело смеясь, залитые лучами яркого солнца, легко складывали куски материи, то легкой и прозрачной, как батист, то тяжелой и теплой.

— Нам удалось укротить, сделать послушным это капризное море, поглотившее столько человеческих жертв.

— Ну, а когда оно злится? — спросил капитан.

— Когда оно злится и волнуется, оно только быстрее производит свою работу, вот и все. Мы только выгадываем от его гнева.

— Ну, а прилив и отлив? Когда наступает отлив...

— Да, волна работает не больше девяти часов в день. Что же? Вы находите недостаточным девятичасовой рабочий день?

Пережитые волнения и мучительные, хотя и неопасные раны приковывали меня в первые дни моего пребывания

на острове Бурь к постели. Из окон моей большой комфортабельной комнаты я мог видеть улицу.

Инженеры наилучшим образом умели использовать этот вулканический клочок земли. Черные, но не мрачные дома, построенные из вулканического шлака, отличались оригинальной формой и производили причудливое впечатление под жгучими лучами тропического солнца. Расстояния тут были все недалекие, поэтому экипажей, за исключением электрических экипажей для промышленных целей, на улицах не видно было. Малочисленное население города не оживляло улиц праздным шатанием: все были заняты, все работали.

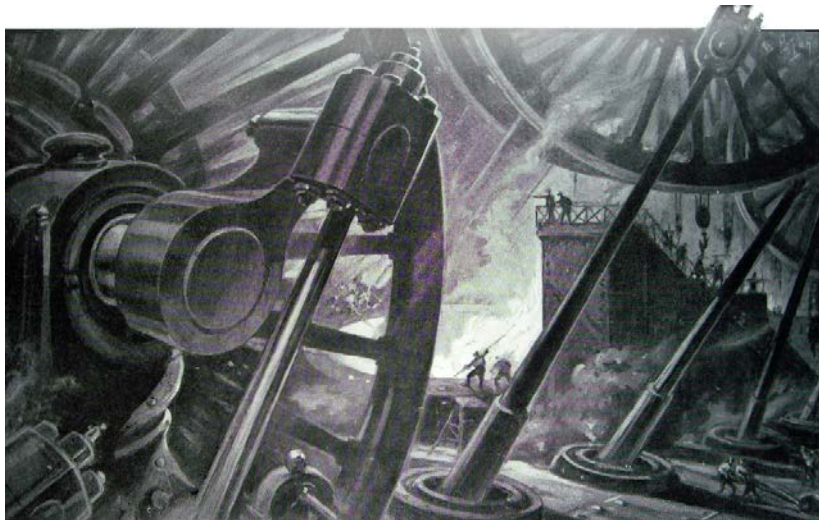
Меня поразило, до какой степени они тут утилизировали естественные силы природы, обыкновенно бесполезно теряющиеся.

Как мало у нас в Европе умеем мы использовать эту даровую рабочую силу! Мы ограничиваемся в этом отношении утилизацией энергии ветра для наших ветряных мельниц и еще немного работой воды, стекающей с высоких гор. В общем, мы предпочитаем дорогостоящие устройства, приводимые в движение, главным образом, сжиганием каменного угля, которого здесь, на острове Бурь, совсем нет. Добровольные изгнанники должны были найти какой-нибудь другой источник энергии. Ветер, молния, дождь, океан, даже огонь страшного кратера вулкана — все это сделалось их деятельными и послушными помощниками.

Трудно представить себе, какую огромную и разнообразную пользу можно извлечь из ветра. Признаться, я немало был удивлен, ознакомившись с их системой сгущения циклонов, если можно так выразиться.

Подземный огонь избороздил всю подпочвенную часть острова большим количеством пещер, довольно правильно закругленных и сгруппированных, как отверстия в губке; каждая из этих пещер сообщалась с центральной обширной пещерой, находившейся поблизости вулкана. Долго и терпеливо отшлифовывали люди стенки этих пещер. Обращенные таким образом в гигантские цилиндры насосов, галереи снабжены были фантастическими поршнями, про-

ходившими вдоль всей их длины. Рычаги поршней, как лучи металлического солнца, сходились в большой центральной пещере. Тут неистощимый вулканический огонь дает необходимую для их движения силу при посредстве страшных рычагов и маховиков в сто футов высоты.

Как только делается известным приближение циклона — что в этих краях явление довольно частое — клапаны вулкана открываются, и машина приводится в действие. Колоссальные шатуны движутся с зловещим грохотом, отзывающимся грозным эхо во чреве горы; выпускные трубы извергают огонь; опускают трапы, закрывающие выходящие на море пещеры; поршни поднимаются, всасывают бурю, которая с ревом устремляется в пустые пещеры, заполняя подземные погреба.

Остров имеет запас воздуха, которому при обратном движении поршней сообщается давление, необходимое для промышленных целей.

Этот сжатый воздух распределяется всюду посредством канализации, подобной той, какую у нас применяют для распределения электрической энергии. Он обслуживает мукомольные жернова, токарные станки, гончарные круги,

сукновальные жомы... Да разве возможно перечислить всю работу ветра на этом чудном острове! Ночью струя воздуха подметала улицы лучше, чем это мог бы сделать какой-либо метельщик или механический аппарат. В очагах струя воздуха раздувала огонь. Лежа в своей комнате, усталый и разбитый, я нажимал лишь одну кнопку у моей постели, и вмиг тропическая жара смягчалась прохладной свежей струей воздуха.

Меня часто навещал наш спаситель, уважаемый Эспри Деклер, который был весьма видным деятелем на острове: ему поручено было управление ветрами. И я скоро имел возможность убедиться, что это далеко не было лишь синекурой. Как только я оправился, я навестил его в его лаборатория. Деклер жил посреди сфабрикованных им же самым всевозможных инструментов — анемометров, гигрометров, манометров, соединенных с подземными резервуарами. Он неотступно должен был следить за атмосферными течениями, предугадывать изменения в направлении ветров, их неожиданные порывы. Он же следил и за распределением сжатого воздуха по колонии. Когда его сложные аппараты уведомляли его об отдаленных ураганах, он немедленно отдавал по телефону приказание открыть перегородки в пещерах, очистить всасывающие каналы, пустить в ход поршни. И, нажав электрическую кнопку, он подымал тяжелый трап, чтобы поймать бурю.

Но я видел, как часто страдал Деклер от людской зависти: его обвиняли в недобросовестности, даже в хищничестве; говорили, что он безумно расточает запасы воздуха для своих личных целей, распределяя их с мелочной бережливостью между другими жителями острова.

И по правде сказать, Деклер не был безупречен. У него была одна маленькая слабость: он до безумия любил музыку. Это была его тайна, которую он доверил мне и капитану, когда мы позже подружились с ним, и мы, конеч-

но, свято хранили ее.

Часто, когда мы собирались в его кабинете, выходявшем окнами на море, перед чашками чудной настойки, он открывал кран, скрытый в счетчике, и в течение целых часов мы наслаждались прекрасной музыкой Вагнера, исполняемой струей воздуха, проходящей через тысячи золотых труб.

В обязанности Деклера входила и защита острова от любопытства посторонних, которые могли бы посягнуть на независимость жителей его. Когда вдали на горизонте появлялось какое-нибудь судно, уже не принималась в расчет экономия; открывались все шлюзы, опустошались все запасные хранилища воздуха. Судно, подхваченное страшным порывом, исходившим от этих скал, отбрасывалось в противоположную сторону, и тайна острова оставалась нераскрытой.

— Я думаю, — сказал я однажды, нашему другу, — что и электрическую энергию вы получаете при посредстве ветряной мельницы?

Были сумерки. Воздух был душный, тяжелый. Мы сидели на террасе, с которой видны были и море, и город, и пили прохладительный напиток.

— Конечно, это было бы вполне возможно, — ответил Деклер. — Ветер может для всего служить нам. Но если мы всю потребную нам энергию станем извлекать из ветра, запасов его, может быть, и не хватило бы нам. Вы видели, как под управлением моего друга Элизе Рефлюкса прилив и отлив морской ткет нам одежду? Управление молнией поручено немецкому физику, г. Пильсеку, на обязанности которого лежит извлечение электричества из облаков. В этих краях, где буря почти всегда сопровождается грозой, где гром гремит почти каждый вечер при заходе солнца, нельзя было не подумать об этом. Да вот, смотрите, облака сгущаются, и г. Пильсек уже, наверное, на своем посту!

Глухие раскаты грома предвещали наступление вечерней грозы. Деклер указал мне на тучу бумажных змей, со всех сторон города подымавшихся к небу и скоро совсем закрывших его.

— Нам не пришлось много трудиться над усовершенствованием опыта Франклина! — заметил Деклер.

— Эти игрушки...

— Покрывы тонкими пластинками олова, — перебил меня Деклер, — а нитки, на которых они держатся, пропитаны подкисленной водой... Они собирают весь разряд атмосферы. Это, в сущности, простые громоотводы, с той только разницей, что проводят они электричество к колоссальным батареям аккумуляторов вместо того, чтобы проводить его в землю и таким образом бесполезно терять огромные количества электрической энергии. Кроме того, мы получаем электричество и при посредстве пара.

— Пара? — удивился я.

Деклер повернулся к центру острова и указал на вулкан, окрашенный заходящими лучами солнца в восхитительный розовый цвет, в то время как все вокруг него было уже покрыто мраком ночи.

— Вот наш паровой котел! — сказал он.

Да! вулкан был великим чудом этого полного чудес острова! Никогда еще у человека не было такого страшного и вместе с тем такого покорного раба. Над вершиной его никогда не видно было дымка. Можно было подумать, что он угас. Отважные инженеры отвели пламя его в каналы, открывающиеся у подножия горы многочисленными кратерами, и огонь направляется через эти новые выходы к заделанной и замазанной центральной дымовой трубе. Главный кратер, таким образом, обращен был в гигантский котел, наполненный водой и подогреваемый со всех сторон пламенем. Огромный металлический колпак, покрывающий все устройство, может, по желанию, открываться или герметически закрывать котел посредством нажимного винта. Беспрерывное кипение этой огромной массы воды дает пар в достаточном количестве и для подземных насосов, и для кузниц, расположенных внизу. Целый день мож-

но было слышать шум паровых молотов, ударяющих о железо на наковальнях в мастерских, окружавших основание вулкана.

Из вулкана добывали металлы и из него же брали энергию для обработки их.

Я осмотрел вместе с капитаном мастерские. Мы отправились на осмотр на заре. Два часа ходили мы по оливковым плантациям, которые приспособились к скалистой почве и покрывали склоны своей серебристой листвой, пока, наконец, не услышали шум молотов. Невольно пришли мне на память мои классические познания. Я переживал с Одиссеем его путешествие, я переживал все сказания мифологии. Вот она, пещера Эола, тут близко, под землей! Вот тут урны с дремлющими ветрами, Зефиром и Бореєм, Эрусом и Нотусом. Сейчас мы увидим циклопов...

Перед нами возвышался вулкан, покрытый огромным медным колпаком, на котором время от времени открывались клапаны, чтобы выпустить тонкую струю пара. На некоторой высоте гора приобретала шероховатый неровный вид, была совершенно обнажена и покрыта старым пеплом. Казалось, будто она плавает в тумане, образовавшемся от испарений, поднимавшихся с подножия ее. Она вся была изрезана туннелями, через которые спускались потоки раскаленной лавы. Черные, по пояс обнаженные люди низвергали эти потоки металлических богатств, отделяли шлаки, сгущали эту блестящую массу в огромных плавильных печах. Ее отвозили в пламенные печи в тележках; огонь в печах раздувался ветром. В кузницах были свои жернова, свои песты, наковальни, огромные сводчатые гrotы, полные невообразимого шума. Раскаленный металл помещался на бронзовые столы. Со свода несся страшный свист, и оттуда ритмически спускалась огромная масса железа в несколько тонн весом. Брызги искр летели во все стороны. Раскаленный металл расплющивался, как мягкое тесто, превращаясь в массивные колеса, в длинные ленты... Изготовленные предметы медленно начинали чернеть и затем поступали в бассейны с холодной водой.

При закате солнца мы направились в город. Мелькавшие между оливками искорки показывали, что светлячки уж открыли свой бал и пируют меж ветвей. Вдали виднелись огоньки на террасах домов.

Капитан был задумчив.

— Не находите ли вы, — спросил он меня, — что жители этого города злоупотребляют благосклонностью природы? Что, если она захочет отомстить им?

Но как может сделать это она, укрощенная, задавленная? Где может она найти выход для своего законного гнева?

Трудно указать, до чего изобретательны были жители острова Бурь! Наиболее заботь уделяли они земледелию. Те, кто имел возможность видеть роскошные виноградники на склонах Везувия, знают, что вулканические наносы весьма пригодны для роста растений. Кроме оливковых деревьев, на острове были виноградники, обширные хлебные поля, прекрасные сады, постоянно полные цветов и плодов.

Возделываемая область больше походила на огромную оранжерею. Все тут было рассчитано, все регулировалось. Растения были предохранены как от обильных тропических дождей, так и от засух. Несмотря на то, что ночи здесь нередко бывают довольно холодные, температура в садах поддерживалась равномерная. Таким образом, здесь искусственно создавалась вечная весна, и во всякое время года тут можно было иметь весенние цветы и осенние плоды.

Но это еще далеко не все. Один гасконский физик открыл, что за окрашенным спектром, даже за ультрафиолетовыми лучами темного спектра, химические свойства которых давно известны, находятся лучи, способные увеличивать интенсивность жизненных явлений в чрезвычайной степени.

Этот новый Прометей стал собирать солнечные лучи огромной чечевицей и затем рассеивать их в своем фруктовом саду. Результаты получились блестящие. Проект его устройства не лишен был красоты. Над садами, на вершине высокой башни, на оси, вращался гигантский выпуклый диск из прозрачного хрусталя. Движением часового механизма он поворачивался на направлении движения солнца, концентрируя лучи солнца на ослепительно сверкавшем очаге. Блестящий пучок световых лучей собирался в призме и распространял в центре сада все цвета радуги. Для красоты тут расположили бьющие фонтаны, отливавшие цветами радуги и охлаждавшие вместе с тем воздух.

Растения, между которыми равномерно распределяются жизнетворные лучи светила, растут здесь так, как ни в одном уголке мира. Стволы апельсиновых деревьев достигают семи-восьми метров в окружности; золотистые апельсины на них равняются по величине арбузам; виноградники гнутся под тяжестью роскошных желтых и черных кистей огромного, величиной со средний апельсин, винограда. Даже на папоротники распространялась эта живительная сила, и они величественно помахивали своими огромными листьями.

Возбуждался даже вопрос о том, чтобы весь остров покрыть растительностью и обратить его в земной рай. Но увы! Судьба предназначила мне быть свидетелем страшной катастрофы, которая разрушила все труды человеческого гения.

Однажды, склонившись на подоконник и с наслаждением вдыхая аромат, доносившийся из моего сада, я был поражен, увидев, что вулкан вдруг как бы окутался облаками дыма. Казалось, будто пар, перейдя за предельное давление, поднял огромную крышку котла. Воздух становился душным, жарким. Остров точно потонул в густом тумане, скрывшем от него свет солнца. На улицах шныряла беспо-

койная толпа. Слышен был ропот, крики. Вдруг почва заколебалась, загрохотала, как будто страшный дракон вдруг пробудился от долгого сна и распрямил свою спину. По направлению от мастерских показалась толпа испачканных, черных рабочих, громко выкрикивавшая что-то.

Я поспешил сойти и присоединиться к толпе.

— Извержение! Извержение! — доносилось со всех сторон.

Страшная новость быстро распространилась. Рассказывали, что вдруг центральный огонь разросся, хлынул в мастерские и разметал рабочих. Там много обуглившихся трупов. Обволакивавшее вулкан облако — это пар из большого парового котла, вернее, из большого кипящего озера, которое моментально обратилось в пар.

Вдруг раздался страшный гул. Тумань осветился красным заревом. Начал падать дождь пепла. Тучи камней падали на дома и в море с оглушительным треском.

Страшный гул, толчок, безумное бегство. Поток лавы хлынул на город, погребая под собой людей. Почва колебалась под ногами... То тут, то там появлялись вдруг огромные трещины. Под землей беспрерывно раздавались глухие взрывы. Пещера Ветров, открывшаяся со всех сторон, выпустила на волю скрытую в ней бурю. Море шумело, пенилось, кружилось под порывами циклона.

Вдали показалась огромная волна. Это была какая-то колоссальная стена, надвигавшаяся прямо на нас. Куда бежать? Мои ноги подкашивались. Я слышал вокруг стоны и крики, видел мечущихся в безумии людей... Где мы? Где капитан? Я никого не узнавал... Я думаю, я тоже кричал, но я не слышал своего голоса.

Остров как будто погружался в океан. Уже мы по лодыжку были в воде... мы в океане... Огромная волна приближается... Рельеф земли все больше и больше погружается, как будто остров старается скрыться от надвигающегося на него грозного врага...

И вдруг покрытый пеной гребень склонился... Огромная водная стена упала... Я закрыл глаза... В ушах стоял оглушительный шум моря...

.

Смерть и на этот раз пощадила меня. Случаю угодно было, чтобы я уцепился за какой-то обломок. Долго носился я с ним по бурному океану, пока меня, полуживого, не подобрал пароход, застигнутый бурей по пути из Плимута в Гонг-Конг.

Море, поглотившее этот таинственный, чудесный остров со всеми его обитателями, оставило лишь меня одного, как воспоминание о нем.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящий сборник, продолжающий публикацию раритетных текстов из архива издательства *Salamandra P.V.V.*, вошли научно-фантастические произведения западных писателей первых десятилетий XX века.

Все произведения публикуются по первоизданиям. Безоговорочно исправлялись очевидные опечатки; орфография и пунктуация текстов приближены к современным нормам. Все иллюстрации взяты из оригинальных изданий. Источники текстов указаны ниже. В квадратных скобках приведены редакционные врезки или предисловия. Допущенные в переводах сокращения нами не оговаривались.

В оформлении обложки использована работа А. Кубина.

Л. Брессель. Сон сэра С. Г. В. Феркетта. Илл. С. Г. Веддера // *Огонек*. 1909. № 33, 15 (28) августа.

П. Ароз. Ученый или преступник? Илл. Р. Брайтэ // *Синий журнал*. 1912. № 44, 26 октября.

Ф. Уайт. 2000° ниже нуля // *Мир приключений*. 1923. № 4.

Ч. Уолфи. Отмычка // *В мастерской природы*. 1928. № 12.

Ж. Жакен. Господин Икс // *Для Вас* (Рига). 1934. № 26, 24 июня.

Ф. Буте. Убийство // *Для Вас* (Рига). 1934. № 37, 8 сентября.

Д. Шлоссель. Лунный курьер // *В мастерской природы*. 1929. №№ 7-8. Ориг. заглавие «*To the Moon by Proxy*».

Д. Цукка. История стеклянного старичка. Пер. Е. Фортунато. Илл. Н. Ушина // *Мир приключений*. 1928. № 2.

Ф. Энсти. Приключение со стеклянным шаром // *Мир приключений*. 1922. № 1. Наст. имя автора — Томас Энсти Гатри.

Ж. Клюз. Застывшая тень. Пер. Б. В-ого // *Иллюстрированная Россия* (Париж). 1930. № 20 (261), 10 мая.

Ш.-А. Ирш. Навсегда казненный // *Огонек*. 1908. № 42, 19 октября (1 ноября).

Ж. д'Амбалет. Человек, который видел будущее. Пер. Б. В-ого // *Иллюстрированная Россия* (Париж). 1930. № 15 (256), 5 апреля.

В. Таддеус. Химический магнит // *В мастерской природы*. 1928. №№ 7-8.

Б. Олсен. Хирургия четырех измерений // *В мастерской природы*. 1929. №№ 1-2.

Э. Морфи. Астрагеновый жилет. Илл. В. Х. Робинсона // *Журнал приключений*. 1916. № 5.

О. Бельяр. Путешественник во времени // *Мир приключений*. 1910. № 4. (под загл. «Путешественник во времени»). Публ. по: *Искатель*. 1970. № 5 (здесь под загл. «Вестник из глубины времен»). Ориг. загл. «*Aventures d'un voyageur qui explore le temps*» («Приключения путешественника, исследовавшего время»). Илл. А. Моншаблон взяты из первого изд. (*Lecture pour tous*. 1909. № 4, январь).

[Автор публикуемого рассказа — французский писатель Октав Бельяр — был в свое время довольно известен. В 1909 году он выпустил книгу фантастических новелл «Рассказы болтливого доктора», куда и вошел «Вестник из глубины времен», появившийся в 1910 году на русском языке в журнале «Мир приключений»).

С тех пор, как Герберт Уэллс написал свой роман «Машина времени», путешествия в прошлое и будущее заполнили мировую фантастику. Особенно посчастливилось так называемым хроноклазам (нарушения, связанные с перемещением во времени), благодаря которым путешественники в прошлое могут «подменять» известных исторических личностей, «организовывать» известные события, «улучшить» или «ухудшить» историю. Но в начале ве-

ка, когда был опубликован рассказ О. Бельяра, рационалистическое истолкование мифологических сюжетов средствами научной фантастики было такой же ошеломительной находкой, как и неожиданные возможности, открытые «Машиной времени» Уэллса. И недаром этот роман служит О. Бельяру как бы трамплином для развития действия. Отталкиваясь от гениальной выдумки английского романиста (гениальной называет ее сам О. Бельяр), он идет дальше, перенося героя в определенную историческую эпоху и едва ли не первым в фантастической литературе использует хроноклазм.

Вполне понятно, почему «Вестник из глубины времен» еще в детстве произвел такое впечатление на известного советского писателя Юрия Олешу, что запомнился ему на всю жизнь. Впоследствии заметки об этом рассказе вошли в его книгу «Ни дня без строчки», правда, без имени автора и названия произведения.

Развивая тему Уэллса, Октав Бельяр опередил свое время. Вот почему «Вестник из глубины времен» в наши дни не кажется архаичным, хотя и не может произвести особенно сильного впечатления на фоне современной фантастики. В нем есть еще и то главное, что подметил здесь Юрий Олеша: драматизм ситуации и неподдельная человечность. Заметка Ю. Олеши и привела меня к поискам забытого рассказа, который публикуется сегодня в исправленном и заново отредактированном переводе.

Евг. Брандис]

О. Бельяр. Таинственный остров. Пер. М. В. Илл. А. Лано // *Всемирная панорама*. 1911. № 123/34, 19 августа. Ориг. загл. «*Les merveilles de l'île mystérieuse*» («Чудеса таинственного острова»).

Оглавление

Л. Брессель. Сон сэра С. Г. В. Феркетта	6
П. Ароз. Ученый или преступник?	26
Ф. Уайт. 2000° ниже нуля	41
Ч. Уолфи. Отмычка	54
Ж. Жакен. Господин Икс	63
Ф. Буте. Убийство	73
Д. Шлоссель. Лунный курьер	82
Д. Цукка. История стеклянного старичка	101
Ф. Энсти. Приключение со стеклянным шаром	116
Ж. Клюз. Застывшая тень	137
Ш.-А. Ирш. Навсегда казненный	143
Ж. д'Амбалет. Человек, который видел будущее	156
В. Таддеус. Химический магнит	165
Б. Олсен. Хирургия четырех измерений	182
Э. Морфи. Астрагеновый жилет	207
О. Бельяр. Путешественник во времени	223
О. Бельяр. Таинственный остров	250
П р и м е ч а н и я	267

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.